На правах рукописи

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
БИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Карелин Дмитрий Витальевич

ТАКИЕ ВОТ ИСТОРИИ

Всем нам посвящается

Москва - 2010

Странна ли, скажем, жизнь китайца,
Когда живет на свете грек,
И русский тоже жить пытается ...
(Дмитрий Пригов)

Аннотация.

Для кого все это написано? Если вы наших, научных кровей, как выразился однажды доктор биологических наук Леонид Борисович Кряшторин, то должны знать, что у нас в издательствах была и есть странная традиция писать в аннотациях к научным книгам для кого они предназначены. Можно подумать, что сами мы в этом без помощи издательства не разберемся. Представляется ученый, который с вожделением открывает свежую, еще пахнущую типографской краской книгу в магазине, не находит своей профессии в аннотации и с печальным вздохом откладывает томик, не читая, - не для меня, не для меня. Но есть в этом что-то и трогательное, согласитесь. Кто-то о нас, грешных, еще печется – не прочитали бы, не дай Бог, чего лишнего, не навредили себе, и времени драгоценного не потеряли. Так вот, эта книга предназначена моим коллегам по цеху, а) имевших счастье и несчастье родиться в СССР, б) имеющих высшее ломоносовское образование, в) еще не потерявших память, и г) сохранивших способность не только писать, но и читать. А чтобы читать им было привычнее, я все это облек в форму автореферата.

Если считать нижеизложенное мемуарами, то их положено писать в конце жизни. Но, во-первых, откуда мне знать когда он наступит, во-вторых, если он наступит, то когда же писать, а, в третьих, мне кажется, что писать воспоминания следует пока еще живы их современники и участники, а не тогда, когда все уже умерли. Кому тогда все это интересно? Что же касается правды как таковой, то здесь я полностью согласен с тем мнением, что прошлое по сути так же не определено, как и будущее. Поэтому стремление в воспоминаниях к абсолютной правде, конечно, необходимо, но совершенно бессмысленно.

Для любого пишущего мемуары, как в небезызвестном анекдоте, есть две новости: одна плохая, другая хорошая. Плохая – в том, что все воспоминания могут быть справедливо раскритикованы их участниками, а хорошая – та, что любые воспоминания имеют право на существование. Да и не помнит никто ничего. С этой оптимистической ноты и начнем.

Актуальность проблемы (детские и отроческие годы).

Родословная.

Родом я из Сибири. Правда, южной. Случилось так, что мой отец, будучи школьным медалистом и человеком с амбициями, решил из города Красноярска двинуть покорять московскую науку. Навел его на эту безумную мысль старшеклассник Юра из той же школы, по фамилии Овчинников, который сделал это на год раньше, поступив на химфак МГУ. Это и был будущий вице-президент академии наук Ю.А. Овчинников, только тогда этого никто еще не знал. Так все мы, один за другим, постепенно оказались в Москве.

Красноярцы пришли покорять Москву. На правом фланге мой отец и Ю.А. Овчинников. Новый МГУ только построен, даже деревья еще не отросли, одни фонари (1953).

Тернистый путь на остров Свободы.

После победы революции на Кубе отца, который в начале 1960-х был недавним аспирантом, партком призвал поднимать науку на Кубе. Брошенный родителями, сбежавшими на остров Свободы, я тогда жил в хакасском городке Ужуре, километров за 100 к югу от Красноярска, у маминых бабушки и дедушки. Добираться до Кубы в те времена было непросто. Сначала до блокадной Гаваны вообще можно было доплыть только на корабле. Лишь год

Во глубине сибирских руд. В Ужуре у дедушки Павла (мамин папа) я жил до 3 лет. Приятный, но недолгий период в жизни, когда тебя носят на руках. На левом снимке еще и моя бабушка Татьяна Дмитриевна (папина мама) и двоюродная сестра Ленка (сейчас главный инженер Норильского комбината). А на правом снимке нам с мамой в сумме 26 лет.

Куба далеко, Куба далеко, Куба рядом! (в общежитии МГУ, 1962)

спустя, после того как американцы блокаду сняли, стало можно добираться туда по воздуху. Поняв, что быстро это дело не закончится, отец вскоре вернулся за остатками семьи, т.е. за мной, которому было всего лишь 3 года.

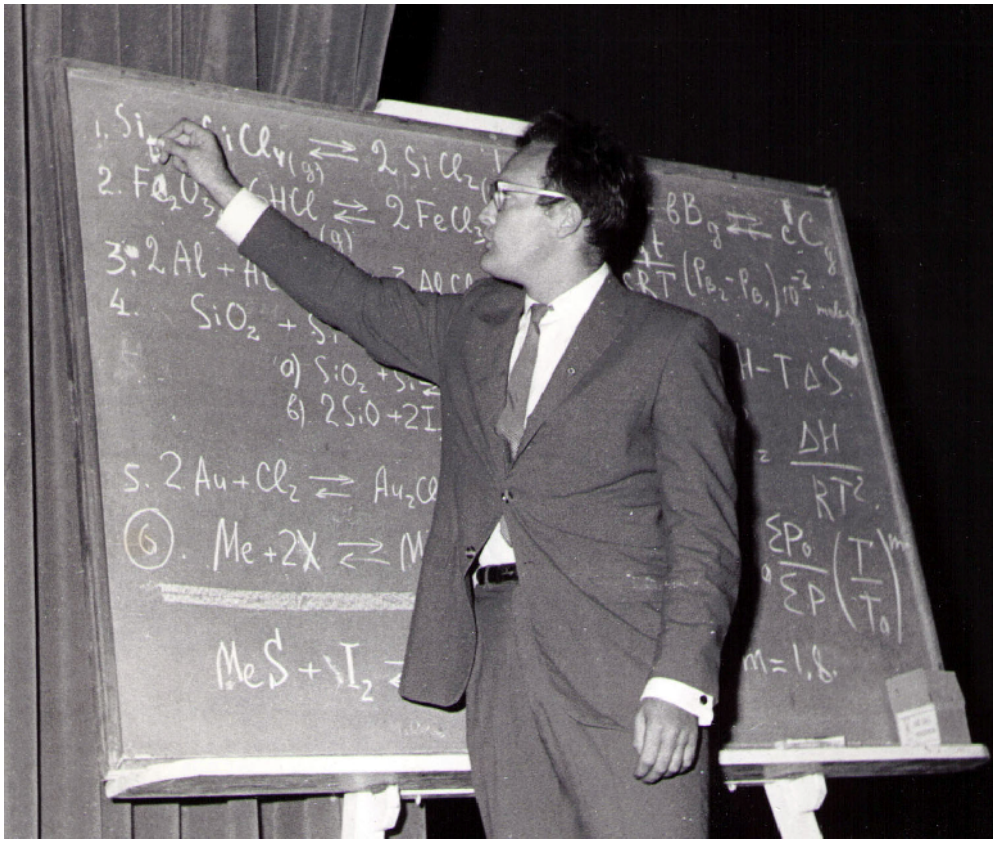
Летели мы с ним на французской «Каравелле» (один из первых гражданских реактивных самолетов той поры) со множеством пересадок, через Прагу, Лиссабон, Канаду и еще что-то. Я быстро устал и заснул у отца на руках. А по салону стюардессы начали разносить пиво. Надо было жить в те годы в СССР, чтобы понять, что это такое было, когда тебе красивые, улыбающиеся девушки сами приносят бесплатное (!) пиво. А тут у отца, которому, замечу, и было-то тогда 28 лет, - я на руках пластом лежу. Отец горюет, но меня не бросает.

И тут рядом раздается удивительно знакомый, завораживающий баритон: «Да вы *мне* его давайте, я его с удовольствием подержу. Мне все равно пиво пить нельзя, а детей держать можно». Отец оборачивается и видит за собой знаменитого киноактера Николая Черкасова («Александр Невский», «Иван грозный», и много еще). Надо знать его тогдашнюю бешеную популярность. Ну, отец ему меня и отдал. Так я проспал до Праги на руках у великого русского артиста, который летел, кажется, лечиться в Карловы Вары. Теперь, когда вижу его на экране, вспоминаю эту историю.

Уникальная фотография - два Маяковских: Юрий Овчинников и Николай Черкасов (театр МГУ, 50-е годы).

Уроки испанского.

Когда отец ехал на Кубу впервые, перед ним и его коллегами коммунистической партией была поставлена задача немедленно начать процесс высшего образования кубинских товарищей. Хорошо хоть ехать пришлось на корабле, поскольку из-за американской блокады других путей на остров еще не было. Это давало им, по крайней мере, шанс за три недели пути выучить испанский. Правда, не только учебники, но даже переводчики на корабле, оказывается, все же были. С ними вместе тайно ехали под чужими (?) именами две переводчицы-испанки, осевшие в СССР еще со времен гражданской войны в Испании. Уже через месяц после прибытия на Кубу он прочел на испанском свою первую лекцию студентам.



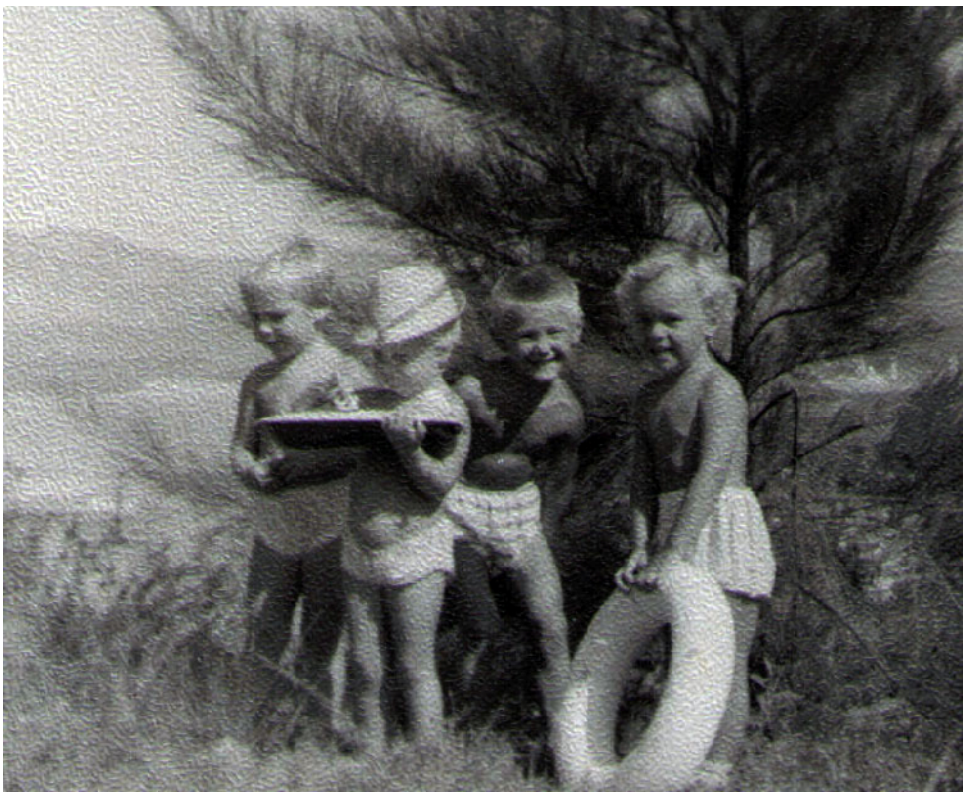
Первая лекция.

Отец впоследствии много работал на Кубе и блестяще овладел испанским. Я долго ему завидовал, пока сам в зрелом возрасте не выучил. Впрочем, выяснилось, что в младенчестве я его тоже знал, но по возвращении забыл. А по словам моих родителей, будучи 4-х лет от роду я лучше всего знал чешский. Так вышло из-за того, что в нашем интернациональном поселке Пунта Горда рядом с Сантъяго-де-Куба больше всего было чехов и восточных немцев. С немцами я почему-то не дружил, а вот чехи (точнее чешки) были моими постоянными приятельницами. Мои родители не знали чешского, все там общались на испанском, который был языком межнационального общения. Но интуитивно понимая детским умом в каких случаях нужен перевод, я

самостоятельно (никто не просил) служил отцу переводчиком с чешского на русский и обратно.

Юный переводчик между мамой и папой (Пунта Горда, 1963).

Мы с чехами росли в то время как чертополох. Носились по всему острову куда заблагорассудится, и никто за нами, по-моему, не следил. Недавно моя мама под давлением веских улик это признала. У меня сохранилось несколько наиболее ярких воспоминаний тех лет, больше напоминающих рассыпанные бусинки.



Малышня в Пунта Горде (1963).

Бусина первая. Ловля ракообразных по-карибски.

Мы, 4-летние карапузы, барахтаемся на мелководье у берега среди кораллов, морских ежей и водорослей. Про акул и прочие книжные опасности никто не думает (читать еще, слава Богу, никто не умел). Дело у нас очень серьезное – мы ловим лангустов – морских раков. Техника при этом такая: надо найти лангуста, а потом исхитриться схватить его за кончики длинных усов, усеянных шипами, которыми он как безумный размахивает под водой во все стороны. Если это удалось, то следует немедленно их соединить друг с другом, как два оголенных электрических провода. В этом случае на лангуста сразу находит что-то вроде столбняка, после которого с ним можно делать все, что угодно. Я помню, что нашел на берегу старую дверь и плавал на ней, лежа на животе и разглядывая морское дно, как с птичьего полета. Пойманных лангустов мы потом варили тут же в ведре, принесенном соседскими негритятами.

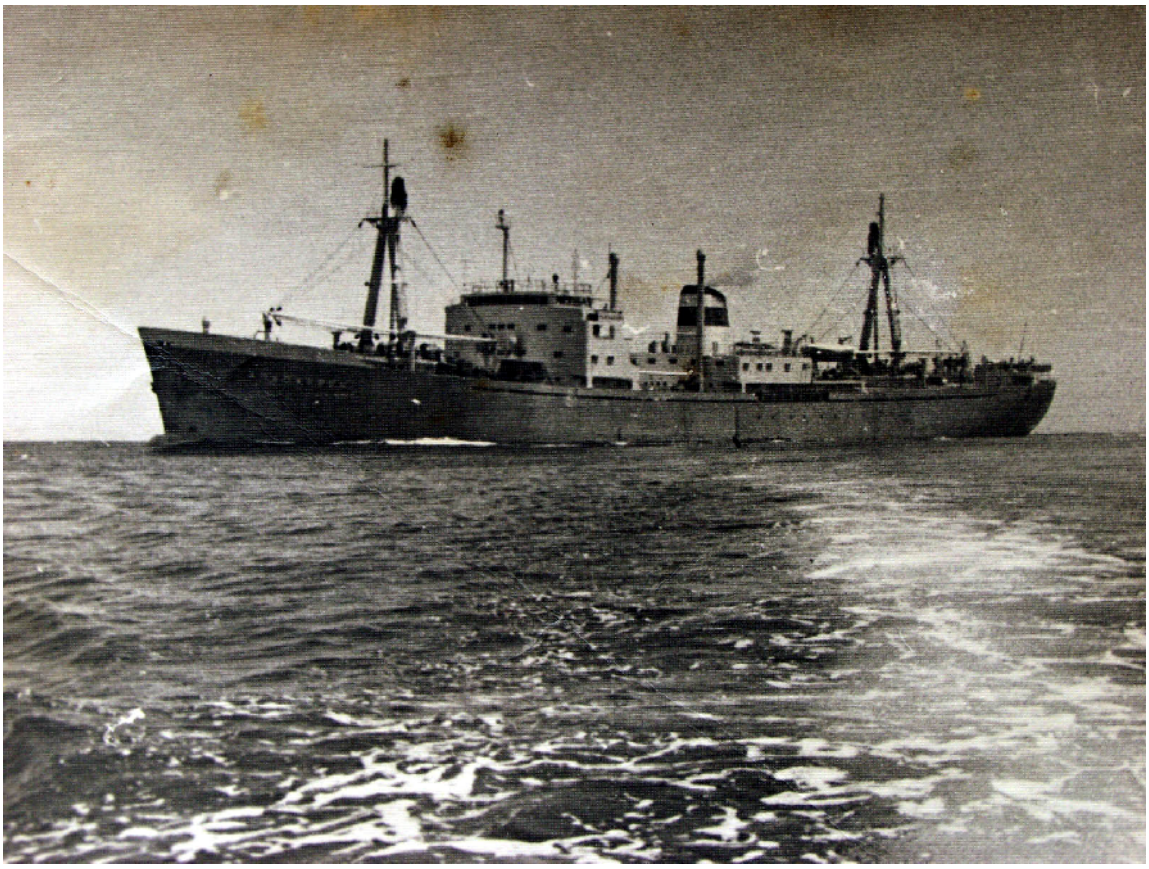
Дикарь на дереве в одной набедренной повязке.

Бусина вторая.

Однажды душной тропической ночью мы всей семьей ехали на отцовском мотоцикле «Ява», - вид транспорта в 60-е годы очень завидный, хотя бензин на Кубе выдавали тогда по карточкам (сейчас, кстати, тоже). Мама сидела сзади, а я, как всегда, – верхом на баке. Ехали мы домой через горы, как вдруг, как раз недалеко от американской военной базы Гуантанамо сноп света из мотоциклетной фары потух, и мы оказались в кромешной тьме. Отцу каким-то чудом удалось затормозить и удержаться на шоссе. Когда он слез с мотоцикла, оказалось, что до бездонной пропасти нам не хватило всего метра. Самое интересное, что родители потом утверждали, что я мирно проспал весь эпизод и помнить ничего такого не могу, а я все помню.

Бусина третья.

Иногда в порт заходил советский сухогруз «Алапаевск» со всякими товарами для нашей маленькой колонии. Привозили и свежие фильмы. В такие дни вечером, после захода солнца, все взрослое население поселка отправлялось смотреть кино. Кино показывали на огромной парусине, растянутой под открытым небом прямо на берегу, недалеко от поселка. Собирались не только «колонисты», но зачастую и местное население. Мне по малолетству положено было спать, и разгильдяи-родители оставляли меня в



“Алапаевск” подходит к Сантяго (1964). В 1962 во время карибского кризиса этот мирный сухогруз перевозил в своих трюмах не селедку, а ядерные ракеты.

доме одного, без всякого присмотра, потому, что все бабушки остались в другой части Света. Как-то раз я проснулся раньше времени и ревя от ужаса в тропической черноте, освещаемой только звездами, побежал куда глаза глядят, шлепая ногами по пустому шоссе.

Нашел меня один из немцев, наш друг Клаус, он и позвал маму со словами: «Luda, su muchacho esta lorando mucho («Люда, ваш мальчик сильно плачет"). Кино я смотрел вместе со взрослыми, и был совершенно счастлив. Помню даже какой-то момент из того военного фильма: солдат-почтальон на мотоцикле подъезжает к окопам, а по нему стреляют из пушек, везде взрывы и все такое. В общем, здорово.

Бусина четвертая.

Кто-то из мужчин убил в нашем домике огромного черного тарантула. Мама пропустила сцену убийства и увидела только конвульсивно сокращающуюся паучью ногу, но тут же упала в обморок.

Я и мама (Пунта Горда, 1963).

Бусина пятая и последняя.

Мы с моей чешской подружкой Иренкой заблудились в зарослях, как вдруг прямо на нас вышел огромный сухопутный краб! Ужас, который мы испытали можно сравнить разве что с ужасом перед воскресшим тиранозавром. Нам краб показался ростом с нас самих. Да и было чего пугаться: еще и весь белый, как смерть, краб поднялся на негнущихся ногах будто марсианский треножник,

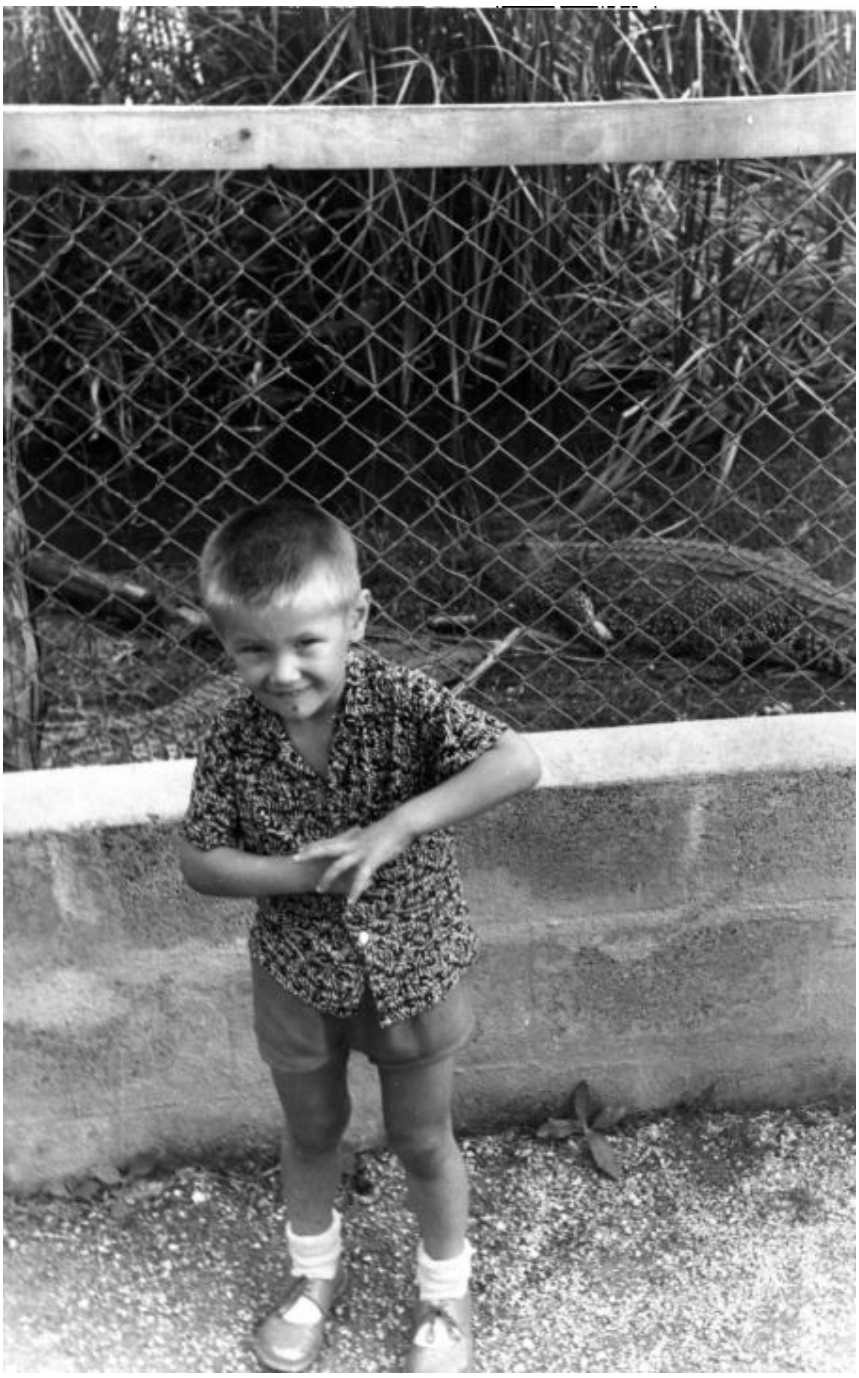
развел клешни в стороны, и как кинется на нас! Бег помню плохо, но кричали от ужаса так, что нам навстречу высыпал весь поселок. Когда я гостил у Иренки спустя 25 лет в Праге, то напомнил ей этот эпизод, но она поклялась, что ничего не помнит. Эх, коротка женская память...

Мы с Иренкой – международные хулиганы (Пунта Горда, 1964)

С едой тогда на Кубе было плохо (и сейчас немногим лучше), но специалистов снабжали как могли, и мы этих проблем почти не замечали. Раз в несколько дней к нам приезжал микроавтобус, который назывался у нас «гуагуита», и привозил совершенно сказочное для советского человека изобилие – ананасы, папайю, апельсины, бананы и черт-те что еще, разноцветное и сладкое. Все это было по карточкам, как и рыба. Главной же проблемой было молоко, хлеб и мясо. По-моему, их совсем не было. А с наших

судов нам иногда перепадали черный хлеб и селедка. За это люди были готовы все отдать.

Пресловутая «картошка» нашла моих родителей и на Кубе. Только вместо нее здесь всех взрослых посылали на рубку сахарного тростника. Как я сейчас понимаю, тяжелая это была работа, но детям такие мероприятия были в радость: можно было сколько хочешь жевать сладкую мякоть этих кочерыжек. Вкус их и волокнистую консистенцию помню до сих пор. А мама с кубинками (добровольно, а не как рабыня Изаура) собирала кофе и апельсины.



Ой, какие зубы! Интерес к биологии проснулся (в крокодильем питомнике, Сантяго, 1964).

Еще одно странное полугастрономическое воспоминание. Мы все втроем едем на верном мотоцикле есть черепаховый суп. Нас пригласили какие-то друзья-кубинцы. И вот мы очень долго едем, а когда наконец приехали, то оказалось, что мы опоздали и суп уже успел испортиться. Больше в своей жизни я этот суп так и не попробовал. Из-за этого я долгое время думал, что этот черепаховый суп такой особенный, что он мгновенно портится, если его тут же не съесть.

В те баснословные времена нашим с Кубы дозволялось вывозить буквально все, чем был богат остров. Сейчас в это даже поверить трудно. Хотя отец, как человек щедрый, постоянно все раздаривал гостям, у нас с мамой до сих пор в квартирах есть полки, занятые кораллами, раковинами, чучелами акул и прочих морских чуд.

Отец в подводном мире (Куба, 1965).

Однажды на Кубу приехал какой-то наш спец, который решил всерьез заняться подводной охотой. Он привез с собой кучу дорогущего оборудования, какой-то импортный акваланг, особый резиновый костюм, невероятное по мощности и красоте подводное ружье, и проч. И вот, в сопровождении отца, который был любителем поплавать с маской за рыбой, во всей этой красе он торжественно опустился с лодки в воду на первое погружение. Пробыл он там буквально несколько секунд, и вылетел пробкой обратно, поскольку первое, что

он там увидел была огромная барракуда, которая на него смотрела. После этого он немедленно продал все снаряжение и больше к воде не подходил.

Корасо-то корасо, да ничего каросево!

Отец рассказывал, что один из новоприбывших на Кубу специалистов наивно удивлялся, почему по радио все время поют и приговаривают: «корасо», да «корасо!». Надо же, какой оптимистический народ, и как быстро наш язык выучили! «Корасо» же было всего лишь испанским словом «corazon», что означает «сердце». О любви они пели, о любви, да и сейчас поют.

Однажды Фидель Кастро посетил с инспекционным визитом университет в городе Сантяго-де-Куба и подарил отцу, который был его «гидом», свою шариковую ручку. В детстве я очень любил писать ей, представляя, что подписываю революционные декреты. Потом она где-то потерялась. Но вот сертификат, которыми расплачивались первые «барбудос», хранится у меня до сих пор. На нем стоит автограф, подаренный отцу космонавтом Владимиром Комаровым, который приезжал на Кубу сразу после облета им Земного Шара в 1964.

Любопытнейший документ – обратная сторона сертификата в 1 песо. Так кубинские «барбудос» расплачивались в счет будущей победы революции. Сверху - автограф космонавта Владимира Комарова. Дополнительную ценность документу придает то, что он подписан той самой ручкой Фиделя.

Как мы с Фиделем героями были.

Чтобы завершить тему Фиделя расскажу случай, произошедший много лет спустя, уже на моем первом курсе, и едва не стоивший мне волчьего билета. Жили мы тогда на Ленинском проспекте в одной из пяти панельных 20-этажных башен, построенных по американскому образцу. Они и сейчас там стоят. Дома были по тем временам выдающимися, но спроектировали их странно. Например, в них практически отсутствовали балконы, а были только небольшие торцевые, утопленные в стену «ниши», в которые и стул-то входил с трудом. Стояли они прямо на въезде огромными, повернутыми торцами «книжками», а дальше на разделительном газоне всех въезжающих встречал лозунг: «СССР – оплот мира» (его и теперь можно увидеть в музее символов советской эпохи под открытым небом на Крымском валу, рядом с горизонтальным памятником Дзержинскому).

В те времена очень любили устраивать всенародные встречи всяких заграничных деятелей из дружеских стран. Недружеских к нам не пускали. Делалось это с размахом. Весь окрестный народ из учреждений и школ вдоль Ленинского сгоняли по разнарядке к обочинам и раздавали флажки соответствующей державы. Все оцеплялось милицией и специфическими людьми, похожими на «тонтон-макутов». Ждать иной раз приходилось по два часа, и хорошо если дело происходило летом. Школьниками, впрочем, мы развлекались как могли и особо не переживали.

Когда же на бешеной скорости по совершенно пустому проспекту проносился кортеж из черных «чаек» и «зисов», увидеть что-то было совершенно невозможно, да думаю и из машин нас можно было разглядеть весьма приблизительно, так что глубинный смысл этого мероприятия был скорее чем-то вроде обязательных минут «небывалого единения», как у Дж. Орвила. Замерзший и соскучившийся народ всегда орал и размахивал флагами с неизменным энтузиазмом, а если кортеж задерживался, то издевательски приветствовал криками «ура!» проносившиеся мимо «волги» гаишников. Поскольку мы имели несчастье жить на трассе Внуково – Кремль, то довольно часто не могли выйти из дома в магазин, или войти в дом из магазина из-за очередной всенародной «встречи на Эльбе».

Наконец, кажется в 1978 году, к нам приехал Фидель. В это время мои родители опять были на Кубе, а я жил вместе с еще тремя студентами-квартирантами и бабушкой, которую по этому случаю выписали из Красноярска. Собственно, квартирант-то сперва предполагался один, армянин Рома из Тбилиси («старик Ромуальдыч»), студент-медик. Но как-то постепенно пространство, оставленное родителями, стало заполняться. Сперва из города Обнинска появился Костя, студент-химик МХТИ, сын отцовского однокурсника, а потом из Харькова приехала учиться какая-то настолько дальняя родственница, что даже бабушка затруднялась сказать, чья именно. Мы довольно весело жили этой коммуной в нашей 3-комнатной квартире целый год. Поэтому, когда кто-то из иногородних однокурсников заметил, что нам москвичам, дескать, не понять, что такое жизнь в общаге, – был искренне возмущен.

Конечно, мы не могли пропустить такое событие. Из кладовки был извлечен кубинский флаг, привезенный много лет назад с острова Свободы, но еще ни разу «не надеваный». Сверху, с 12-го этажа, из нашей «ниши» было хорошо видно весь пустынный проспект, уходящий в сторону кольцевой. Отец всегда говорил, что с нашего балкона только президентов отстреливать. Народ томился. Суетящиеся менты и «тонтон-макуты» исполняли броуновские фигуры, регулируя толпу. А надо сказать, что высунуться с балкончиков было категорически нельзя. За этим бдительно следили «макуты» и тут же орали в мегафон. Я наблюдал в бинокль.

И вот, в дымке показался кортеж. Такого народ еще не видел. Героический «командантэ» оказался первым государственным деятелем, который не побоялся встретится с советским народом лицом к лицу. Машины ехали очень медленно, но, главное, Фидель стоял совершенно один в открытой «чайке» и все его могли видеть. Такого восторженного рева я потом не слышал даже в переполненной чаше стадиона «Динамо», когда «Спартак» забивал пятый гол швейцарскому «Сьону». Тут и настал наш выход.

Как только машина с Фиделем поравнялась с домом мы все трое выскочили на балкончик, словно черти из табакерки, и давай размахивать флагом с криками «!Viva Cuba! Viva Castro!». Что тут началось! Фидель нас увидел, обрадовался, и стал руки над головой вздымать, наверное подумал, что мы кубинские студенты. «Тонтон-макуты» внизу бегают как муравьи, кричат в мегафоны: «Убрать флаги! Убрать флаги!», но сделать уже ничего не могут.

Ну проехал он, а мы сидим, трясемся, ждем, когда за нами придут. Флаг спрятали под кровать, хотя Ромуальдыч предлагал спустить его в унитаз, как главную улику. Но так до сих пор и не пришли.

Дом с башенками.

В 1966-ом мои родители получили, наконец, московский «вид на жительство». Нам дали комнату в коммуналке и мы переехали на Ломоносовский проспект, напротив кинотеатра «Прогресс» (теперь в нем театр Армена Джигарханяна) возле метро «Университет». В народе этот огромный дом с архитектурными излишествами известен, как «дом с башенками».

Это случайное поселение и определило, как это часто бывает, всю мою последующую жизнь.

* * *

Шпион-парашютист (1966).

14-я школа.

Шпионские страсти.

Перед тем как поступить в школу, я, как все советские дети, прошел недолгое испытание детским садом. Детский сад располагался прямо в нашем доме, со стороны Ломоносовского проспекта, и был огорожен низеньким ажурным кирпичным заборчиком. С него я впоследствии навернулся, убегая от сторожа, прямо головой об асфальт, да так что искры из глаз посыпались. Воспитательница была дама с фантазиями, и как только я появился в садике, дети меня радостно предупредили, что она славится, как виртуозная рассказчица про шпионов. В те времена все от мала до велика были заражены шпиономанией. Помню такой рассказ нашей воспитательницы. Мы все сидим после обеда на стульчиках и слушаем ее, затаив дыхание. Однажды в детском саду появился новый мальчик (все сразу смотрят на меня). Он был совсем как все, играл, ел и спал, а за ним приходил дядя, который называл себя его папой (и за мной часто приходил папа). Но один внимательный мальчик заметил, что за обедом новенький съедает не одну, как все, а две котлеты.

В детских садах всех времен и народов. Вверху – Гавана (1963), внизу – уже подмосковье (1966). Любопытно, что здесь я стою на коленях в одном ряду сразу с двумя девочками, с которыми потом попаду в биологический класс 57-ой школы (Динара Гусейнова и Вера Кишкина). С Верой мы (в кружках) потом еще и на биофак попали. Как романтично звучит – мы с вами вместе стояли на коленях...

Мальчик рассказал об этом воспитательницам и новенький вскоре был с позором разоблачен. Он оказался, конечно же, шпионом-карликом, который был заброшен к нам в детский сад вражеской разведкой. Я потом долго старался не просить в столовой добавки и ел как можно меньше, хотя времена были голодные. А может для этого все и рассказывалось?

Относительно тех несытых времен еще такое воспоминание. Однажды в первом классе я, придя со двора, съел с голодухи двухсотграммовую пачку сливочного масла, поскольку больше ничего в доме не нашел. После этого я лет десять видеть масла не мог.

Дом №14 и школа №14 на Ломоносовском. Дом так и остался 14-ым, а школа сейчас поменяла свой номер на 26. Стрелка указывает на окна нашей квартиры на 6-ом этаже (октябрь 2010).

Свою первую школу номер 14 помню плохо. Учился я там только в 1-ом классе. Двор наш мало отличался от любых дворов начала 1960-х в Москве. Как я потом узнал, в дома нашей округи переселяли жителей прославленной уголовными подвигами Марьиной рощи. Каждую весну бывали традиционные драки двор на двор, уголовники дрались с уголовниками, средние - со средними, а мелкие – с мелкими. В нашем доме, тоже №14 по Ломоносовскому

проспекту, меня быстро идентифицировали как интеллигента и тянули через меня из дома все, что можно, пока мой приятель и одноклассник Хосянов («Хося») это не прекратил.

Хося был потрясен, когда я запросто подарил какому-то сладкоголосому уголовнику 16-цветную ручку, привезенную отцом из Чили. Старший брат Хоси тоже был каким-то серьезным сиделым, и его ранг во дворе был достаточно высок. Помню, когда кто-то пристал к нам во дворе и пытался просто начистить по морде (брать-то, по тем временам, нечего было), - Хосе (ударение на первый слог, тогда это не звучит как имя героя оперы «Кармен») было достаточно упомянуть имя брата, и нас уважительно оставили в покое. Ручку мне тоже потом вернули с извинениями. Для идентификации тебя в дворовой иерархии было достаточно предъявить имя какого-нибудь местного авторитета. Без этого во двор не выходили. Очень напоминает современную российскую политику.

Взрослые не замечали нашей муравьиной возни и территориальности на уровне их колена, но она была не менее серьезной, чем территориальность городских бродячих собак. Она строго поддерживалась внутри каждой возрастной когорты. Не дай Бог было зайти на чужую территорию. Последствия могли быть самыми серьезными. Чтобы подтвердить установленные границы, да и просто размяться, по русскому деревенскому обычаю, каждую весну, до конца 60-х, у нас сходились двор на двор, а то и район на район. Перед началом драки старшие договаривались о правилах (современные, т.н. «русские» тв-бои без правил – вероятно, из области интервенции чего-то чужого). Я застал еще последние Великие Весенние Драки. Мы, малыши, только смотрели, не участвовали, а старшие, в своих возрастных категориях честно дрались только на кулаках, без кастетов и дубья.

Великая битва на воронцовском поле.

Лишь единственный раз на моей памяти этому правилу изменили. Дело было в 1970-м году, когда мы уже переехали в новый дом на угол улицы Удальцова и Ленинского проспекта. В интернат, на окраине Воронцовского парка, возле нынешнего немецкого посольства, сердобольное правительство поселило беженцев и детей-сирот из сельских районов Дагестана, пострадавшего от 8-бального землетрясения. Эти сироты за несколько месяцев умудрились так всех достать, что даже долготерпимый русский народ не выдержал. Да и было от чего. Средь бела дня любого из нас могли запросто раздеть догола, отнять деньги или просто избить.

«Даги» обычно действовали так. Группа крепких подростков высылала вперед какого-нибудь шпаненка, ростом с ведерко, который нагло начинал шарить у вас по карманам или снимал вашу куртку, а в десяти шагах, посмеиваясь, стояли, наблюдая за процессом, дагестанские «сироты». Наш «интеллигентский» дом был не в счет, а вот дома на улице Кравченко и в районе ресторана «Гавана» были заселены молодежью, которая шутить не любила. Согласно преданию, поводом послужило то, что «даги» обидели кого-

то из младших родственников старших местного блатного мира. Тогда старшие вызвали их старших на переговоры. Вопрос был поставлен так: называйте место и время. Оговорили сколько человек придет с каждой стороны, и чем будут драться. Исключили только огнестрельное оружие (да его и не было тогда ни у кого), а все остальное разрешили, ввиду серьезности претензий.

Это была самая настоящая куликовская битва. Поскольку дагестанцев было несколько сот человек, объединенных, как и их исторические предшественники, татаро-монголы, в отряды с четкой организацией и совершенно без страха и упрека, старшими было решено поднимать всех, чтобы уравновесить силы. Поднялись улицы Новаторов и Строителей, Удальцова, Марии Ульяновой и Вавилова. Пришли даже Тропарево и Зюзино, тогда совсем еще деревни. Нельзя сказать, что власти не подозревали о готовящемся. Но несмотря ни на что, время начала битвы удалось сохранить в тайне и она грянула неожиданно.

Побоище началось днем на пустыре за летним кинотеатром «Ромашка». Пока милиция стянула все силы, а пожарные – свои расчеты, битва была уже в разгаре. Но ни брансбойты, ни десятки милицейских машин ничего не могли поделать, пока все не закончилось само по себе. Я не был ее свидетелем, но потом многие годы находились очевидцы и бытописатели. В ход пошло все. Мелькали ножи и цепи, палки, камни и кастеты. Раненые уползали среди ног дерущихся в кусты, где их подбирали экипажи «Скорой помощи». Было уже несколько убитых. Ожесточение сотен людей достигло предела, но верха взять никто не мог.

По каноническому тексту, все решило внезапное появление на поле боя, прямо как серпуховского засадного полка князя Владимира Андреевича, отряда бойцов из Битцы. И враг бежал. Сам интернат громить не стали, удовлетворились тем, что разнесли железный забор. Больше о дагестанцах в нашем районе никто не слышал. Была для них негласно оговоренная «резервация» в пределах ограды интерната, за которую они не рисковали заходить. Все же, поскольку наша 47-ая школа была от них в нескольких сотнях метров, пару раз мы с ними еще столкнулись, но это уже другая история.

Мой старший друг и сосед по коммунальной квартире Анвар Керимов, который жил со своими родителями в соседней комнате, пытался вытащить меня из этого полууголовного болота. Как я сейчас понимаю, могло и не получиться. Например, Анвар категорически запретил мне ругаться нехорошими словами и курить собранные на асфальте окурки. Тогда было заведено среди малолеток курить окурки, сидя у костра во дворе, и представлять себя взрослыми. Была и своя технология. Табак из «бычков» высыпали на газету, перемешивали, отмачивали, и сушили. Все это происходило по вечерам на пустыре прямо за школой. Интересно, о чем мы тогда говорили?

Еще такой штрих. Мы с Хосей очень любили играть в шахматы у него дома (впоследствии я эту игру почему-то невзлюбил) и, при этом, есть

кукурузные хлопья. Всевозможные кукурузные хлопья и палочки – символ нашего детства. Появились они в неимоверном количестве из-за того, что наш вождь Никита Хрущев решил догнать Америку за 10 лет и всю страну засадил кукурузой.

Коммунальная жизнь.

В коммунальной жизни нам повезло. Ничего особенно драматического не происходило. Были три комнаты и три семьи, что по тем временам норма. Мы дружили с 10-летним Анваром и его родителями, мамой Азой Алимовной, родом из Душанбе, известным востоковедом, и папой, Бурханом Керимовичем, бакинцем и физиком-теоретиком с физфака МГУ. Именно встреча с Анваром, который бурно увлекался животным миром, и оказалась главной в моей жизни. Конечно, встретить такого человека на заре своего онтогенеза – огромная удача.

У Анвара постоянно жили то черепашки, то лягушки, то белые мышки из соседнего зоомагазина. С ним было фантастически интересно и я из его комнаты не вылезал. И как только Керимовы меня терпели? Помню, мы с Анваром вылавливали ужей и черепашек, упавших с балкона на сетку ограждения под балконом. Соседи по этажу скоро привыкли и все что находили на сетке живого, тащили к нам.

Еще мы любили бросать с балкона пробки от игрушечного револьвера-пугача (их давали в обмен на тряпки старьевщики) на асфальт, и они с грохотом взрывались, пугая прохожих. В третьей комнате проживал пожилой университетский слесарь со своей женой, Анной Антоновной. Вскоре он тихо повесился в общем туалете, где его и обнаружил Анвар. Слесаря я, по-малолетству, совсем не помню. Помню только, что мы всей квартирой ходили по вечерам смотреть телевизор к теперь вдовой Анне Антоновне. Телевизор был единственным в квартире и условно считался цветным, поскольку перед его малюсеньким экраном ставилось увеличительное стекло и прозрачная панель с цветными разводами.

Судьба.

В нашей комнате вся мебель состояла из купленного на «кубинские» деньги немецкого гарнитура. Этот первый в нашей жизни гарнитур оказался удивительно живуч. Надо ли говорить, что он в полном составе переехал на Ленинский и выстоял там до самого конца. Сервант, который огораживал уголок, где я спал в коммуналке, теперь благополучно доживает свой стариковский век в нашем деревенском доме в Смоленской губернии. Ему уже за сорок, но он все еще молодцом. Когда мы в деревне выбрасывали раскладной диван из того же гарнитура, я с удивлением обнаружил, что день выноса на свалку мистическим образом совпал с датой его производства в давно не существующей ГДР. Вот и не верь после этого в судьбу.

Ленин против Гитлера.

Про те времена я запомнил показательную историю, рассказанную Анваром. Он был, как сказано, старше меня на пять лет (целая бездна в этом возрасте). Дом №14 был единственным университетским «островом», окруженным целым морем пролетариата. Отсюда и школьный классовый состав. В классе Анвара был парень, который сейчас бы был отнесен к диссидентам, но тогда мы таких слов не знали. Паренек этот на школьном дворе имел неосторожность назвать Ленина Гитлером, в чем явно опередил свое время. Ну, товарищи, конечно, обрадовались и стали его бить. Какой-то прохожий пытался их пристыдить и парня отстоять, но услышав про суть преступления, быстро убежал.

«Безбашенный» дом на Ленинском.

С семьей Анвара мы одновременно перебрались в кооперативный университетский дом на Ленинском: мы на 12-ый этаж, а они – на 11-ый, так, что наш пол стал их потолком. Произошло это не совсем случайно. При распределении квартир папа, который был близко знаком с кооперативным начальством, пожелал оказаться над прежними добрыми соседями, разумно предположив, что в случае шумных застолий списать претензии будет проще. Так мы и прожили «пол о потолок» почти четверть века и остались, как ни странно, друзьями. На общих праздниках, днях рождениях, а потом и свадьбах, мы объединялись этажами и гуляли сразу двумя трехкомнатными квартирами, что было очень удобно для нас и гостей, некоторые из которых думали, что мы чрезвычайно богатые люди, раз владеем двухэтажной квартирой.

В доме на Ленинском мы жили очень дружно. Дом этот и его окрестности были увековечены в кинокомедии режиссера Евгения Карелова «Семь стариков и одна девушка» (1968) незадолго до того, как он был нами населен. Тогда эти пять домов-близнецов были образцом строительного модерна. Сейчас дом закрыт со всех сторон «билдингами» новых хозяев жизни и более чем когда-либо напоминает хрупкий спичечный коробок, поставленный на попа, словно готовый к тому, чтобы его сшибли одним щелчком. Жили дружно наверное потому, что дом был кооперативный и заселяли его одновременно семьи с детьми почти одного возраста, в основном, из университетских интеллигентов.

Все проблемы решали сообща. Художники расписывали витражи в подъезде. На первом этаже с одной стороны располагалась известная всей Москве филателия, где каждую субботу собиралась толпа маньяков-марочников, а с другой – ЗАГС, где по тем же субботам случались свадьбы, которые больше интересовали женскую половину нашего двора. Из людей известных в доме жили великолепный фотохудожник Вадим Гиппенрейтер (он и сейчас там живет) и писатель Анатолий Стреляный, который потом много лет работал в Германии в русской службе радио Свобода.

Дом №92 по Ленинскому. Сегодня он закрыт со всех сторон «билдингами» и рекламами, но еще вполне молодцом. Стрелка указывает на (теперь уже не) наш балкончик, с которого мы приветствовали когда-то Фиделя.

В первые годы все детское население нашего дома (человек около 30) ежедневно собиралось играть во дворе. Одной из любимых забав мальчишек нашей 19-ти этажной башни была игра в «альпинистов». Лестница черного хода имела выходы на каждом этаже, закрытые грубой внешней решеткой. Задача состояла в том, чтобы забраться с ее помощью по отвесной стене дома как можно выше. Теоретически можно было забраться от первого до последнего, 19-го этажа. Но это никому не удалось. Мой личный рекорд составлял 12 этажей (я там и жил).

А то еще любили дать кому-нибудь ухватиться за канат, привязанный к краю крыши для ремонтной люльки, оттянуть его всей толпой и отпустить. Испытуемый летел при этом с высоты пятого этажа со страшной скоростью и спастись от удара о стену можно было только точно спрыгнув в песочницу. Проходя сегодня мимо нашего дома я прихожу в ужас от мысли, что мы тогда вытворяли. И как мы только выжили...

Папа во дворе дома рядом с верным «запорожцем» (1969).

А этот снимок сделан с той же точки 40 лет спустя.

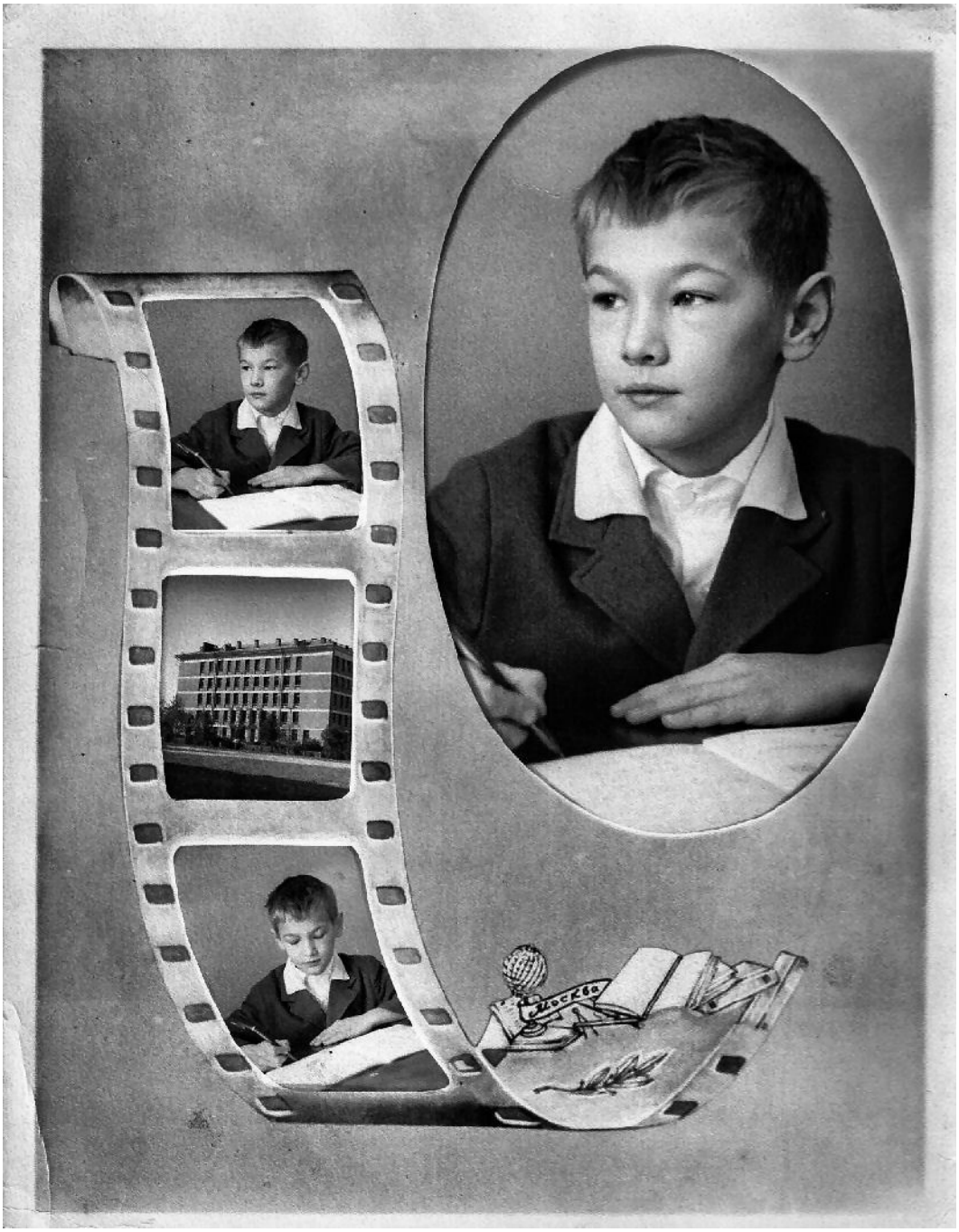
47-я школа.

Сегодня эта школа сменила номер, но английский уклон остался (2010).

После переезда в новый дом родители перевели меня в другую школу, хотя Анвар так и продолжал ездить в нашу 14-ю, на Ломоносовский. Меня это очень огорчало. Новая школа №47 была, как тогда говорили, с «английским уклоном», и попасть туда было непросто. Мало того, школа относилась к Октябрьскому району, а наш дом хоть и был к ней близехонько, но стоял прямо на границе Гагаринского. Это было почти нерешаемой проблемой. Отцу даже пришлось подключить к ее решению министра среднего образования, что страшно напугало директрису.

Но все решилось как нельзя лучше. И вот, сдав какое-то странное собеседование, я был зачислен во 2-й класс. Социальный состав в нашем классе был словно из Ноева ковчега. В нем учились дети рабочих, шоферов, уборщиц, кагэбешников, дипломатов, ученых, и поляки из соседнего дипкорпуса. Поляки запомнились двумя глуповатыми толстяками, словно «из одного ларца», по имени Вацлав и Вроцлав, которые время от времени молча дрались между собой на задней парте. Школа была образцово-показательная и на переменах нас заставляли гулять парами по кругу, как на тюремном дворе. В таком виде

нас демонстрировали иностранным комиссиям. А, впрочем, так, наверное, было по всей стране.



Прилежный ученик (2 класс, 1968).

Террорист поневоле.

Мама рассказывала, что однажды я пришел домой с записью в дневнике: «Принес в школу гранаты». Речь шла всего лишь о плодах граната, которые нам прислали друзья из Абхазии. Спрашивается, ну и почему их нельзя было приносить?

Вот у меня уже и сестра Полина появилась (1971).

Несмотря на «спецшколу», учительский контингент был удивительно серым, и за семь лет обучения вспомнить почти нечего. Была неплохая математичка по фамилии Дегтярь, еще учительница рисования и пения по совместительству, с которой у нас была взаимная симпатия, вот, пожалуй, и все. Правда, все «англичанки» резко отличались от общего серенького фона в лучшую сторону. То ли потому, что заканчивали они Мориса Тореза, а не обычный советский педагогический, а может, из-за того, что изучение английской литературы и музыки способствует приобщению к иной, неподцензурной культуре.

Например, наша незамужняя Татьяна Ивановна, казавшаяся нам тогда дамой в летах (ей было около 25), обожала тайно слушать с нами в лингофонном кабинете «Битлз», переводы которых мы потом с ней живо обсуждали. Но о том, что такое настоящий учитель я узнал спустя несколько лет, когда нашу до зевоты скучную штатную историчку на пару недель заменила Ната Израилевна. Тогда мне еще не сообщили, что бывают русские и

евреи, и я думал, что все люди одинаковы. Оказалось, разные. Но только не в этом смысле. А в том смысле, что есть люди интересные и не очень.

Ната Израилевна была захватывающе интересной. Ее рассказ про разграбление крестоносцами храма святой Софии в Константинополе я помню до сих пор, как одно из сильнейших потрясений детства. Ничего более ужасающего я не слышал. Волосы вставали у меня дыбом, когда я представлял себе толпы европейского отребья, разрушающие и грабящие православные святыни, как некогда вандалы - Рим. Но она сумела нам показать, что это страшнее, потому что творили такое друг с другом люди, бывшие христианами. И это, действительно, один из самых драматичных моментов в истории цивилизации, когда был украден терновый венец. Момент, расколовший христианский мир на западный и восточный навсегда. Но это я знаю сейчас, а вот как было объяснить это советским пятиклассникам, которые кроме хоккея и «битлз» ничем тогда не интересовались?

Про икру.

В школе у меня было несколько друзей, с которыми мы постоянно что-нибудь придумывали. Заводилой был Антон Стручков, сын известного химика, который еще в 1970-х изобрел искусственную черную (белковую) икру, почти полностью заменившую сейчас настоящую. Тогда над этими разработками многие смеялись. Мы с Антоном удостоились чести попробовать ее первую версию, которая жила только в холодильнике, а при комнатной температуре сразу таяла. Стручков-папа еще не решил тогда этой проблемы. Икра была очень похожа на настоящую, но вскоре превращалась в лужицу. В этой связи мне вспоминается отцовский рассказ о голодных студенческих 1950-х. Его однокурснику Борису Соболеву мама присылала с Кубани прессованные «кирпичи» черной икры, которые быстро засыхали, а образовавшиеся «монолиты» икры клали в общаге на полку, в шкаф. Такой кусок был каменной крепости, и только потому мог продержался против голодных студентов достаточно долго. Все кто не мог больше выносить мук голода, приходили к ним в комнату и вонзали зубы в этот монолит. Интересно, если бы этот окаменевший кусок икры потом откопали наши потомки где-нибудь в культурных слоях, весь покрытый отпечатками зубов, что бы они подумали?

Стручков.

Стручков-младший был фантастическим непоседой, чем-то похожим на Тома Сойера. Жили они сперва на улице Удальцова, в пятиэтажке, а потом переехали в высотку на Вернадского. Однажды он придумал бомбить прохожих со своего 16-го этажа яйцами. Сверху получалось очень красиво. Яйца разрывались на асфальте желтым цветком, а люди испуганно приседали и разбегались. Однако вскоре вышла промашка. Вернее, лучше бы уж промашка... Мимо проходил человек в костюме, с цветами. Стручков умудрился угодить яйцом прямо ему в плечо. К нашему несчастью, человек успел заметить наши физиономии на балконе и вскоре уже гневно звонил в дверь. Мы со страху не открыли. Но вечером упорный человек пришел снова и

все выложил Стручкову-папе. Оказалось, что он шел в этот день жениться и костюм был непоправимо испорчен. За костюм пришлось заплатить, а Антона потом выдрали и неделю не пускали гулять. В другой раз Антон придумал бросать с балкона кристаллы из геологической коллекции его многострадального отца. При этом он выбирал самые большие. Рвались они гораздо красивее, чем яйца. Последствия для Антона тоже были гораздо серьезнее...

Под землей...

Еще мы с Антоном и другим авантюристом, долговязым Костей Шкрабкиным из нашего класса, любили исследовать подземные речки, заключенные в трубы. Это был целый мир «андеграунда», который мы с увлечением наносили на карту. Лабиринт там был невероятный. Каждый вечер мы уходили с фонариками, одевшись в сапоги и плащи, а родителям говорили, что идем на соседний пруд. Знали бы они... Один раз мы спустились под землю в овраге возле Ленинского проспекта, а вышли где-то в Раменках. То, что это, вообще говоря, опасно, мы поняли после двух случаев. Однажды мы вышли по трубе к какой-то пещере, где обитала целая деревня бомжей. Они погнались за нами с ножиками и страшными угрозами, от которых кровь стыла в жилах.

В объятиях друзей. С Димой Казаковцевым и Толей Филатовым. Класс 5-й, наверное.

Ушли только благодаря знанию лабиринта и Божьей помощи, а также потому, что бомжи плохо держались на ногах. В другой раз, пока мы были под землей, наверху начался сильнейший ливень и узкую трубу, по которой мы ползли, начало затапливать на глазах. Еле успели проползти ее до конца.

...и на небе

Вскоре нашу компанию бросило в другую крайность и мы стали осваивать крыши окрестных небоскребов. Это совпало с началом нашего активного табакокурения. Поэтому курили мы на крышах. Поскольку сигареты по малолетству нам не продавали, мы обычно подкарауливали возле ларька кого-нибудь из сердобольных прохожих и просили купить что-нибудь вроде «Ред энд вайт» (индийская дань дружбы), «Нефертити» (египетская дань), «Портагас» (кубинская) или «Стюардесса» (болгарская). В те времена наша страна постоянно с кем-то дружила, но каждый раз как-то недолго. Любые отголоски дружбы с разными странами почему-то материализовались, прежде всего, в сигареты.

По витрине сигаретного ларька, не читая передовиц, можно было оценить текущие политические приоритеты. Однажды вечером мы забрались на крышу серой «кагэбистской» башни на Удальцова, чтобы там покурить. На обратном пути выяснилось, что дверь на чердак закрыта дворником. Безрезультатно просидев там пару часов, мы поняли, что «спасение утопающих - дело рук самих утопающих» и решили спускаться самостоятельно. Крыша там плоская и от ее края до ближайшего балкона – метра два. Спускали на руках Костю Шкрабкина, как самого длинного. Костя кое-как спустился, открыл через форточку дверь, и залез в квартиру. В ней никого не оказалось. Потом он благополучно вышел из квартиры и пошел за дворником, который, матюгаясь, выпустил остальных. Сейчас я думаю, что нам вообще-то очень повезло. Ведь действовали мы как классические «форточники», а дом был кооперативный и населен одними «кагэбешниками». Поди потом доказывай, что не верблюд...

С уже упомянутыми дагестанцами из ближнего интерната вышла еще одна история. Хотя к тому времени они уже были «замирены», но бдительность с ними терять все равно не следовало. Недаром в войсках Шамиля было множество аварцев. Кажется в шестом классе у нашей компании появилось новое увлечение – после уроков кататься на плоту по пруду. Пруд этот находился как раз на границе интернатской «резервации» дагестанцев, там, где сейчас находится германское посольство. Поэтому кто-нибудь из нас обязательно стоял «на стреме», чтобы с приближением врага вовремя ретироваться.

Но однажды не уследили. Откуда ни возьмись набежала толпа дагестанцев и окружила пруд. Как раз в этот момент посреди него болтался плот, на котором стоял долговязый Костя Шкрабкин с шестом. Пытаясь от них уклониться, Костя оступился мимо плота и повис на шесте, который глубоко

завяз в иле, а плот уплыл. Смеясь, дагестанцы стали забрасывать его камнями, сравнивая с обезьяной на шесте. Несмотря на то, что ситуация не располагала к веселью, мы с Антоном тоже не могли удержаться от смеха, уж больно комично это выглядело. После того, как мокрый как мышь Костя выбрался на сушу, он гордо удалился и не разговаривал с нами целый день.

Московский транзит.

Поскольку моя семья была родом из Красноярска, а отец необычайно гостеприимен, к нам из Сибири постоянным потоком ехали какие-то знакомые и полузнакомые - за покупками. Дом наш временами напоминал горьковскую ночлежку, где на полу спали какие-то люди. Когда родители надолго уехали на Кубу, к выписанной из Красноярска бабушке, которая нас пасла, их наезжало такое несметное количество, что они между собой устраивали очередность приезда, как в обычной гостинице, только бесплатной. Моя бабушка, как человек прямой и за словом в карман не лезущий, о таких говорила просто: «Таких друзей – за х...р, и в музей».

Был, помню, какой-то человек, который заставил нашу квартиру купленным в Москве новым гарнитуром, часть которого туда не влезла и пришлось использовать под склад временного хранения общий коридор. Другой приехал покупать машину, но слава Богу, в квартиру ее не приволок. После чего уехал на ней в Красноярск, заявив нам, что хочет по пути осмотреть Россию. Больше его никто не видел. Еще одна дама умудрилась уронить из окна нашего кота (с 12-ого этажа).

Апофеозом стал приезд некоего приятеля отца, директора детдома из Евпатории, который вез через Москву около 30 детей на экскурсию в Питер. Уж не знаю как так получилось, но ночевать им оказалось негде и они глухой ночью явились к нам. Насмерть перепуганная консьержка потом рассказывала маме, чего натерпелась, когда в час ночи вдруг открылась дверь и мимо нее, цепочкой, как крысы в балете «Щелкунчик», в полном молчании стали заходить одинаково одетые дети, не отвечающие ни на какие вопросы. Вскоре ими был плотно заставлен весь холл. Последним вошел директор детдома и сказал обезумевшей консьержке, что они идут в гости в квартиру номер 100. Три лифта поднимали их полчаса. Когда я наутро проснулся, чтобы идти в школу, то обнаружил, что в моей 9-метровой комнатке весь пол аккуратно устлан спящими детьми. В коридоре стояла молчаливая очередь в туалет еще из десятка человек. Маму, которая потом в несколько смен кормила их завтраком, больше всего поразило, что за все время пребывания у нас они не произнесли ни звука. Даже папа, гостеприимство которого не признавало границ, потом нехотя согласился, что это было уже чересчур.

Класса до 7-го, пока я не обрел самостоятельности, моими днями рождениями руководил папа. Как я понимаю, для него это было хорошим поводом собрать своих друзей, дети которых тоже привозились к нам в полном составе. Так собиралось иной раз человек по сорок, от мала до велика. Атмосфера больше напоминала свадьбу, где почти никто никого не знает,

включая именинника. Непременной частью этих дней рождений был бесконечный футбол во дворе, в котором участвовали дети со всего дома. Верховодил нами Анвар, как самый старший. Он же часто забирал избыток детей к себе на квартиру. Да и вообще многие попав к нам впервые, знакомились с моими приятелями по дому, и разбредались по их квартирам. Неразбериха с детьми приводила к тому, что многих потом их родители вообще найти не могли, а вместо них им приводили со двора каких-то совершенно чужих.

В нашей квартире №100 перед отъездом отца на стажировку в Штаты. За Полиной, сидящей на руках отца, хорошо виден «кубинский уголок».

На переменах в школе процветала игра в «трясучку» на деньги. Играли вдвоем. Две монеты одного достоинства клали между ладоней и трясли, пока приятель не скажет «стоп». Так я обычно проигрывал все деньги, которые мама давала мне на завтрак – ежедневные 20 копеек. Играли на закрытой снизу, непроходной пожарной лестнице. Однажды директриса, которую все страшно боялись, устроила на нас облаву. Но храбрый Стручков умудрился попасть виноградиной, оставшейся от его завтрака, прямо ей в глаз, чем задержал «зондеркоманду» и всех нас спас.

Наш школьный физик, как человек склонный к афоризмам, любил повторять: «Портфели у вас министерские, а в головах - торричеллиева пустота».

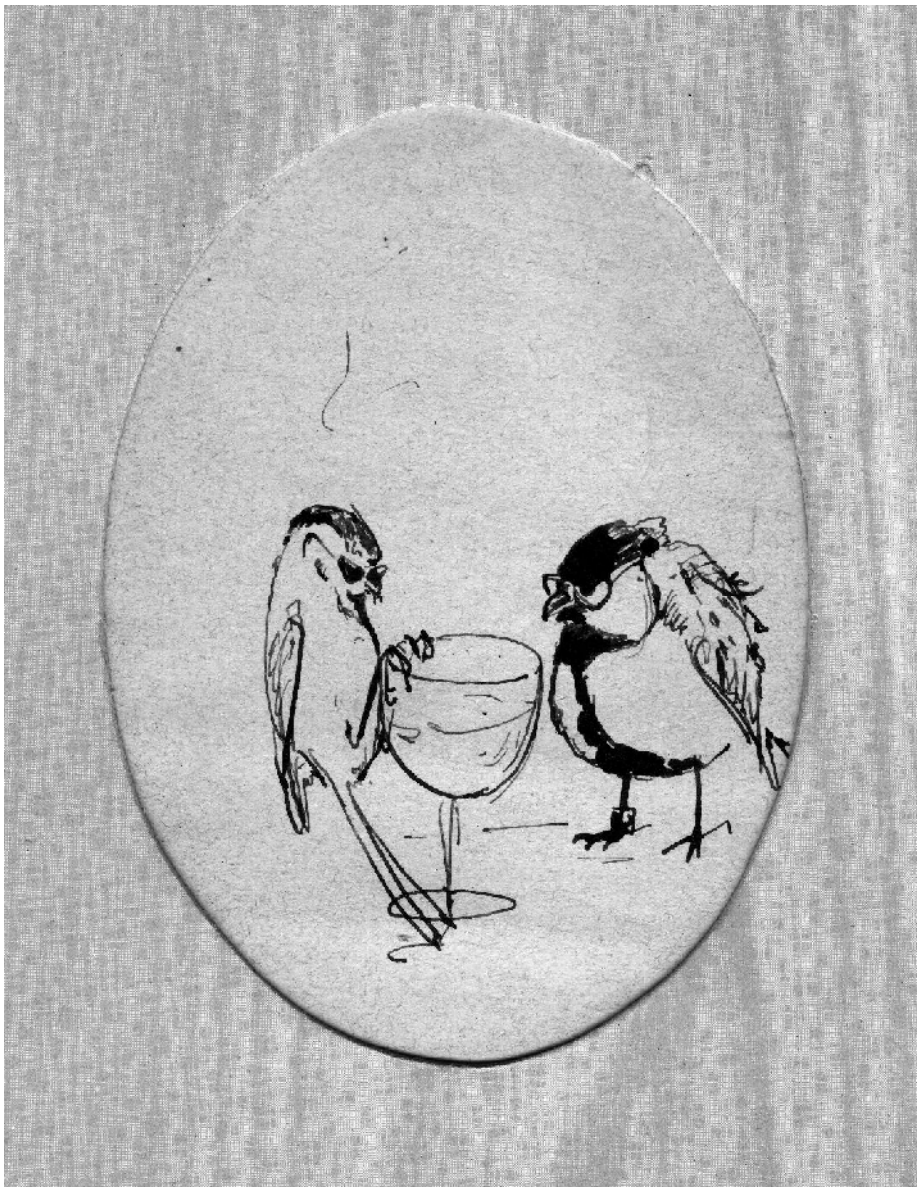
Видимо, празднование 8 марта. Любимая «англичанка» Татьяна Ивановна с букетом тюльпанов, в окружении наших девиц из 8-го «А». Вот опять совпадение – одна из них, Ира Архипова, потом оказалась со мной на одном курсе.

В школах тогда строго следили за ношением школьной формы. У мальчиков она была унылого серого, «туальденорового» цвета, но шита, впрочем, из добротного сукна. К ней было положено носить белые воротнички, которые в драках отрывались первыми. На девочках тоже было что-то черно-бурое, в том же похоронном варианте. Лишь в девятом, кажется, ввели синюю форму, но за джинсы, все равно, можно было схлопотать выговор в дневник. Ношение пионерских галстуков, а в старших классах комсомольских значков на лацкане - было строго обязательным.

Даже много позднее в университете, на военной подготовке и на гражданской обороне за этим бдительно следили. У студента из нашей группы Чарльса Коллодиева (имя писалось через «эс») полковник Сергиенко постоянно спрашивал, где его значок. Тот каждый раз гордо отвечал: «Я не комсомолец, товарищ полковник!». К следующему занятию Сергиенко словно бы забывал об этом и все повторялось. Как в те времена в университет мог поступить человек без комсомольского билета - ума не приложу. Но Чарльс вообще был загадочной личностью. О нем я еще расскажу.

Килька в овощах.

Где-то классе в 7-ом, Анвар начал вывозить меня на выходные в Звенигород, на университетскую биостанцию. Целое путешествие для меня тогда. Надо было долго ехать на двух автобусах, потом на электричке, потом снова на автобусе. Зато там мы жили в бревенчатом доме, в лесу, на высоком берегу реки, и топили настоящую печку. А на утро отправлялись заниматься интереснейшим делом – ловлей синиц. Чтобы съездить тогда на биостанцию хватало 2-х рублей. 50 копеек у меня уходило на автобусы, 60 - на электричку, а на рубль я покупал буханку хлеба и банку консервов. Однажды я купил банку консервов под названием «Килька в овощах» за 14 копеек, соблазнившись ее дешевизной. Когда мы с Анваром ее открыли, перед нашим изумленным взором предстало бескрайнее поле вареного гороха. После раскопок под ним была обнаружена 1 (прописью «одна») килька. Чего ж тут возразишь.



Аллегорическое изображение меня (сижу на рюмке) и Анвара в виде наших объектов исследований (рисунок А.Керимова).

Смерть мыши.

Как-то зимой мы не успели на последний воскресный автобус и пришлось заночевать на биостанции. Для меня тогда это было все равно, что в сталинские времена не выйти на работу. Анвар до сих пор любит вспоминать, как мы с ним в глубокой морозной ночи шли по лесному шоссе пешком, чтобы успеть в Москву к началу первого урока. Все это напоминало трудную крестьянскую дорогу к знаниям. Хруст снега под валенками, волчий вой и страх опоздать на поезд. Жертвой этой тяги к знаниям оказался бедный мышонок, которого Анвар нес в рюкзаке на завтрак для своего воробьиного сычика (карликовой совы). Сычика звали «Дучик» за поразительное портретное сходство с фашистским диктатором «Дуче» Муссолини. Когда мы открыли рюкзак на станции после 11-километрового ночного марша по тридцатиградусному морозу, бедная мышка выпала оттуда замерзшая и твердая, словно игральная кость.

Холодно! Выезд зоологического кружка МГУ в Приокско-террасный заповедник. Тут в зубрятнике мы и познакомились с еще юным Буяновским (7-ой класс).

В общем, 47-ю школу я так и не полюбил, и когда у меня после 8-го класса появилась возможность перейти в биологический класс 57-й школы, я ни секунды не раздумывал. И ни разу потом не пожалел.

А не стать ли мне орнитологом?

Цель и задачи исследования (юность и студенческие годы).

57-я гимназия сегодня. Вот она сохранила свой номер.

57-я школа.

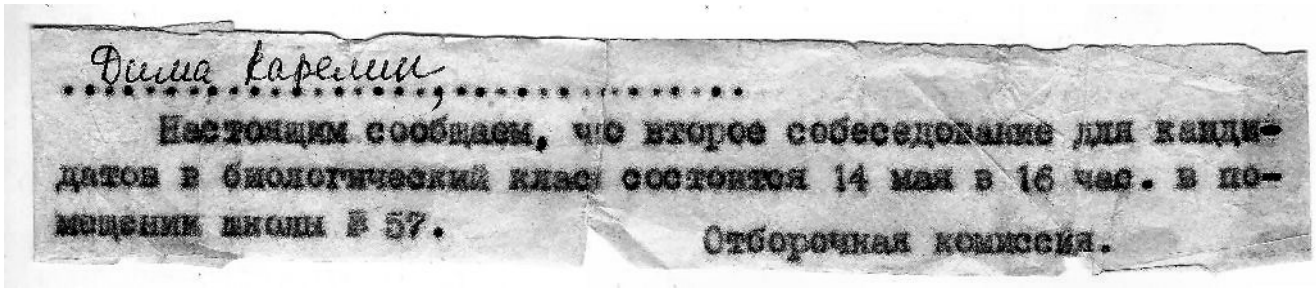
57-я, бывшее реальное училище, основанное Мазингом в 1877 году, находилась в самом центре старой Москвы, на маленькой улочке Маркса-Энгельса, сразу за музеем изобразительных искусств, который выстроил отец Марины Цветаевой. Место это единственное в своем роде. Одно только перечисление людей, которые здесь жили в разные времена приводит в сладостный трепет: Екатерина II, князь Голицын, Вяземский. Пушкин собирался тут венчаться (но ему не разрешили). Здесь жил Гоголь, Карамзин, Островский, бывали Тургенев, Чайковский, Репин, Бунин, Суриков, Ватагин, работали Чаплыгин, Ферсман, Кольцов, Зелинский. Их тени будто стояли за нашими плечами.

На самом деле это была, как потом оказалось, вовсе никакая не улица Маркса-Энгельса (я всегда думал, что она писалась именно так, через дефис), а Малый Знаменский переулок, которому уже возвращено историческое имя. А

назвали его бедного так при советской власти, потому что в небольшом парке, с которого он начинался, в бывшей дворянской усадьбе Вяземских устроился сперва институт, а потом музей Маркса и Энгельса. Мы даже ходили туда на экскурсию. Никого тогда не удивляло из какой странной экономии этих канонических вождей мирового коммунизма решили объединить. Впрочем, тогда вообще никого и ничто не удивляло. В этой связи вспоминается старый анекдот о том, что оказывается Маркс и Энгельс это разные люди. Потом в этом особняке надолго угнездилось дворянское собрание. Кстати, узнав об этом один из крупнейших капиталистов и меценатов Германии, некто Людвиг, воскликнул: «Как можно было закрыть музей Маркса и Энгельса? Это все равно, что закрыть музей Гегеля или Канта!».

По невежеству своему я и понятия не имел, что плавательный бассейн «Москва» напротив Пушкинского музея, в который мы ходили сдавать нормы ГТО («готов к труду и обороне») по плаванию, был когда-то величайшим храмом Руси – Христа Спасителя, и был собран буквально с миру по нитке во избавление от нашествия Наполеона, а потом взорван большевиками. Все это я узнал много лет спустя. Теперь, проходя мимо восстановленного храма, думаю, что на этом месте я когда-то плавал. И не знаешь чему теперь больше удивляться.

В эту школу я попал совершенно случайно. Просто весной, в конце 8-го класса, Анвар, тогда уже студент 3-го курса биофака, затащил меня на школьную биологическую олимпиаду. Запомнилось, что увез он меня прямо из дома на насквозь ржавой «Волге» своего товарища. Там, где я сидел, днища у машины почти не было и через пол можно было видеть асфальт. В своему удивлению, я умудрился пройти на второй тур. Там-то я и получил вместе со всеми скромную полупрозрачную бумажку с приглашением пройти собеседование в класс с биологическим уклоном, организованный в 57-ой школе. Я и пошел.


Дима Карелин

Настоящим сообщаем, что второе собеседование для кандидатов в биологический класс состоится 14 мая в 16 час. в помещении школы № 57.

Отборочная комиссия.

Галина Анатольевна Соколова.

Организовала этот чудесный класс, вместе с академиком Энгельгардтом и директором школы Ниной Евгеньевной Лапушкиной, - простая сотрудница кафедры цитологии и гистологии биофака, которая даже не состояла в научном штате, а была, как мы потом с удивлением узнали, всего-лишь старшим лаборантом. Для людей несведущих в университетской иерархии поясню, что

это что-то вроде старшины в армии, если считать младшего научного сотрудника - лейтенантом, а профессора – генералом. В общем, даже не офицерский состав. Мы были третьим по счету классом у Галины Анатольевны («Галины»). Невысокая темноволосая женщина с приятной внешностью. Ничем решительно не примечательная, пока не посмотрит вам в глаза. Уже одного этого прожигающего насквозь взгляда было достаточно. Но когда она начинала говорить, начиналось какое-то волшебство. Я слушал ее как завороженный. Со мной впервые в жизни говорили на равных, как с взрослым. Для этой женщины хотелось совершить подвиг.

Школа мне сразу ужасно понравилась. А главное, там все были помешаны на биологии. Я сразу понял, что это – мое, и просто вцепился в нее зубами. На собеседовании был конкурс, и на меня от волнения нашел столбняк. В результате я не смог ответить на простейшие вопросы, вроде того, «что такое популяция», и прочее. Урок первый: желание желанием, а говорить что-то надо.

Домой, помню, вернулся совершенно убитый, твердо зная, что меня не приняли. Отец, который ни во что не вмешивался, пока я устраивал всю эту «революцию» с переходом в другую школу, ничего мне не сказал. Но мама, которая была в курсе «трагедии», все ему, конечно, рассказала.

Вечером следующего дня он подошел ко мне и сказал, что меня приняли и я могу подавать документы. Что же произошло? Просто отец поговорил с Галиной, как он один это умел, и она поверила, что меня надо взять. И больше ничего. Он сумел объяснить, а она – понять. Мне вообще всю жизнь везло на людей. Не знаю, как сложилась бы моя судьба, если бы меня не взяли. Это и была первая точка бифуркации[1].

Про то, что меня взяли «по блату» в школе быстро стало известно. Завуч Лев Нилыч, очень похожий на дореволюционного инспектора, встретив меня в коридоре, схватил за рукав и стал отрывисто повторять: «Почему так плохо учимся? А? Почему? А??», имея в виду глубоко троешный аттестат, с которым я пришел. В результате мне был дан испытательный срок на два месяца под угрозой немедленного исключения. Я настолько перепугался, что быстро стал круглым отличником. Сила инерции была такова, что я потом еще и университет закончил с отличием.

Нилыч и правда был классическим педелем (так в Германии и России назывались служки в учреждениях), который бдительно следил каждое утро за тем, чтобы все приходили в сменной обуви. Если ты приходил без мешка с тапочками, смело мог отправляться домой. Еще он и наша директриса любили проверять при входе в школу вымыты ли у нас руки. Учиться надо было с чистыми руками.

---

[1] В точке бифуркации у системы появляется выбор, часто с элементом случайности.

Галина рассказывает нам про водородные связи и строение ДНК.

Джемс Владимирович Ахмеди.

Едва попав в школу, мы быстро поняли, кто в доме хозяин. Это была совсем не директриса или завуч, а простой школьный учитель физкультуры Джемс Владимирович Ахмеди. Мощный, крупный и почти абсолютно лысый мужчина, как шепотом передавали - иранец по происхождению, он держал школу в ежовых рукавицах. Внешне он напоминал Сократа. Не знаю как сейчас, но при нем 57-я твердо держала первое место в Москве по баскетболу. И попробовала бы она его не удержать! Сила воли этого человека не знала преград. В этом я немедленно убедился на первом же занятии по физкультуре. Меня, как «блатного», он сразу отделил от стада, произнеся гневную филиппику перед всем классом про всяких там рахитов и папенькиных сынков,

которых ему подсовывают. В результате я навсегда был отлучен от баскетбола, а это в тогдашней 57-ой было все равно, что подвергнуться остракизму в древней Греции. Лишь в конце 10-го класса Джемс разрешил мне сдать физкультуру, и то только потому, что без нее аттестата не выдавали. Правда, к тому времени мы с ним уже помирились. С таким же «рахитом», как я, Лосяковым, мы общими усилиями метнули на заднем дворе тяжеленный диск и получили от Джемса презрительный зачет. Дискоболы.

Джемс, если был свободен, любил ходить по классам во время уроков и беседовать с учителями и с нами. При этом его совершенно не смущало, что он прерывает чей-то урок. Например, посреди английского вдруг распахивалась дверь и на пороге вырастал Джемс. Брал стул и садился к нам лицом рядом с несчастной англичанкой, которая улыбалась вымученной улыбкой. Послушав немного кого-нибудь, он начинал насмехаться над нашими убогими познаниями и рассказывал подходящую к случаю историю, или неуклюже заигрывал с англичанкой. Когда надоедало - уходил. И никто ему слова не мог сказать. Но мужик был справедливый и нас любил. А ходил по классам наверное потому, что без нас ему было скучно. Недавно я узнал, что он умер в 2000 году. В школе его хорошо помнят. Царствие ему небесное.

Учителя почти все были людьми неординарными. Это особенно бросалось в глаза после серости 47-ой школы. Уроки по биологии у нас вели только университетские преподаватели. Иногда они приходили к нам, а иногда мы ходили в университет. Галина умудрялась договариваться со множеством интереснейших людей. И, кажется, они даже денег за это не получали. Ведь тогда все было бесплатно. Зоологию виртуозно читал сотрудник кафедры зоологии позвоночных Петр Петрович Дмитриев. Он любил наглядность. Например, он на себе объяснял, что такое вторичная полость у ланцетника, состегивая полы своего пиджака на все пуговицы так, что действительно образовывалась полость между ним самим и пиджаком.

Анатомию мы ходили слушать на кафедру антропологии к Вере Зельмановне Юровской. У нее была совершенно особая манера преподавания, с которой я потом больше не сталкивался. Обычно записывать за лектором все подряд никакой нужды нет. Но Юровская, стоя почти неподвижно, как автомат, просто наговаривала нам по памяти текст лекции, да так, что буквально каждое сказанное ей слово приходилось записывать. Оторвать ручку от тетради не было никакой возможности, и к перерыву правая рука так уставала, что я даже курил в перерыве держа сигарету в левой. Но анатомию в результате знал так, что был особо отмечен на сдаче вступительного экзамена на биофак, где мне попался скелет человека (в смысле билета), а на курс анатомии в университете вовсе не ходил, потому что ничего нового мне там сообщить уже не могли[2].

---

[2] Бедная Юровская погибла в 1991 году при странных обстоятельствах. Как говорят, выбросившись из окна.

Биологию мы знали куда лучше, чем наша «штатная» учительница биологии, которая нас, по-моему, боялась. Лекции по цитологии читала сама Галина. Причем у нее была очень занятная система кураторства. Свои конспекты лекций мы должны были сдавать ей, а она потом раздавала их для проверки нашим «кураторам». У каждого из нас было по два куратора – «макрокуратор» (кто-нибудь из первого выпуска класса) и «микрокуратор» (из старшего класса). Этим сразу убивались два зайца: нас проверяли на предмет понимания лекций, и все выпуски поддерживали между собой тесные вертикальные связи. Кураторы выбирали нас по принципу личной симпатии. Например, мой «микрокуратор» Синюхин впервые увидел меня спящим на кровати, в палатке, на Звенигородской практике. Ему понравилось, что я спал с ножом в руках.

Кураторы относились к своим обязанностям очень ретиво. У Алки Дистолятор макро- и микрокуратор однажды даже подрались на полях ее конспекта.

Были еще замечательная географичка, оригинальная литераторша и незаурядный историк Исаев. Географичка не признавала учебников и все рассказывала нам сама, а в конце урока любой желающий мог пересказать ее лекцию на оценку. Литераторша тоже была человеком крайне либеральных взглядов и сочинения мы постоянно писали дома, все больше на вольные темы. Например, помню писал дома сочинение по «Мастеру и Маргарите» (к 1976 году этот роман был опубликован лишь однажды и ходил по рукам в бледных третичных перепечатках).

Оригинальность взглядов поощрялась. Историк по слухам был бывшим кагэбешником, но он и без того гипнотизировал нас, как удав. Удавалось это ему при помощи простых слов. Только на его уроках Джемс, с которым, они, по-моему, дружили, не позволял себе вольностей. Исаев, с едва уловимой иронией, посвящал скушной советской историографии ровно столько времени, сколько было нужно, но даже в ней умудрялся находить место для размышлений. После очередного съезда партии, на котором было объявлено, что у нас построен развитой социализм, он сказал: «За ночь в положении нашей страны произошли важные изменения. Запомните, что начиная с сегодняшнего дня вы живете в развитом социалистическом обществе». И больше к этому вопросу не возвращался.

Если у него бывало хорошее настроение, он в конце урока любил побеседовать с нами о сексуальном воспитании. Это было почти так же захватывающе, как много позднее услышанные мной лекции знаменитого Игоря Кона по сексологии. «Мужчина, - говорил нам Исаев, - всегда оценивает женщину снизу вверх, начиная с ног, а женщины мужчин, наоборот, сверху вниз». Это запоминалось сразу и навсегда.

Рафаил Калманович Гордин.

Математике нас учили всерьез. Без этого на биофак тогда было не попасть. Наш математик, Рафаил Калманович Гордин, вел сей предмет у

математических классов и на их фоне мы, наверное, выглядели просто скопищем неандертальцев. Но даже если и так, то он это деликатно скрывал, терпеливо проводя нас через «сциллы» и «харибды» интегралов и производных.

Во время какого-то страшно сложного рафаилова объяснения, Кляшторин, от полного отчаяния, в тишине вдруг со страшным грохотом стукнулся лбом о крышку парты. Рафаил, переждав наш истерический смех, вежливо спросил: «Кляшторин, так вы со мной не согласны?».

Наш класс. Верхний ряд: Ю.Лосаков, Е.Парнес, А.Лебедев, Д.Парамонов, А.Субботин, Г.Тертицкий, А.Стенин, А.Козловцев. Средний ряд: А.Комаров, А.Кляшторин, Д.Карелин, О.Фридман, Д. Гусейнова, А. Бройдо, М. Домешек, К Парфенов, М.Стишов, Ю.Андреев. 2-ой средний ряд: преподаватель н.в.п., Т.Кнубовец, М.Бакуменко, О.Сенина, И.Шаманова, Н.Светлова, Е.Кропоткина, О.Марьета, А. Дистолятор, В. Кишкина. Нижний ряд: тот самый Нилыч, историк Исаев, неизвестная дама, наша класрук-химичка, директор школы Лапушкина, англичанка, Джемс и Рафаил. Любопытно, что расположение людей на снимке точно отражает поведенческую структуру с ее привязанностями и антипатиями.

В другой раз мы вместе с Рафаилом решали какую-то заумную задачу, а в открытые окна класса рвалась весна. Наконец, видя, что мы совсем раскисли, Рафаил сказал, что если хоть один человек найдет правильный ответ, то он отпустит нас на все четыре стороны. И тут случилась трансцендентальная вещь, объяснить которую я до сих пор не могу. Моя рука вдруг сама написала на листке бумаги правильный ответ. Внятно объяснить откуда он взялся я не смог, но Рафаил всех отпустил, сказав, что не иначе как это было вмешательство свыше, а с этим надо считаться.

Поскольку школа была буквально нашпигована вольнодумной интеллигенцией, культурные события живо обсуждались. Учителя и мы были помешаны на кинематографе. Тогда как раз вышел на экраны фильм Сергея Соловьева «100 дней после детства», где главную роль играл парень из нашей школы. Нас водили смотреть его целыми классами, в лучших традициях советских культпоходов. Фильм и правда был хороший и никто не возражал. Недавно я его пересмотрел – он не постарел, остался таким же щемящим и добрым. Еще ходили смотреть только что вышедшее «Зеркало» Тарковского. Его показывали на задворках Москвы полуподпольно, вторым экраном, в никому не известных клубах. Туда снаряжались целые зрительские экспедиции.

Школа даже имела к этому фильму некоторое родственное отношение, потому что в нашем первом выпуске учился Миша («Мика») Тарковский, племянник великого режиссера. Фильм тогда никто не понял, что и не мудрено, но было ощущение приобщения к чему-то великому. Так получилось, что я не сумел пойти на него вместе со всеми. Когда я приставал к Алке Дистолятор с просьбой рассказать о чем фильм, она говорила: «Ну там все время дует ветер и течет вода». Смотрели и Вайду. Наш историк и здесь остался при своем мнении. Ему принадлежит фраза, которую я и сейчас люблю цитировать: «Кино бывает хорошее, плохое, и польское».

Из-за наличия спецклассов, которые набирали после восьмого, девятых классов в школе было аж 5: от девятого «А» до 9-го «Д» (это мы). Среди них, кроме двух обычных, был математический, биологический и, даже, то ли литературный, то ли физический. Некоторая враждебность к «интеллектуалам» со стороны обычных, местных школьников, конечно, была (а как же без этого). Но все сходило мирно и каждый класс варился в собственном соку. Доставалось только бедному Юре Лосякову, который был маленьким, тщедушным, да еще и в очках. Он почему-то везде, даже в туалет, ходил прижимая к себе портфель, словно щит, что делало его похожим на «Мамочку» с балалайкой из «Республики ШКИД». Говорят, уже после окончания школы ему и правда выбили глаз, что сделало эту аналогию, к сожалению, совсем полной.

К вопросу о дистолляции.

В нашем биологическом классе и фамилии подобрались, словно по Чехову, «лошадиные»: Волков, Козловцев, Лебедев, Комаров, Лосяков, Кишкина... А на

обладательницу фамилии Дистолятор специально ходили смотреть. Как-то к нам подошли несколько ребят из младших классов, которые спросили, правда ли, что у нас учится «дистолятор». Пришлось предъявить им Алку. Стишов, со свойственным ему научным подходом, даже полез в энциклопедический словарь, но кроме «дистИллятора», т.е. прибора для дистилляции воды, ничего не нашел[3].

Марина Букина (1-ый выпуск) и Алка Дистолятор чистят грибы (Ковда, 1976).

Воспитание условных рефлексов.

Физику у нас вел недоучившийся выпускник физфака МГУ, страшно нервный и худой человек в очках, с литературным именем Александр Сергеевич. Когда он злился, то имел привычку упираться, словно сошками миномета, пальцами о парту и, взнуздано глядя в класс, орать на нас, нещадно брызгая слюной на сидевших на первой парте девиц. Девицы, кажется это были Кропоткина и Дистоляторша, долго это терпели, прикрываясь учебниками астрономии, пока кому-то из них не пришло в голову налить на парту в то место, куда он обычно упирался – лужу чернил. Разъяренный физик во время очередного гневного припадка несколько раз инстинктивно отдергивал руку, глядел на нее, и снова ставил в лужу. Лишь на пятый или шестой раз у него выработался условный рефлекс. Больше он рук на парту не возлагал, и на девиц слюной не брызгал. С физиологической точки зрения любопытно, что

[3] Потом я узнал, что по-латыни это всего лишь «винокур». Так что все в порядке.

после этого он стал меньше на нас орать. Тут срабатывал своего рода обратный условный рефлекс. Как только он собирался разозлиться, его по привычке начинало тянуть к парте, но тут же включался условный запрет ставить руки на парту, физик чувствовал дискомфорт и как бы внутреннее недоумение, которое отражалось на его лице. А это, в свою очередь, гасило его гнев.

Там, где собаки скользят.

В том же классе я встретился со своим лучшим другом Лешей Кляшториным («Кля»). Близко познакомились мы, правда, не сразу. Помог случай. В 9-ом классе, во время общего бега вниз по лестнице из так называемого «вахтового» зала, где проходило какое-то душеспасительное собрание, нас с Клей буквально внесли в дверное стекло. Вердикт Нилыча был краток: «Вставить за свой счет». Мы долго искали среди запутанных старых московских дворов стекольную мастерскую. По пути мы подвергались множеству опасностей. Стояла зимняя оттепель, и с крыш время от времени с грохотом падали чудовищные сосульки, размером с хороший сталактит. Крыльцо мастерской выглядело как плохо залитый каток, с той разницей, что коньков на нас не было. Едва мы ступили на него, как тут же и растянулись в разных позах. Пожилой мастер, выглянувший из двери на шум, назидательно заметил: «Осторожнее, ТУТ ДАЖЕ СОБАКИ СКОЛЬЗЯТ!». Мы рассмеялись и стали друзьями.

Вот такими мы были с Клей молодецкими молодцами (Белое море, 1976).

По весне мы с Юриком Андреевым и Стишовым любили ездить на природу, взяв с собой бутылку с каким-нибудь спиртным. Днем мы из любопытства залезали в гнезда ворон и грачей, а вечером разжигали костер, пели песни и пили то, что принесли с собой. Поскольку денег не было, вечно покупали какую-то дрянь. Однажды купили приторный пунш, который пить не смогли и затушили им костер.

Классы наши были поющими, как та эскадрилья из фильма «В бой идут одни старики». Это была старая традиция, перешедшая к нам по наследству от «математиков», то бишь математических классов, и наших основателей. «Биологи», т.е. мы, эту традицию переняли, и в каждом классе как-то сами собой завелись собственные гитаристы. Некоторые выросли потом во вполне профессиональных бардов-исполнителей и писали свои песни. Но, конечно, больше всего пели Окуджаву, а позднее Городницкого, Клячкина, Визбора, Никитина, Кукина и многих еще. Хотя я и прошел уже к тому времени школу юннатов на биостанции и кое-каких бардов слышал, но даже не подозревал, какой пласт за этим стоит. В нашем классе вне конкуренции был, конечно, Юра Андреев («Юрик»). У Юрика был поразительный слух. Он мог прослушать несколько раз пластинку и тут же запросто подобрать аккорды и точно спеть, даже не понимая смысла иностранных слов.

О чем призадумался, Юрик?

Так он в Лапландии на моих глазах выучил цыганскую песню «Тройка серых лошадей», так же потом учил итальянское бельканто и американский блюз. На нашу школьную практику в Эстонии после 9-го класса он приехал с Димой Парамоновым («Парамон») после Куршской косы, где они служили в «юннатах». Сел под дерево, взял гитару и вдруг запел романс на стихи Есенина «Не жалею, не зову, не плачу». Ну, а потом, чего только мы не пели. А Юрик до сих пор с гитарой не расстается.

Операция «С Новым Годом».

Наша первая совместная встреча нового года происходила у Стишова дома. К несчастью для нас, его мама куда-то уехала. Для всех это был первый праздник без надзора взрослых. Пить никто еще не умел и поэтому все закончилось так, как и должно было. Каждый принес с собой ту бутылку, на которую хватило денег, или которая нашлась дома, в холодильнике. Смесь получилась гремучая. Ее первыми жертвами пали мы с Парамоном. Я долгое время пытался что-то петь и играть на гитаре, как тот кот на гуслях, а потом хотел выпрыгнуть с балкона на седьмом этаже. Спас меня Парамон, когда я уже был одной ногой по ту сторону балкона, а, возможно, и бытия. Но после этого подвига он почувствовал себя так плохо, что устряпал весь пол по пути в кухню. Стишов, который по должности хозяина еще довольно крепко стоял на ногах, галантно, по ручку провожал потом девушек в туалет, говоря:

Стишовские посиделки. Разбор закуски происходит над головой Ольги Марьеты.

«Осторожнее, дамы, тут у нас, пардон, Парамон наб...л, и здесь тоже».

Кля во время этих событий куда-то пропал. Утром он нашелся в ванной, где по его утверждению, лежа в одних носках, всю ночь читал Джонатана Свифта. Обратно мы с Клей ехали вместе. Это была одна из самых долгих моих поездок на метро, потому что после каждого перегона меня начинало тошнить и мы были вынуждены выходить и пережидать на скамеечке это дело. В новом году многие из участников этого сногсшибательного праздника подходили потом к Стишову и говорили: «Ты знаешь, насчет того тоста, чтобы мы так встречали каждый новый год, - уж лучше не надо».

В дальнейшем традицию подхватили стишевские дни рождения, которые по странному совпадению накладывались на дни рождения генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Это один раз нас выручило. Когда праздник достиг апогея и очумевшие от шума соседи вызвали милицейский наряд, дверь открыл Женя Григорьев («Григ») из первого выпуска нашего класса, и не дав милиционерам опомниться, поздравил их со всенародным праздником дня рождения нашего генерального секретаря. Наряд не посмел пресечь народную радость и ушел.

Romancing with a June.

В начале июня, после девятого класса полагалось отрабатывать в школе, где начинался ремонт. Мне это было не в тягость. Наоборот, один только ежедневный маршрут от метро Кропоткинской по Волхонке, за Пушкинский музей, а потом по нашему тихому старинному переулку - наполнял радостью на весь день. Работы в школе особой не было. Стоял июнь. Я приходил вместе со всеми с утра, таскал какой-то мусор, что-то убирал, а потом бродил по пустым классам, среди ведер маляров и расстеленных на полу лент бумаги, которые лениво шевелил ветерок из открытых окон. После того, как в обед нас отпускали, народ разбегался кто куда, но мне домой не хотелось. До самого вечера я бродил по старой Москве. Обычно сначала я перекусывал на углу Знаменки, в ныне не существующем, крошечном кафе. Там за двадцать копеек всегда можно было приобрести дежурный бутерброд с докторской колбасой и стакан мутного эрзац-кофе, напоминавшего подслащенную и подогретую воду из взбаламученной лужи.

Потом можно было, никуда не торопясь, исследовать незнакомые переулки в состоянии счастливого сиротства. Каждый раз, словно зачарованный, я оказывался в незнакомом месте, как герой «Джека в стране чудес», который шел тогда на Арбате. Волшебная мелодия из этого японского мультфильма была созвучна моему тогдашнему светлому и чуть печальному настроению. С неба падал неистребимый московский тополиный пух. Было отчего-то грустно, как будто я что-то уже безвозвратно потерял. Жизнь была прекрасна и только начиналась.

Лето свободы нашей.

Скоро у нашего класса началась летняя практика в трех частях. Состояла она из жизни на биостанции в Звенигороде, где мы учили и сдавали 100 видов растений и немножко занимались зоологией, жизни в палатках в хуторской Эстонии, где мы ничего особенно не учили, и, наконец, практики на Белом море, в деревянной приморской Ковде, где изучали разных морских гадов. На биостанции нас сперва поселили в палатках, а после окончания студенческой практики мы перебрались в опустевшую общагу. К тому времени большинство ребят из класса разъехались, а наша дружная компания осталась еще на пару недель. Никто нами уже не управлял, да и вряд ли это было возможно. Галина пробовала как-то упорядочить нашу дикую вольницу и прислала свою подругу нами управлять. Лучше бы она этого не делала. Бедная дама совсем не имела представления о том, что такое дети, и вскоре в ужасе сбежала. Подвозил беглянку до станции мой отец. По его словам, она всю дорогу курила, плакала, размазывая помаду, и проклинала нас до седьмого колена.

Жили мы на совершенно пустом 2-ом этаже общаги, в огромной комнате с пожарной лестницей, спускающейся из окна прямо в сад. Девушки, впрочем, жили отдельно, в комнате напротив. В нашей комнате ежедневно устраивались танцы. У нас был единственный маломощный кассетник, заклеенный изолентой, чтобы не развалился. Для усиления громкости его клали в пустое ведро, как в рупор, и все под музыку топтались вокруг. Другим популярным развлечением была игра в «ситуации», в которую нас втянул время от времени приходящий из леса Анвар. Все разбивались на две команды, одна из которых должна была загадать какую-нибудь фразу и изобразить ее без слов, а вторая – разгадать. Потом менялись ролями. Фразы придумывались страшно сложные, чтобы вконец запутать противника. Из фраз попроще помню такие: «Синебрюхий слонопотам отмочил полноухое единообразие».

Бедные студенты стройотряда юрфака с нижнего этажа пытались навести хоть какой-то порядок, но ничего не получалось. Как только кто-то из одуревших от шума юристов пытался поймать нас и вздуть, фигуранты немедленно убегали по пожарной лестнице в сад, и в комнате всякий раз никого не оказывалось, как в недоброй памяти булгаковской квартире номер 50.

К нашей веселой компании вскоре прибилось много странных людей, например, некто Паша. Паша тоже был юннат, но какой-то неприкаянный. Никто не знал откуда он взялся, и что делал. За мощность фигуры мы привлекали его к игре в регби. Мы тогда считали, что регби от других игр отличается исключительно отсутствием правил. Мяч надо было любым способом затащить в ворота. Обычно все делились на ребят и девушек, а дальше начиналось легкое полуэротическое действо, с борьбой, хохотом и валянием друг друга в высокой траве. В общем эта игра, как бы она ни называлась, всем очень нравилась.

Снова обед. Юрик, Григ, Шаманова. Спиной сидит, кажется, Таня Кнубовец (Звенигородская биостанция, 1976).

Развивающие игры на свежем воздухе и семейство привиденьевых.

Наш идейный лидер Стишов все время что-то придумывал, чтобы нам не было скучно. В полночь мы одевались в белые простыни, словно Карлсоны, изображающие привидений, шли на пустынное лесное шоссе и ждали. Завидев фары далекой машины, мы выходили из кустов на дорогу, и перегораживали шоссе, держась за руки, как троица из «Кавказской пленницы». Едва только в свете фар внезапно показывалась цепь из снежно-белых фигур, словно вырезанных из бумаги, бедный водитель в испуге нажимал на тормоза и машину бросало на обочину. Мы тут же разбегались во все стороны, ломясь через кустарник.

Еще мы любили ходить по ночам в близлежащий санаторий «Дружба». Охраны там особой не было, поэтому ночью можно было без труда проникнуть в его главный холл. Холл представлял собой огромный гулкий зал с колоннами, среди которых, подобно пану, растерявшему своих нимф, ходил Паша и меланхолически ронял на мраморный пол свой топор. Топор падал в тишине со стуком и звоном. Достигнутым результатом считалось пробуждение сторожа, который прибегал на шум, топоча сапогами, из соседнего корпуса.

«Могил полны поля, летает сизый порох, от белых стен Кремля, до белых скал Босфора»...

Проникновение в Эстонию.

В Эстонии, тогдашней советской республике, мы жили странной пасторальной жизнью. Наш палаточный лагерь был разбит на опушке леса, в дикой сельской местности, среди редких хуторов. Насколько я помню, никто из местных нас не беспокоил. Однажды решили съездить на автобусах в Тарту и Таллин (тогда он писался еще с одним «н» на конце). За старших с нами отправились ребята из первого выпуска. Несмотря на общее неважное отношение к русским, к детям (нам тогда было по 15-16 лет) отношение было весьма отеческое. В старом Таллине к нам прибился какой-то русскоговорящий, но вполне эстонский человек, который стал нашим экскурсоводом, водил по замкам и стенам, что-то увлеченно рассказывал и объяснял. Не знаю в чем была его корысть, но оставил он нас только после того, как привел на выставку эротических фотографий внутри одной из башен старой крепости. Воспитанные в пуританском духе девушки после этого избегали смотреть нам в глаза.

Еще два эпизода касаются пляжа в таллинской Пирите (порт Пирей на эстонский лад), где опустившийся русский алкаш убеждал нас в преимуществе питья и любовной жизни перед курением, - и диспута Юрика Андреева с местным ксендзом, которого он несправедливо обозвал «попом». Ночевать пришлось на улице, и грелись мы в телефонных будках. Было холодно, и Ольга Сенина, которая никогда раньше не курила, даже попросила у меня сигарету, «чтобы согреться».

На обратном пути ждали сельского автобуса где-то под Тарту, чтобы добраться до нашего хуторка. Деньги у всех кончились (по крайней мере мы так думали) и купить еды было совершенно не на что, хотя есть хотелось ужасно. Слоняясь по площади городка в ожидании автобуса мы, в голодном ступоре забрели в местную харчевню, чтобы скоротать время. Посреди пустого обеденного зала обнаружился наш старший – толстенький Боря Жуков, который торопливо уплетал за обе щеки. Так его потом и прозвали: «Жоря Буков». Я не злопамятен, но у меня едва ли когда-нибудь появится желание снова увидеть этого господина.

Гольденштейн.

Саша Гольденштейн учился в нашем классе. Он имел классическую иудейскую внешность и очень противный характер. Впрочем, у меня с ним не было проблем. У нас даже была такая игра. Гольденштейн изображал строгого дрессировщика, а я играл глупого зверюку по имени «Чомба». По его команде «Чомба!», я садился на воображаемые задние лапы и принимал позу подчинения, преданно глядя в лицо «дрессировщику». После повторной команды надо было сказать «Я!» и подать зубами портфель. В Эстонии Гольденштейн довольно быстро оказался в роли общего «козла отпущения». Он и сам был в этом виноват, потому что, не имея, при своем характере, друзей среди сильной половины, все время лез к девицам и, стараясь привлечь их

В таллинских руинах: слева направо – Юрик, Парамон, Ольга Марьета, Сенина (сидит), Алка Дистолятор (читает), я (смотрю куда-то в сторону), Стишов, Кропоткина, ну и Кишкина с кульком (фото А.Стенина).

внимание, частенько говорил гадости. Девицы обижались, жаловались нам, ну и все такое.

Закончилось это сценой, которая вернулась ко мне бумерангом позднее, когда я прочитал притчу Уильяма Голдинга «Повелитель мух». Кто читал, тот помнит, как в конце романа племя одичавших детей с копьями наперевес гонит перед собой бывшего вожака. Так и мы, особи обоего пола, вооружившись камнями, выстроились цепью на краю цветущего луга и гнали перед собой со свистом и улюлюканьем бедного Гольденштейна. Сперва все выглядело вполне невинной игрой, даже сам Гольденштейн с удовольствием играл свою роль, но постепенно азарт нарастал, и взвинченная группа детей стала превращаться в хищную толпу, жаждавшую крови. В какой-то момент стало ясно, что это уже не игра, и он испугался. Испуг жертвы всегда провоцирует толпу. Толпа – хищник. К счастью, дело не дошло до чего-то серьезного. Когда пришло отрезвление, мы уже не были теми же невинными детьми, и было очень стыдно. Грань между человеком и зверем тонка, а в толпе все человеческое растворяется без остатка. Урок запомнился.

Дорога к морю.

Вскоре нашу зондеркоманду перебросили из Эстонии на Белое море, в поморскую деревушку Ковда, где Галина сначала сняла за десятку, а потом и выкупила крепкий деревенский дом. Там и сейчас проходят практику наши «потомки». Путь на Белое море оказался тернист и поучителен. Сперва хулиганы камнем навылет пробили окно в вагоне, чуть не убив одного из нас, зато потом в полупустом поезде с нами ехали веселые байдарочники, молодые рабочие ребята, трое друзей. Они ехали в свой честно заработанный отпуск, без жен и детей, зато с гитарой, трубой и бубном. Такого захватывающего исполнения песни «Старик поближе к огоньку, а пес поближе к старику» я никогда после не слышал. А «Песня про Бобу», это было по артистизму что-то запредельное. Помню я хохотал так, что упал с верхней полки.

«Наш бедный мальчик вышел на прогулку,
Давно наш Боба не гулял,
На Бобу ветер дунул с переулку,
И с Бобы шляпу соруал...
О Боба-а-а,
Что скажет пап, мам,
Боба-а,
Что скажет пап, мам,
Боба-а-а-а,
Куд
кепку
дивал?».

Тут оба певца поворачивались к своему третьему товарищу, которого, собственно, и звали Боба, и начинали все быстрее приговаривать: «Боба дуди, Боба дуди, Боба дуди!». В этот момент третий компаньон, который, как мы с жалостью думали, совсем ни на что не годен, потому что ни на гитаре, ни на бубне играть не умеет, вдруг доставал из корзины самый настоящий тромбон и выдавал такое соло! Для меня до сих пор эти ребята из прошлого остались эталоном свободы, что ли.

Только много лет спустя мне повезло встретить таких же свободных и прекрасных людей. Это были два незнакомых бородатых парня, которых я мельком видел в Крыму. Я шел с рюкзаком по берегу моря, хрустя галькой, а они просто сидели рядом и смотрели вдаль. Прибой лизал их ноги, и один из них лениво бросал голыши в закатную воду. Вдруг один парень встал на руки, а второй посмотрел на него и засмеялся. Вот, собственно, и все. Только мне почему-то до сих пор кажется, что я случайно подсмотрел что-то настоящее.

Пожалуй, единственная фотография, где сохранился в моем архиве Саша Гольденштейн. Он сидит за ожидающими обеда Мишкой и Юриком (Ковда, 1976).

Удивительно, как много, оказывается, снимков, где мы обедаем. Вспоминается фраза из одного фильма: «К вам как ни зайдешь, вы все обедаете» (Ковда, 1976).

Эксперименты на детях и необитаемые острова.

Галина была великим экспериментатором. В Ковде, деревянном поморском поселке, «где мостовые скрипят, как половицы», мы жили одной коммуной. Ловили морских беспозвоночных, определяли их с помощью бинокуляров, драили котлы от пригоревших макарон, учились грести, готовить, рубить дрова, пели песни у костра, а кое-кто уже ухаживал за своей будущей женой.

Первое животное, которое мы с Клей определили с помощью толстенного определителя Догеля, было кольчатым червем и называлось Nereis zonata Malmgren. Кля произносил эти слова с упоением, как стихи, поэтому они запомнились мне на всю жизнь. После отлива, ровный как бильярдный стол берег был покрыт изящными, словно украшенными песчаным кремом, конусами многощетинковых червей-пескожилов (Arenicola marina). Их выкапывали лопатой и ловили на них треску. Иногда приезжали ребята из старших выпусков и даже математики. В общем, это была жизнь большой и сложной, но страшно интересной семьи.

У нас была собственная лодка, на которой мы выезжали за пробами в море. Однажды Галине показалось, что мы живем слишком пресно и размеренно, и она решила нас расшевелить. Недалеко от берега, в нескольких километрах, были видны два крошечных лесистых островка, на которых никто не жил. Этакие Закинф и Дулихий из «Илиады» Гомера. Она и предложила желающим отправиться на эти необитаемые острова на пару дней. Условия были следующими: на каждый остров едут по обоюдному согласию два мальчика и одна девочка. С собой еды не берут, дается одно ведро пресной воды и спички. Курево брать не разрешалось под честное слово. Сигнал бедствия подается двумя кострами.

Ехать вызвались мы с Клей, и с нами Верка Кишкина, а на соседний остров – Стишов, Юрик Андреев и Дистоляторша. Наш остров оказался таким маленьким, что обойти его по кругу можно было за десять минут. Мы довольно быстро съели всю чернику и малину, и стали жарить на плоских камнях мидий, найденных в отлив. Мидии раскрывались от нагрева, как огромные фисташки. Другой еды у нас не было. Ночью лежали у костра, завернувшись в одеяла на толстом слое лишайников, и говорили о вечном. Ветер под черным небом раскачивал остров словно бригантину. «На соснах, как на мачтах, огни святого Эльма». И еще: «Какой большой ветер напал на наш остров, сорвал с домов крыши, как с молока пену» (Новелла Матвеева).

На следующий день мы впервые обратили внимание на соседний остров, временно населенный нашими товарищами, и попытались соорудить плот. Собрали несколько наиболее крупных, выбеленных временем и морем бревен плавника и соединили их с помощью найденных на берегу металлических скоб. Скобы забивали плоскими, обкатанными морем булыжниками. Потом выяснилось, что мысль наших соседей по архипелагу развивалась в том же направлении. Однако, когда мы в отлив попытались отправиться на этом импровизированном плоту в сторону соседнего острова, нас чуть не унесло в океан (Стишов утверждал, что и их тоже). К тому же, поперек отмели там лежала выбросившаяся на берег огромная белуха (кит), которая так горестно и

громко вздыхала, что мы чувствовали себя виноватыми, да, признаться, и побаивались этого кита немного. В общем решили судьбу не искушать, и плавать в прибрежных водах на веревке. Вспомнилось детство на Кубе, когда я плавал, лежа брюхом на двери (наверное, это был новый виток жизненной спирали).

Проплывая над голубоватым морским дном, я вдруг увидел прекрасное зрелище. Подо мной, раскрыв прозрачные крылья, парило одно из самых чудесных божьих созданий – клио, или морской ангел. Поморы его ласково называют орлецом. Любой биолог знает, что это довольно обычный крылоногий моллюск, утративший раковину, который живет в толще воды. Но меня так поразило его внезапное, чуть ли не божественное появление, что, с криком: «Морской ангел!!», я рухнул прямо в воду, к немалому удивлению Кли. Остаток дня я провел у костра, сушась, и безуспешно пытаясь курить лишайник-кладонию, завернутый в обрывок газеты. Отплевываясь от его горечи, я проклинал свою честность, не позволившую мне тайно прихватить хотя бы окурок (Стишов и К^{o} в это время занимались тем же). На следующий день, исчерпав все ресурсы, мы сидели на пустом ведре на самой высокой точке острова и жгли сигнальный костер. К вечеру пришла лодка и всех нас спасла.

Сейчас я думаю, а что если бы случился ураган, как это часто бывает на беломорье, или кого-нибудь из нас унесло на плоту в открытое море, или... Да мало ли что. Вот я бы смог так довериться своим ученикам? Как она, наверное, волновалась из-за нас, но и вида не показывала. Нет, положительно, Галина – великая женщина.

Соколовой очень не нравилось, что мы курим и ругаемся, а иногда даже выпиваем, и она с этим нещадно боролась. Но ханжой никогда не была, и именно от нее я впервые узнал, что пить следует согласно правилу: «пиво на вино получается говно, а вино на пиво - получается на диво». Все же одержать в этом победу ей не удалось, что, видимо, и стало одной из причин нашего разрыва в 10-ом.

Но главное, полного доверия у нас с ней не получилось. Класс наш, правду говоря, был не подарком. Четверых вообще исключили. Тарусова и еще одного парня - за неуспеваемость, Сашу Базыленко - за распитие портвейна в кабинете химии. Да и сам я уцелел в последней истории чудом, только благодаря заступничеству отца[4]. Галина в известном смысле находилась меж двух огней, поскольку далеко не все в школе симпатизировали ее начинанию. Наш класс не имел права на ошибку, иначе появился бы повод его закрыть. Вот только насколько была необходимость в других «показательных казнях»? За что, например, исключили Гольденштейна? Галина произносила перед нами гневные речи. Говорилось что-то про его моральный облик, невнятно, но очень убедительно. Гольденштейна выгнали. Парень он был, может быть, малоприятный, но разве это причина?

---

[4] Это была вторая точка бифуркации.

Тогда я еще не знал о практике советских обличительных собраний. Не читал «1984» Джорджа Оруэлла, и не мог удивиться странному совпадению наших собраний с партийными «минутами ненависти» к Эммануилу Гольдштейну. Даже их фамилии и внешность поразительным образом почти совпали. Следующей жертвой назначили Лосякова. Но его вины были столь слабо аргументированы, что даже наша директриса, Лапушкина, не выдержала. Ворвавшись в класс, она добрых полчаса поливала нас на чем свет стоит, называя тряпками, медузами и много еще чем. В конце концов я тоже не выдержал, встал и сказал, что мы берем Лосякова на поруки. «Слова не мальчика, но мужа», сказала Лапушкина и вышла. Лосякова оставили. Но доверие рухнуло окончательно. Обжегшись, после нашего выпуска Галина стала осмотрительнее и строже с самого начала и больше своих ошибок не повторяла.

Девушки привязывают Лосякова к дереву (Белое море, 1976).

Я же остаюсь при своем мнении. Вспоминая, сколько злословия было вылито на бедную Соколову на факультете и в школе, вижу в сухом остатке одну только зависть к талантливому человеку и больше ничего. Конечно, и она совершала ошибки, но кто их не совершает? Дети часто жестоки в своих оценках, потому что эмоционально незрелы. Но Соколова - настоящая. Что бы я ни делал, ее оценка была для меня самой важной. Так дети ощущают только своих родителей. Она любила нас всех, даже тех, кто ее не понимал. Она открыла нам мир, о котором можно было только мечтать, и который до сих пор остается для многих лучшим, что было в жизни.

Обиды.

Соколова очень обижена на наш класс, который считает своей ошибкой. Многого она, молодой тогда учитель, не знала еще, и многому училась. Как в той истории с черешнями, о которой я не знал. Галина приехала навестить нас в Звенигород и привезла с собой кулек со страшно дорогими тогда молодыми черешнями, потратив на них чуть не половину своей зарплаты. Застолье началось в комнате, из которой все потом пошли к костру. Однако, как выяснилось, пошли не все, потому что когда мы вернулись, черешни оказались съедены, а косточки кое-как заметены под кровать. Не знаю, кто стал автором чудовищного акта «лоханкизма», но Галина именно этот эпизод считает поворотным в наших отношениях, потому что тогда преступление осталось без наказания. Наверное, она права.

Все же я думаю, что и обиды очень важны, потому что ведут к правильному пониманию нашего места в мире. Ведь обида – это ни что другое, как трение между нашим «Я» и окружающим миром. А он, как справедливо сказано, придуман не нами. И не нам его менять. Ведь глупо обижаться на камень, который упал вам на ногу. В нашем последнем разговоре по телефону Соколова среди прочего сказала: «Но Дима, ведь все это уже давно прошло, и теперь не имеет никакого значения». Не согласен, Галина Анатольевна. Думаю, самое важное это как раз наше прошлое, забывать которое нельзя, хотя бы потому, что только оно одно у нас и есть. Как у Пушкина: «И горько жалуюсь, и горько слезы лью, но строк печальных не смываю». Нельзя их смывать. Мы – это и есть наше прошлое. Забыть его, или не придавать ему значения, все равно что лишиться памяти. Убежден, что это самый страшный недуг, который может поразить человека.

Наконец, последнее. Если зайдете на нынешний сайт 57-ой школы, в трогательном перечне ее выпускников с 1971 года (www.sch57/msk.ru/classes.htm), вы не обнаружите ни одного списка биокласса, кроме нашего (1977 год 10«Д» класс). Да и он оказался там только благодаря упорству «Порфия» (Кирилла Парфенова), который не мог стерпеть такую несправедливость. На самом сайте нет ни одного упоминания о биологических классах, будто их не было в помине... Только математические.

Стыдно, господа! А ведь лицейский биокласс был основан в 57-ой уже в 1973 году и существовал там вплоть до 1984 года, пока не пал в неравной борьбе с интригами. Основан он был биологами и математиками. Лишь потом он вынужденно перебрался на новое место, в 520-ю школу, где живет и процветает по сей день, воскреснув как Феникс, в чем я имел радость убедиться.

Биокласс помнит свою историю и гордится ею. Отсчет выпусков ведется с «той далекой, гражданской», когда все мы были родом из 57-ой. Весной 2007 года я присутствовал в Большой Биологической Аудитории на наборе

школьников, который Галина проводила уже в 25-ый класс. А мы навсегда остались в 3-ем.[5]

* * *

Сбор рябины на Университетском проспекте.

В школе мы почти все время проводили с Клей, благо жили недалеко друг от друга. После уроков ехали обедать в их гостеприимную квартиру на улице Молодежной, где его мама, Евгения Николаевна, кормила нас потрясающим украинским борщом со сметаной. Они же приучили меня все есть не просто с хлебом, а с хлебом и маслом (калорий не хватало). Потом мы отправлялись в университет на вечерние занятия. Евгения Николаевна была красивая, подвижная, миниатюрная женщина, и ужасная хохотушка, родом из Харькова. Ее все интересовало. Она рассказывала, как всю ночь стояла в очереди за десятитомником Пушкина с какими-то студентами, жгла с ними костер, чтобы согреться и пела песни. Из женщин в квартире жили еще бабушка и кошка Дымка. Отец, Леонид Борисович, ихтиолог, готовился тогда к защите докторской и поэтому вся его комната была завалена рисунками, графиками и страницами рукописи. Но и для нас он время находил.

Осенью собирали урожай. По вечерам, мы втроем, почему-то крадучись, как тати (наверное так было интересней), отправлялись на бульвар Университетского проспекта. Там Леонид Борисыч срезал гроздья рябины портняжными ножницами на длинной палке, а мы с Клей собирали их в мешки. Из этой, казалось бы, бросовой ягоды варилось фантастически вкусное варенье. Отсюда фамильные кулинарные способности Кли. Именно отец научил его особым способом готовить копченых нутрий, купленных на Черемушкинском рынке. Быть приглашенным к Кле на «крысу» (так они с отцом по-свойски называли этих грызунов) – высокая честь. Позднее они увлеклись кустарным изготовлением домашних вин и наливок. Как человек, неоднократно участвовавший в дегустациях, подтверждаю, что вина становились с каждым разом все лучше. Однако вскоре лавочку пришлось прикрыть.

«Ибо, - как сказал Леонид Борисович, - мы заметили, что стали что-то слишком много пить».

В дружбе обычно люди взаимно обогащают друг друга. Но Кля всегда давал мне больше, чем я ему. Во многих отношениях я был, и остаюсь, человеком диким. Во всяком случае, ощущение собственного невежества редко меня покидает. В оправдание могу сказать только, что я всегда стремлюсь стать лучше. Кля открыл для меня новый мир доселе неведомой культуры. Через него я полюбил Свифта, «Декамерон» Бокаччо, «Гаргантюа и Пантагрюэль», узнал о существовании книг вроде «Молоха ведьм». Еще они с отцом где-то доставали (утверждают, что покупали в магазине) новейшие виниловые «гиганты». Лежа

[5] Галина Анатольевна Соколова умерла в ночь на 8 мая 2008 года. Она долго и мучительно боролась с почти неизлечимой болезнью. Я так и не успел закончить с ней тот памятный телефонный разговор.

на ковре в комнате Леонида Борисыча, где стояло мощное стерео, мы погружались в завораживающее многоголосье «Spirits having flown» «Би Джиз», замирали от неземной музыки «По волнам моей памяти» Тухманова, или слушали «Алису в стране чудес» с песнями Высоцкого. И как они их только разыскивали?

Все эти вещи стали известны и популярны много позднее. Наверное, это врожденное чутье. Да и потом, стоило на культурном небосклоне появиться любопытной книге или автору, Кля, как гончий пес немедленно их выслеживал и щедро делился со мной. Именно он открыл для меня историка Натана Эдельмана, слушать которого собирались тогда целые кинотеатры. Сам я, боюсь, мало чем его обогатил. Мою страсть к кино он в общем не разделял, делая исключение только для фильмов Тарковского. Зато по отношению к юмору совпадение было почти полным. А для любой дружбы – это если не достаточное, то необходимое условие, это уж точно. В те времена мы были совершенно свободны, не то, что сейчас, и могли часами, болтая, провожать друг друга от его дома до моего и обратно по Ленинскому, незаметно преодолевая по десять-пятнадцать километров за вечер.

Мы и Дымка готовимся к экзаменам.

К выпускным экзаменам мы любили готовиться у Кли дома, на улице Молодежной. Там можно было, никому не мешая, разлечься на полу в просторной комнате со своими учебниками. Снова бушевал июнь, погода была великолепная и через открытый балкон врывался легкий ветерок. Он лениво играл прозрачными занавесками, словно дразня нас, бедолаг, вынужденных зубрить какую-то чушь. Мерный шум двора, наполняя комнату, постепенно усыплял, накатываясь, как рокот моря. Словно, чтобы окончательно добить нас, с балкона неслышно выходила пепельно-серая кошка Дымка, мявкала, и ложилась в солнечном пятне, потягиваясь и жмурясь от удовольствия, как это умеют только кошки. Боже, кажется ни одному живому существу я так не завидовал!

Незабываемое лето.

Наступило лето великих испытаний. Теперь каждый шел своим путем. Сдав школьные экзамены, я продолжал экзаменационный марафон, жарясь на своем крохотном балкончике вместе с учебниками день за днем. Что ни говори, а такую нагрузку можно выдержать только в этом возрасте. Моя соседка по этажу Аська Бикмухаметова (впоследствии мама одного из внуков Олега Табакова), с которой я вместе учился в 47-ой школе, одновременно шла в МГУ на филологический и, как хорошая девочка, все сдавала на «отлично». Но перед последним экзаменом нервы ее не выдержали и она в истерике наотрез отказалась туда идти. Аськиной маме пришлось привлечь на помощь соседа, глазного врача Сашу Цукермана. Так ее и привели на экзамен силой.

Экзамен по математике.

Я шел на биофак, и больше всего боялся математики. Конкурс в те времена был не чета нынешнему. В результате от волнения я забыл дома

экзаменационный лист. Отец, который, по счастью, отправился меня провожать на экзамен, умчался за ним на «Жигулях», а я остался перед закрытыми дверями аудитории, где уже начали писать математику. Наконец, через полчаса примчался отец и привез злополучный лист.

При общем недоумении огромного зала, где вот уже полчаса все что-то лихорадочно решали, дверь открылась и в гробовой тишине я прошел к столу не менее озадаченной моим появлением экзаменационной комиссии и получил задание. Я был настолько перепуган этой ситуацией, что уже через сорок минут все решил и теперь не знал, что делать дальше.

Вокруг меня все, по-прежнему, сосредоточенно что-то писали. Наконец, еще через полчаса мне надоело просто так сидеть, я встал и пошел сдавать работу. Перья перестали скрипеть, и на меня в изумлении снова уставилась вся аудитория. Бедный преподаватель, не понимая, что происходит, только и нашелся спросить: «Вы уже закончили?». Я мрачно ответил «да» и вышел, чувствуя себя полным идиотом. Наверное все решили, что это было явление народу математического гения.

Печальный и одинокий я плелся вдоль дороги к метро «Университет», как вдруг рядом с визгом затормозили «Жигули». Оттуда выскочил отец с криком: «Что, выгнали??». К слову, в результате я все равно получил «четверку», потому, что хорошенько все не проверил и где-то ошибся.

На химии.

С химией, как будет сказано в дальнейшем, у меня отношения не складывались никогда. Наверное потому, что родители были химиками. Пока они были на Кубе, меня натаскивала однокурсница отца, которая честно пыталась хоть что-то в меня вдолбить, но увы. Пораженная моей тупостью, она в конце концов от безысходности послала отцу телеграмму: «Химии не знает тчк что делать впрс Галя».

На экзамене надо было ответить на вопрос билета и решить задачу. На билет я ответил, но в задаче наглухо завяз. Получалась не то четверка, не то тройка. Спасло меня то, что экзаменатором оказался друг отца, который сел рядом и деликатно вместе со мной решил проклятую задачу. Однако я был настолько удручен, что даже не посмотрел, что же мне ставят в экзаменационный лист. Встречающий меня на ступенях отец, увидев мою убитую физиономию, вскричал: «Что, тройка???». Я сказал, что не знаю. Заглянув в экзаменационный лист отец засмеялся и показал его мне. Там стояло: «Отлично». В свое оправдание могу сказать, что этот подаренный мне балл все равно не понадобился. Я бы и так поступил.

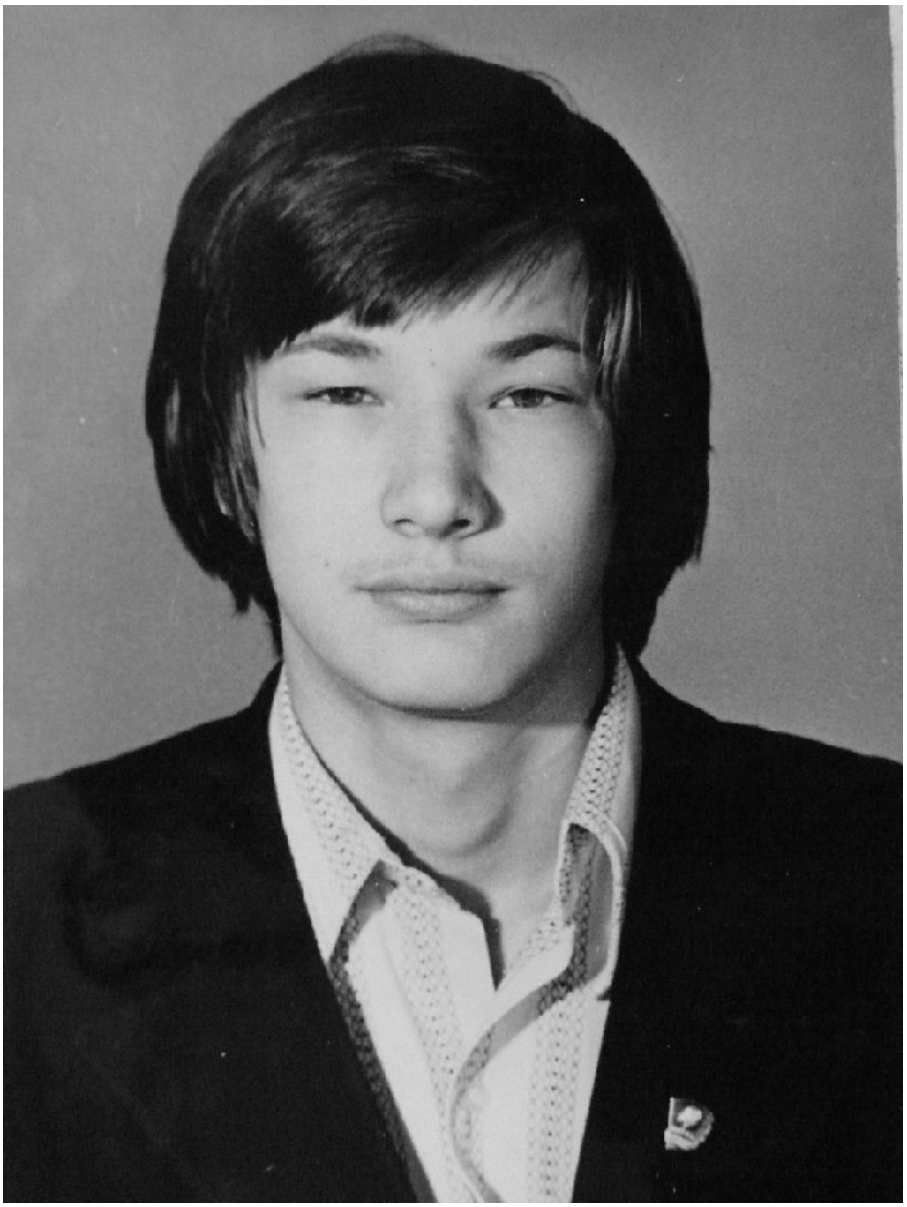
Семнадцатый август.

После поступления я сразу уехал в Звенигород, на биостанцию, к Анвару, где и проболтался весь август. Вскоре нас собралась там целая компания. Там был Андрей Панютин и Юра Рыбаков, которые тоже поступили на мой курс, и еще множество каких-то юннатов. Вскоре приехал и Кля, который в тот год не поступил на почвоведение. Кля привез весть о гибели на Памире нашего

ректора Рэма Хохлова. Жили мы в общаге, над фотолабораторией, с окнами выходящими на лесной пруд. У меня настроение было слишком приподнятое, а у Кли – слишком опущенное, соответственно нашим успехам, но довольно скоро наши настроения выровнялись, как в сообщающихся сосудах. Есть было совершенно нечего, но мы все равно были счастливы. Был магнитофон и катушки с записями бардов. Весь день можно было валяться в невесомом полуголодном состоянии и слушать романтические баллады Луферова. «И рассядутся сороки мажорным трезвучьем на гудящих как струны проводах, и будет мало километров от начала дорог и так много до пыльных городов». «Но женщина мчится по склонам, как огненный лист за вагоном...».

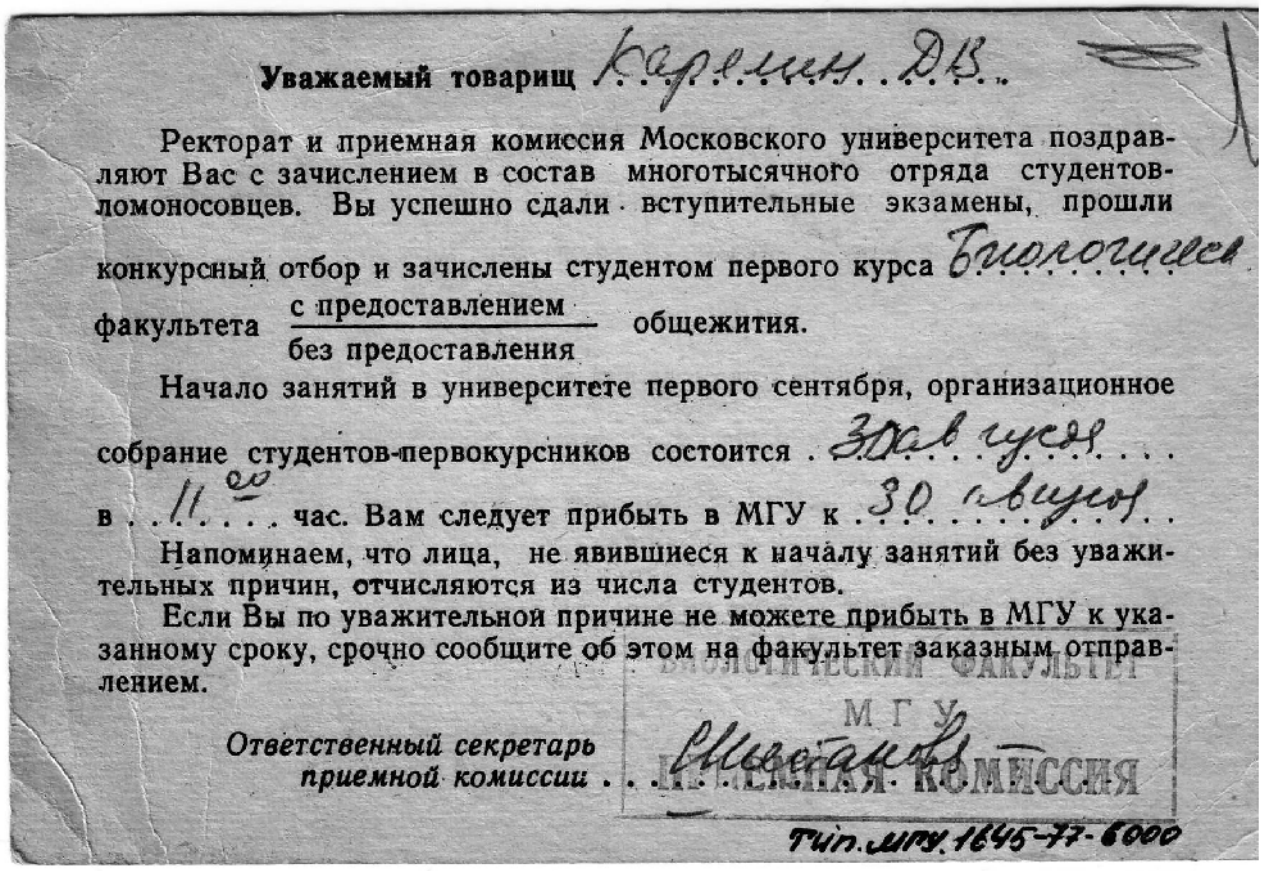
А незнакомая девушка в соседнем окне, положив голову на руки, зачарованно слушает ту же гитарную мелодию, льющуюся через вечно распахнутые в летний сад окна, и просит поставить ее сначала.

* * *



Вольноотпущеник из 10«Д».

Университет.



Уважаемый товарищ Карелин Д.В.

Ректорат и приемная комиссия Московского университета поздравляют Вас с зачислением в состав многотысячного отряда студентов-ломоносовцев. Вы успешно сдали вступительные экзамены, прошли конкурсный отбор и зачислены студентом первого курса Биологического факультета с предоставлением / без предоставления общежития.

Начало занятий в университете первого сентября, организационное собрание студентов-первокурсников состоится 30 августа в 11 00 час. Вам следует прибыть в МГУ к 30 августа.

Напоминаем, что лица, не явившиеся к началу занятий без уважительных причин, отчисляются из числа студентов.

Если Вы по уважительной причине не можете прибыть в МГУ к указанному сроку, срочно сообщите об этом на факультет заказным отправлением.

Ответственный секретарь приемной комиссии Иванова

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

Тип. МГУ. 1645-77-6000

Краткий толковый биологический словарь 1970-80-х:

Качан - качественный анализ,
колан – количественный анализ,
гроб – гражданская оборона,
война – военная подготовка,
матан – математический анализ,
тервер - теория вероятности,
большой – большой практикум,
фак – факультет,
спецуха – спецгруппа по физкультуре или по английскому,
пойти на фак – пойти на факультет (а вовсе не то, что вы подумали),
мостик – архитектурная деталь над центральной лестницей при входе на биофак. Место встреч, примерно, как «в ГУМе у фонтана».
Десятка – столовая №10 рядом с биофаком.
ГЗ – главное здание МГУ.
Тошниловка – буфет на первом этаже.
Вышки – кафедра высший растений.
Нишки – кафедра низших растений (ныне микологии и альгологии).
Позвонки – кафедра зоологии позвоночных.
Беспы – кафедра зоологии беспозвоночных.

Гидробы – гидробиологи.
Физерасты – кафедра физиологии растений.
Стекляшка – здание гуманитарного корпуса напротив вечного огня.
Файер – вечный огонь напротив здания гуманитарного корпуса.
Ковать сайнс – заниматься наукой в широком смысле слова.

Вот таким запуганным мальчонкой пришел я на 1 курс.

Леня Мешков и ужасы химического практикума.

Приехав ненадолго на период моего поступления, родители с малолетней сестрой снова меня покинули, укатив на заработки на Остров Свободы. На первом курсе я попал, как кур в ощип, на практикум по общей химии. Вел его у нас страшный человек по имени Леня Мешков, который прекрасно знал, чей я сын. Уж не знаю, питал ли он личную неприязнь к отцу (папа одно время был парторгом и замдекана химфака), но крови он мне попортил изрядно. Во время семинаров, допрашивая нас, Мешков любил висеть на крюке, торчащем из

вытяжки. Методично раскачиваясь на своем любимом крюке с мечтательной улыбкой, он задавал мне вопросы и с удовольствием ставил колы. Иногда после занятий он заботливо спрашивал: «Ну как там папа? Что пишет?».

К концу семестра мою практикантскую книжку украшала дюжина колов, слабо разбавленная двойками. На экзамен же следовало идти с этой самой проклятой книжкой. Я в жизни не получал колов и поэтому был в полном шоке от происходящего, думая, что меня исключат, но никому ничего не говорил. Наконец, в предверии экзамена Мешков вдруг вызвал меня в свой кабинет поздно вечером. Дальше все происходило, как в пьесах Фонвизина. Мешков задавал мне химические вопросы, и независимо от ответов меланхолически исправлял колы на четверки. С двойками он ничего поделать не мог, поэтому колами дело и ограничилось.

На экзамене я попал к заведующему кафедрой общей химии, хорошему приятелю отца профессору Асланову. Он очень радовался всем моим ответам, кивал, и уже собирался поставить мне «пятерку», но тут заглянул в практиканскую книжку. Ужас его не поддается описанию. При виде колов, исправленных на четверки, вперемешку с двойками, он стал невнятно извиняться и, безмерно горюя, поставил мне «четверку». Напрасно я говорил, что очень даже рад такой высокой оценке. Он был безутешен и вскоре ушел с экзамена.

В этом году я случайно узнал от одного студента, что Мешков по-прежнему ведет этот ужасный практикум. Просто химический Мефистофель какой-то.

В этой связи приходит в голову такое рассуждение. Допустим, если искусство – это открытая форма деятельности (в смысле ее демонстрации), не предполагающая, в общем, прямого общения с людьми, то наука – закрытая форма деятельности, не предполагающая как широкого освещения ее результатов, так и общения с публикой. По сравнению с ними, политика – открытая форма деятельности, требующая постоянного общения с как можно более широким кругом людей. В результате нигде не встретишь так много умных и одновременно противных людей, как в науке и искусстве, и так много глупых и лицеприятных – в политике. Непонятно только, что тут причина, а что следствие.

С химией мне вообще как-то не везло. Ну не давалась мне эта наука, хоть ты тресни. Одним словом, как выразился о ней персонаж великого актера Грибова: «темная наука». Преподавательница по количественному анализу говорила мне, что «природа отдыхает на детях», имея в виду выдающиеся способности отца и мою полную химическую девственность. Тигли с осадками, которые нужно было взвешивать до 5-го знака после запятой, вечно падали у меня на пол, растворы перетитровывались, а реактивы путались. Я и до сих пор не уверен, надо ли лить воду в кислоту, или кислоту в воду.

Методы химического анализа:

1) Метод качающегося мениска.

Наиболее точный метод анализа. Упомянут у проф. А.И. Позднякова в его книге «Что было, то было». Правда, автором высказано сожаление об утерянном смысле этого выражения. Я же, как наследный сын химика, был в свое время в тайну метода посвящен. Заключался он в следующем. При прохождении количественного анализа всей группе выдавались контрольные растворы, концентрацию которых надо было определить с точностью, кажется, до 4-го знака. Ряды огромных химических бутылей, из которых наливались лаборантом эти растворы, стояли на полке в лаборантской, а на них были выписаны концентрации. Когда лаборант уходил за раствором для очередной жертвы, кто-нибудь дежурил под дверью лаборантской, и как только тот выходил – быстро заглядывал туда, смотрел в какой из бутылей качается мениск жидкости, и списывал концентрацию.

2) **Метод стекающей струи**.

Применяется при мытье химической посуды. Вся посуда кладется в раковину и затем включается струя воды. Через требуемое время посуда вынимается и считается чистой. Метод также применим в быту.

Физику я, в общем, как ни странно, любил. На практикумах там было весело, не то что на почти средневековом химфаке, навсегда пропахшем какой-то гадостью, где все постоянно ходят мрачные и чуть-что ставят колы. Физики могли с нами даже пошутить, что для химиков представляется чуть ли не святотатством. Я, например, и представить себе не могу, чтобы на свет появилась книга «Химики шутят», подобная всемирно известной книге «Физики шутят». Почему химики такие мрачные люди – Бог их знает. Впрочем, если бы меня заставили всю жизнь что-нибудь титровать или смешивать в колбочках, я бы, наверное, был еще мрачнее.

На войне, как на войне.

Военка – вещь серьезная. В те времена половых поблажек не было и служили девушки тоже. Быть выгнанным с военки, значило поставить под вопрос свое будущее. Мужикам, чтобы явиться на построение на военной кафедре, надо было быть постриженными и одетыми в костюмы и галстуки. Это-то и было главным камнем преткновения. Мало кто ходил в университет в костюме, а тем более – в галстуке. Для тех кто его забыл, в группе имелся дежурный галстук, нарисованный черным фломастером на вырезанном куске картона. Это долго сходило с рук, пока майор Данилюк однажды не пригляделся. Не понравилось это ему.

За давностью лет можно открыть военную тайну. Если на химфаке студенты изучали химическое оружие, то мы осваивали бактериологическое. Готовили из нас эпидемиологов, а точнее, командиров противоэпидемических

взводов. Первое же отделение биофака было военными микробиологами. Разница между нами была в том, что мы (второе отделение) определяли блох и клещей под бинокуляром, а они - бактерий под микроскопом. Меня всегда охватывал ужас при мысли, что вот разразится война и меня отправят командовать этим самым взводом. Мне даже однажды приснился кошмар. Передо мной молча стоит взвод на фоне каких-то непонятных машин и ждет моей команды, а что им говорить - я понятия не имею.

Бакудар по чайне.

Однажды наш майор (не будем называть фамилий) повел всех на практические занятия по нанесению удара бакоружием. Идея заключалась в том, что условный противник нанес по нам условный удар условным снарядом, начиненным бактериологической рецептурой. Мы должны были, расхаживая в противогазах, собрать осколки этого чертового снаряда в специальные контейнеры. И все бы ничего, если бы майор не выбрал для этого дела сквер прямо перед китайским посольством. А надо заметить, что здание китайского посольства, которое находилось недалеко от биофака, всеми предыдущими поколениями студентов МГУ было главной мишенью при любом ухудшении отношений с Китаем. Поэтому все стены посольства были сплошь в следах разрывов чернильниц, а охрана настроена весьма параноидально. И вот мы идем цепью в противогазах и с металлоискателями по скверу, а перед нами в ужасе разбегаются мамы с колясками и бабушки с собачками. Когда же кто-то из нашего взвода на вопрос обывателя сказал, что мы собираем осколки снаряда с бакоружием, паника приобрела общий характер. Вскоре прибыла вызванная посольством милиция и всех нас выставила с газона в шею вместе с условными осколками и противогазами. А майору, говорят, здорово нагорело.

В другой раз нас отправили на занятие по ориентированию в районе все того же многострадального китайского посольства. Наш взвод был разбит на несколько групп со своими маршрутами и компасами, а встретиться надо было в некой расчетной точке. Уж и не знаю, как так получилось, да только встретились все в пивной, рядом с посольством.

«Шанхай».

Эта пивная была известна всему университету. Благодаря близости к китайскому посольству у прежних поколений она называлась то «Янцзы», то «Формоза». У нас она звалась просто: «Шанхай». Мой друг Анвар Керимов, который ко времени моего поступления уже заканчивал биофак, утверждал, что первое название ей дали из-за того, что в дни стипендий она часто напоминала эту желтую и полноводную китайскую реку. Пивная была стоячей, а пиво с незамысловатой закуской продавала за стойкой полуграмотная, замученная жизнью тетка. Тетка любила во всем наглядность. На витрине, рядом с полузасохшей яичницей на общепитовской тарелочке лежала бумажка с надписью: «Еишница из двух еиц (с яйцами)». Последнее, видимо, было добавлено, чтобы уж точно избежать недоразумений. А отец говорил, что в их

времена там висел ценник: «Гутенброд с калб. 13 коп», рядом с которым лежал всего лишь воздушно-сухой бутерброд с колбасой.

В «Шанхае». Фото Л.Демидова (1981).

Про ту же пивную отец мне рассказывал еще и такую историю. В начале 70-х, уже после того, как он в первый раз съездил в Америку, к нему в гости приехал кто-то из потомков русских эмигрантов еще первой послереволюционной волны. С ним он познакомился во время стажировки.

Человек этот непременно хотел посмотреть «настоящий русский народ». Ну, отец, недолго думая, и повел его в «Шанхай». Пришли они туда, взяли пива, сидят. Через некоторое время народ, конечно, узнал, что здесь присутствует американец. Птица, по тем временам редкая, да еще в пивной. Все к нему подходят, норовят с ним выпить, лезут целоваться, в общем, весь стандартный комплекс русского пьяного любвеобилия по отношению в

иностранцу. Тот, естественно, в восторге, со всеми выпивает, в полной эйфории. Уже под закрытие пивной, к столику подходит вечно уставшая и одуревшая от ежедневных пьяных рож тетка в мутно-белом халате, начинает убирать посуду и с остервенением протирает мраморную столешницу грязной тряпкой.

Американец (глядя на тетку с торжественным умилением, и тщательно выговаривая русские слова): «Спас-и-боу! Било от-шень кар-шоу!».

Тетка (посмотрев на него с горьким недоумением, как на дурачка): «Эх, милок, а чё хорошего-то?».

Со скоростью звука по проводам.

Майор Данилюк был мишенью студенческого остроумия за поколения до нас. Он слыл человеком фантастического невежества, с полным отсутствием чувства юмора. Помнится история, которую рассказал мне Кля, параллельно учившийся на братском факультете почвоведения. Вел у них военку все тот же Данилюк. Как-то он решил идти в ногу со временем и электрифицировать плакаты с жутко сложными схемами мотострелкового батальона США в наступлении, обороне и проч.

Задание получил какой-то электрически грамотный однокурсник Кли, который мог отличить сопротивление от емкости. Кля же, будучи человеком от электричества далеким, был взят больше для компании. Ставкой в этой игре был экзамен-автомат для обоих. Когда вся схема была спаяна, майора пригласили на смотрины. Приятель Кли показал майору, какие тумблеры и кнопки надо нажимать. Данилюк в восторге: стрелочки бегут, огоньки горят, надписи мигают, в общем, все хорошо. Как вдруг взор его затуманился. «А почему одни лампочки зажигаются сразу, а другие погодя?», - спрашивает. «Видите ли, товарищ майор, одни дневного накала, а другие – люминесцентные». Майор задумался. «А какова скорость тока по проводам?». «300 тысяч километров в секунду, товарищ майор». «А по-моему 600». «Никак нет, 300». «А по-моему, 600!». «Виноват, так точно, 600». Майор добился своего, доволен, но хочет поставить в споре последнюю точку: «А вот скорость звука - 333 метра в секунду». Такие дела, как говаривал Курт Воннегут.

На биофаковском дворе сегодняшние студенты играют в снежки. Один из них, которому приятель только что залепил снежком в глаз, кричит: «Погоди, вот начнут нас на 4-ом курсе учить метать гранаты, тогда я тебе покажу!».

Спецуха.

На 1-ом курсе я всюду попал в спецгруппы: реферативную по английскому, и спецгруппу по физкультуре. В первом случае это было приятно, т.к. пока весь остальной курс «сидел на английской игле», мы блаженствовали, практически ничего не делая. Набирали в эту группу только выпускников английских спецшкол. Мы с нашим старостой, Сашей Архипкиным, под эту категорию не подходили. Я – поскольку английскую спецшколу так и не закончил, а перевелся в биокласс, а Архипкин – поскольку таковой в его городе

не было. Но добрая маленькая старушка Анна Сергеевна Моисеенко-Великая (она была потомком княжеского рода, но вторую половину фамилии не афишировала) взяла нас на поруки, потому что уж больно просились.

Теперь Саша - гражданин Великобритании, и заведует английской биостанцией на Фолклендских островах.

Архипкин был человеком упорным. Несмотря на то, что классическое оксфордское произношение ему не давалось, и все наши девицы над ним потешались, английских слов он уже к концу первого семестра знал не меньше других. Учился только на пятерки. Но сибирская глубинка наложила на него неизгладимый отпечаток. Например, он использовал в своей речи особый вариант сокращенного мата («Что за борзотища, нах») и любил со страшной силой хлопать нас по спинам.

Снова на Беломорье. Наша 5-я группа на практике после 1 курса. Слева направо: А.Архипкин, А.Буяновский, Д.Карелин, В.Федосова, О.Михайлюкова, И.Адоньева, И.Косевич, наш преподаватель Олег Малютин, И.Строкина, Р.Бутовский, А.Гебрук, Е.Третьякова, А.Кузнецов, М.Коломийцева. Нет Е.Шаденковой. На этом фото мы получились настолько похожи с Лерой Федосовой, что ехидный Кузя всем потом предлагал угадать, где Дима, а где Лера (Беломорская биостанция МГУ, 1978).

Автопортрет в интерьере. Четверть века спустя дома у Бутовских: слева направо А.Буяновский, Д.Карелин, А.Гебрук, И.Строкина, М.Бутовская (Коломийцева), Р.Бутовский, их дочь Полина, и примкнувший к нам А.Маурер.

Йикс Вотуб и Йикс Воняуб.

Но вообще говоря, на английском мы больше бездельничали. В основном, занятия Анны Сергеевны заключались в болтовне на английском, пересказе книг, и всяких играх. Поэтому готовиться никто особенно не готовился. В результате, по словам, например, Андрея Гебрука, он больше разучился языку, чем научился. Но обычные английские группы нам завидовали черной завистью, как аристократам. Они бедные сдавали какие-то бесконечные «тыщи», учили «past perfect» и прочую муру.

Кузя, я, Бутовский и Буяновский не ценили этого и часто мучили бедную старушку. Пародируя ее грасирующую речь аристократки, Кузя, на чей-нибудь вопрос, где Анна Сергеевна, скорбно склонив голову, отвечал: «Она ушва». Когда наша четверка окончательно переполняла чашу терпения Анны Сергеевны, она нас выдворяла с неизменной формулой: «Бутофский, Буянофский, Каеин и Кузнецофф, пожауте вон из касса!». Кузя уверял, что у его фамилии на конце при этом было не меньше трех «эф». Однажды мне пришло в голову озвучить в этой штрафной формуле наши фамилии наоборот.

Полученный результат меня страшно изумил. Получилось: Йиксвотуб, Йиксвоняуб, Нилерак и Воцензук.

Полет над гнездом кукушки.

В спецгруппу по физкультуре, видимо, набирали людей, отчислить которых из-за физической неполноценности было все же нельзя, но и среди нормальных людей им было не место. Это была, как выразился один из моих однокурсников, «кунсткамера, какая-то». Больше всего мы напоминали палату сумасшедших из фильма «Пролетая над гнездом кукушки». Наш инструктор, с жалостью глядя на стоящее перед ним хилое, разнокалиберное племя, говорил со вздохом: «Ну что, может быть сегодня немного побегаем?». Но поглядев на нас, сам же и отвечал: «Нет. Лучше не надо».

И вот, наша «кунсткамера» в спортивных костюмах плетется по спортивному городку МГУ, слабо улыбаясь заходящему солнцу, а мимо нас проносятся, взметая снежные вихри, на лыжах румяные однокурсники, которые сдают нормы ГТО. Несмелая попытка поставить нас на лыжи привела к тому, что обратно никто не вернулся, и наш инструктор больше ее не повторял. Но однажды выяснилось, что в наших телах доходяг все же бьются сердца настоящих спортсменов. Выяснилось это, когда наш физрук принес на одно из занятий футбольный мяч, и стал объяснять правила игры. Группа, доселе инертная, как товарный вагон, вдруг оживилась. Некоторые стали подходить и трогать мяч, а Ведюшкин даже его понюхал. Физрук робко предложил перейти к практической стороне дела. Мы радостно согласились. Первый матч, несмотря на то, что игроки без конца падали, теряли очки и сталкивались головами, прошел с большим успехом. Теперь мы уже сами просились играть в футбол, и наш физрук мог даже использовать лишение футбола, как рычаг поддержания дисциплины. Наконец, где-то в конце первого курса наши «нормальные» товарищи, которые сдавали в поту и мыле нормы ГТО и, на самом деле, конечно, завидовали нашей вольнице, решили вызвать нас на матч.

Матч этот вошел в анналы и долго потом обсуждался среди однокурсников. Дело в том, что мы его выиграли. А выиграли мы его потому, что к концу года в наши ряды, правдами и неправдами стали проникать с фальшивыми справками разные симулянты, многие из которых, например, Веремьев, были здоровенными детинами с диагнозом «астенический синдром» или «миопия средней степени». Да и раньше у нас таких хватало. В общем, «выходили из избы здоровенные жлобы, порубили все дубы на гробы».

Справиться с нами было дело безнадежное. Один Маурер («Рэр») на воротах чего стоил – эдакая орясина с руками, как у ловца во ржи. Остальные тоже старались, как могли. Огромный шарообразный Ведюшкин каждый раз в защите обрушивался на противников, как горный обвал, Плонский и Мазин падали на мяч, словно коршуны на добычу, а прочие маломерки пытались выкрасть его и услать вперед. Себя я помню плохо, но после матча оказался с разбитой губой и глазом. Кто там у нас забил гол, ума не приложу, поскольку сам я в это время валялся где-то в сугробе на обочине. Но мы победили, и с тех пор нас зауважали.

Как доктора в футбол гоняли.

Футбол на биофаке в те годы – это особая тема. Не знаю уж почему, но съехавшись учиться на биофак мы все вдруг почему-то поголовно начали играть в футбол. Играли во внутреннем дворе, и никто не знает с чего это помешательство началось. Собственно старшие курсы играли и до нас, а мы лишь присоединились. Мы играли зимой и летом, в обеденный перерыв, до лекций, во время лекций, и после лекций. Нас проклинали доценты, выгоняла с семинаров англичанка, а комендант прятал мяч. Только профессор Ивашев-Мусатов (он жил со мной в одном доме), по учебникам которого училась тогда вся страна, терпеливо, и, по-моему, с некоторой завистью сносил наши потные и шумные вторжения посреди своей лекции. Улыбаясь, он говорил при этом так: «Ну вот, футболисты пришли, теперь можно и начинать».

На поле былых футбольных сражений четверть века спустя. Слева направо: А.Буяновский, А.Гебрук, А.Керимов, М.Бутовская (Коломийцева), Р.Бутовский. Сижу с мячом я, за 5 минут до начала защиты своей докторской. Кроме меня и Анвара все остальные на этом снимке давно уже доктора (6 апреля 2006).

Доходило до того, что на маленькой площадке в центре факультетского двора чьи-то тени метались до глубокой ночи. Мяч гоняли под единственным фонарем, и без сил расходились по домам и общагам. Играли ребята и

девчонки, с разных кафедр и курсов, целыми днями, в снег и в жару. Как-то раз даже играла друг с другом вся наша пятая группа в полном составе: семь ребят и семь девиц. Одни приходили, другие уходили, а неказистый пластмассовый мячик, купленный кем-то в «Детском мире» со стипендии за три рубля, лежал под кустом в условленном месте, и все знали, где его найти.

Не знаю, что в этом такого необыкновенного. Наверное, ничего. Но вот мне уже за пятьдесят, да и моим поседевшим друзьям юности столько же. Кто остался, а кого уже нет, а все вспоминается – есть еще немного времени до начала лекции и нет вопроса, как его использовать – мы бежим во двор биофака, и это ожидание ни с чем не сравнить – нас ждет мяч, и голубое, бесконечное счастье на целых двадцать минут.

Горбатого, видно, могила исправит... Это уже современная Африка – матч с датогскими детьми.

Я и Кузя погружены в жидкий азот.

Мы с моим приятелем Кузей на втором курсе решили вдвоем отмечать новый год в заброшенной подмосковной деревне. Родители отнеслись к этому как-то несерьезно. А мороз к концу декабря 1978-го ударил нешуточный –45С, так, что даже трамваи останавливались. К слову, 31 декабря 1978 года вошло в десятку самых холодных дней за всю историю метеонаблюдений в Москве. Но нас это не остановило. Мы, как опытные полевики, взяли с собой валенки, гусиный жир, геологические рукавицы и спальники. Но вот палатку не взяли,

поскольку ночевать в лесу не собирались. Еще я взял бутылку водки, а Кузя - кирпич черного хлеба.

Уже на вокзале, за те 10 минут, что мы ждали поезда, я понял, что мы затеяли что-то недоброе. Но в этом возрасте назад не ходят. Через час или около того, мы высадились на совершенно пустынной платформе «Лесодубосеково», надели лыжи и тронулись в лес. Вскоре выяснилось, что Кузя дороги не знает, куда идти неясно и ночь наступает на пятки. Надо ночевать. Как развести костер в такой мороз? Вспомнили, что вроде надо ломать нижние сухие ветки елового лапника. Наломали, но от спички он упорно не загорался. Пока рука держала спичку, пальцы настолько замерзали, что больше не разгибались. Пока один их грел, второй повторял попытку. Спасло нас только то, что мы вспомнили, что везем с собой свечки в избу. Мы их разожгли, поставили на снег, и они горели в лапнике, как в церкви, при полном безветрии, пока костер не разгорелся.

Костер разгорался очень долго. Но все равно не так, чтобы очень. Углей не получилось, и спать пришлось в спальниках на снегу. Если тебе, читатель, никогда не приходилось спать при 50-градусном морозе на снегу без палатки, то мне нечем описать эту борьбу за жизнь. Строго говоря, мы конечно не должны были пережить эту ночь. Но почему-то пережили. Спальники были сцеплены молниями, и мы по очереди грели ноги, обутые в валенки, друг у друга в промежности. Иногда мы курили или болтали, чтобы скоротать время, а над нами сквозь щель в спальнике виднелся звездный эфир абсолютного кельвиновского нуля. Об этом не говорили, но знали, что заснуть - смерти подобно. Помогал бодрствованию жуткий треск, который стоял всю ночь. Трещали деревья от мороза. Стоило закемарить, как начинало казаться, что вокруг нашего становища смыкается кольцо мамонтов, неуклюже ступающих по ельнику.

Еле дожив до утра, мы выскочили из спальников и стали бегать на лыжах вокруг лагеря, чтобы согреться. Чтобы поесть, я достал из рюкзака буханку черного хлеба и занес над ней топор... Лучше бы я этого не делал. Топор со звоном полетел в одну сторону, а невредимая буханка – в другую. При следующих попытках от нее отскакивали лишь маленькие стружки, больше пристойные деревянным чуркам, нежели хлебу. Бутылка водки тоже не порадовала. Она обнаружилась с белым ледяным винтом внутри, при очень незначительном количестве незамерзшего спирта на самом дне. В общем, ничего не оставалось другого, как идти дальше, не солоно хлебавши. Часам к двум дня я понял, что Кузя по-прежнему понятия не имеет куда мы идем. Новая ночь неумолимо приближалась. Лично мне было совершенно ясно, что еще одной такой ночи мы не переживем (уже потом стало известно, что под Волоколамском, где мы находились, в эту ночь температура упала до рекордных -55°C). И тогда я принял огонь на себя (спасаться-то было нужно) и заявил, что дальше не пойду, потому что у меня болит ухо. Кузя, как мне показалось, со скрытым облегчением с этим согласился и мы со все ускоряющимся темпом устремились назад, к станции.

Уже возле самой станции, в чистом снежном поле вдруг подул слабый ветерок, и мы здорово поморозились, несмотря на толстый слой гусиного жира на лицах. Потом у меня везде облезла кожа и я пару лет не мог ходить зимой без рукавиц.

На платформе не было ни души. Мы бросились к кассе, где добрая билетерша выдала нам через окошко по стакану чая. Потом выдала по стакану кипятка с сахаром, потом – просто по стакану горячей воды. Но до поезда все равно надо было еще дожить. Тогда мы стали друг друга дубасить, чтобы хоть как-то согреться. Кузя заехал мне в нос, и на геологической рукавице, которой я вытер юшку, прямо на глазах выросли, как в криогенной камере, ярко-алые кристаллы гемоглобина. Тогда вспомнили про водку и попытались ее добыть. Ничего другого не оставалось, как разбить насквозь промерзшую бутылку о бетонный настил станции, и рассыпать ледяные осколки по кружкам. Это был тот самый случай, когда я действительно ел водку ложкой. Сперва в рот попадали кусочки льда, что было даже приятно, но потом они внезапно превращались в водку, что было совершенно омерзительно. Когда мы ввалились в подошедший поезд, пассажиры встретили нас как героев-папанинцев, спасшихся со льдины. Также встречали и тех немногих уцелевших, кто в клубах пара вваливался в двери на следующих остановках. Я до сих пор удивляюсь, как наши родители могли нас на такое отпустить. Я бы ни за что.

Ностальгия.

Недавно мы столкнулись в универмаге с Леной Шаденковой из нашей группы. В ходе болтовни про студенческие годы, Ленка, хохоча, говорила: «Когда я вижу по телевизору Кузю (он был тогда одним из авторов передачи «Диалоги о животных»), не могу поверить, что это тот самый человек, который на малом практикуме, на мою невинную просьбу дать ластик, отвечал: «А в рот тебе не плюнуть?»

Жертва медицины.

Примерно на моем втором курсе, Кля, который к тому времени поступил со второго раза на факультет почвоведения (в армию его не забрали потому, что он случайно познакомился в трамвае с начальником собственного райвоенкомата), внезапно заболел редкой болезнью – мононуклеозом, или лихорадкой Пфейффера. Болезнь эта не опасная, но противная, что-то вроде ангины. Ее еще называют «поцелуйная болезнь», потому что она передается через слюну. Долго не могли понять, что у него, пока вызванный наряд местной медицины вдруг не решил, что это тиф. Клю немедленно увезли на Соколиную гору, а квартиру залила лизолом какая-то зондеркоманда в масках, приехавшая на санитарной машине. Его привезли в бокс с тифозными больными и он понял, что если оттуда не вырвется, то это конец. Кля проник в туалет и бежал оттуда через форточку прямо в больничном халате. Так домой и приехал.

Консультасия.

Политэкономию социализма у нас вел низенький человечек, который не выговаривал половину букв, как логопед Ролана Быкова из фильма «По семейным обстоятельствам». Он производил впечатление сладко улыбающегося китайца, плохо говорящего по-русски. Вместо «социалистических стран» у него получались «сосиськи сраны». Так его за глаза и звали. Анвар Керимов рассказывал, что однажды все тот же политэконом попросил его однокурсника Сергея Барановского повесить на доске объявление о времени консультации. Барановский написал: «Консультасия по политэкономии состоится в цас».

Профессор П.В. Матекин.

Про профессора Петра Владимировича Матекина существует столько историй, что совершенно невозможно отделить правду от вымысла.

Легенда. Петр Владимирович однажды принимал экзамен по истории биологии. А человек он всегда был очень любвеобильный. Приходит к нему студентка, ну с очень красивыми ногами, и что-то отвечает. Матекин слушал, слушал, а потом говорит: «Ну ладно. А вот скажите, вы могли бы себе представить, что мы с вами совершенно одни плывем в океане на маленькой-маленькой лодочке?». Студентка чуть не подавилась, но, молодец, «могу», говорит. Матекин: «Пять баллов!». Другую студентку, он, говорят, заставил прыгать вокруг своего стола на одной ножке.

Еще легенда. Петр Владимирович решил как-то разнообразить скучную и веками отработанную процедуру экзамена. Придя к нему на экзамен, студенты не увидели на столе привычных билетов. Вместо этого на пустынном столе стоял аквариум. На недоуменные вопросы он раздраженно отвечал, что, мол, тянуть надо не время, а билет. Оказалось, что следует засучить рукав и достать со дна аквариума маленькую стеклянную пробирочку, заткнутую резиновой пробочкой. Таких пробирочек там лежало очень много. Достав мокрую пробирку и открыв ее, ошалевший студент вынимал оттуда маленькую бумажку, на которой был написан номер. Этот номер надо было сообщить профессору, который глядел в свой кондуит и, наконец, сообщал студенту, что же ему досталось.

Правда. Когда Петр Владимирович Матекин стал на какое-то время заведующим кафедрой гидробиологии, подвластный ему народ прозвал коридор на кафедре, ведущий к его кабинету, - «улицей самотечной». В аквариуме, который стоял в том же коридоре, долгое время висел пузырь из пластилина в форме головы заведующего, кем-то искусно слепленный, кажется Малицким с нашего курса. Голова быстро обросла водорослями и стала похожа не то на отрубленную Черномором, не то на голову профессора Доуэля.

Когда профессор Матекин читал у нас лекции по истории биологии, никто кроме нескольких отличников на них не ходил. Ближе к концу семестра он объявил, что вместо последней лекции будет зачет. В ББА пришел весь курс. Вышел Матекин, долго смотрел на нас, пока все не стихло, потом сказал: «Разрешите представиться, Петр Владимирович Матекин». И ушел.

Когда в 1984 сикхами было совершено убийство премьер-министра Индии Индиры Ганди, студентов согнали по традиции в «стекляшку» на митинг, где мы должны были демонстрировать единство и солидарность. Ну все, конечно, занимались кто-чем, играли в морской бой, кости и карты, читали детективы, рассказывали анекдоты, в общем, жили жизнью, не обращая внимания на выступавших профессоров. Когда очередь дошла до Матекина, он немедленно привлек внимание зала всего двумя фразами: «СССР и Индия – это два жутких мировых колосса», и «Само убийство Индиры Ганди показало, что...». После первой фразы шум стих и в зале воцарилась мертвая тишина. А после второй все стали недоуменно переспрашивать друг у друга: «Самоубийство? Как самоубийство??».

Дорога ослов.

Петр Владимирович горячо боролся с тем, что народ на биофак ходил по короткой дорожке через яблоневый садик, не желая огибать его по асфальту. Он и табличку там вешал «дорога ослов», и повесив пиджак на яблоню, лично вскапывал эту проклятую дорожку лопатой, как Ленин на субботнике, - все безуспешно. Народ был непобедим. Любопытно, что сейчас никто там не ходит. То ли времени у людей стало больше, то ли народ стал, наконец, правильным. Вот бы порадовался профессор.

Мы с Буяновским бьемся против взбесившихся сексуальных меньшинств.

Однажды мы с Буяновским решили сходить после стипендии в бар. Дело это по тем временам было непростое. Найти место удалось только в заведении, известном на московском юго-западе, как «Ракушка». Сооружение это, и правда, своей спирально закрученной в подземелье лестницей, напоминало не то раковину брюхоногого моллюска в разрезе, не то лабиринт Минотавра.

Попав туда, мы заказали себе по стакану, и начали мирно беседовать о жизни. Вдруг к нам подошел какой-то невнятный молодой человек и стал настойчиво приглашать нас на танец. На первое предложение мы с недоумением отказались, на повторное – просто послали его куда подальше. Обсудив явление, мы пришли к выводу, что это, видимо, педерасты. Значения мы этому не придали совершенно, поскольку в Москве их всегда было пруд пруди, особенно в банях, но в те времена они были смирные из-за соответствующей статьи уголовного кодекса.

Но мы ошиблись. Индивид вскоре подошел к нашему столику в третий раз, с совершенно таким же приятелем, и заявил, что нас будут ждать наверху для серьезного разговора.

Ну, долго ли, коротко ли, но выйти наружу нам пришлось. Снаружи, перед входом, нас действительно поджидала группа каких-то силуэтов. Мы с Буяновским встали спиной к стене и заняли круговую оборону. Первую атаку мы отбили в неожиданной легкостью, да так, что кое-кто из нападавших оказался на снегу. В это время к «Ракушке» подкатил какой-то лихой таксист и крикнул нам, чтобы мы быстрее прыгали к нему в машину. Отбросив в сторону еще парочку ретивых гомосексуалистов, мы так и сделали, поскольку нам совсем не улыбалась перспектива оказаться в кутузке за драку, да еще с таким контингентом.

Второкурсник.

С легким паром - 2.

Где-то на первом или втором курсе мой школьный приятель Стишов, который к тому времени женился на однокурснице, очень удачно, на мой взгляд, поселился на наемной квартире в расстоянии прямой видимости с моего балкона. Это переселение привело к постоянным кутежам, отдаленно напоминающим те, что случались в дни его рождений на «Водном стадионе». Поскольку Миша одновременно с женитьбой получил от бабушки колоссальную сумму, чуть ли не 4 тысячи рублей, то на эти деньги теперь все и гуляли.

Почти все мужское население класса, кроме меня, поступило на педагогический и они привели оттуда множество дам на все вкусы. Вскоре у Миши образовалась постоянная богемная тусовка с вечно открытой дверью, где происходила непрерывная ротация людей. Однажды (меня при этом не было) они вдруг решили в разгар очередной пьянки поехать в Ленинград, видимо вдохновленные всем известным фильмом Рязанова. Недолго думая, все кто был на это способен собрались, благо деньги еще не были пропиты, и улетели на самолете в Питер, криколов дамской булавкой спящему Грише Тертицкому на грудь лаконичную записку «Гриня, мы в Ленинграде», чтобы он не волновался.

Очнулись они только в городе на Неве перед Александрийским столпом, посреди площади. Обратно путешественники ехали из экономии уже в общем вагоне, но зато с полной авоськой винища. Самое интересное, что, насколько я помню канонический текст легенды, к моменту их возвращения Тертицкий еще спал. В другом варианте он уехал домой, так и не заметив, что к нему прикреплена записка. Впрочем, у него самого спросить не худо бы.

Гриня.

Бухара по-фински.

Деньги в те времена действительно чего-то стоили. Это можно понять хотя бы из того, что на бабушкино наследство Миша и его друзья долго ездили в разные уголки Советского Союза. Во многих подобных экспедициях я тоже

участвовал. Ездили мы обычно зимой по среднеазиатским республикам, где в это время зимовала всякая интересная птичность и было все же теплее, чем у нас. В этот раз нас поехало шестеро. Летели сперва до Самарканда, а потом на автобусах и попутках добирались до Нуратинского и Зааминского заповедников, находящихся в диких таджикских горах. Туда тогда мало кто добирался.

На демонстрации 1 мая. На плакате написано: «Повысим норму потребления алкоголя за счет скрытых резервов». Авторы плаката: Стишов (в шляпе и галстуке), Женечка Тригер, Ольга Жакова (смотрит в небо) и ее мужья – А. Вайнер (№1) и Юрик (№2). Эх, лихие студенческие годы...

Началось с того, что самолет, в котором летела куча иностранных туристов, по техническим причинам посадили в Бухаре. Пока испанские туристы пытались выяснить с моей помощью в местной лавке сколько стоит лепешка-чурек, финская группа времени не теряла и вскоре они явились в аэропорт совершенно на бровях и с бутылками водки в руках. Тут контроль аэропорта допустил стратегическую ошибку, отказавшись их пропускать с водкой в самолет. Финны, конечно же, водку не бросили и выпили ее прямо из горлышка перед турникетом. Дальше всех их в совершенно нетранспортабельном состоянии пришлось грузить, как мешки с мукой, все тем же контролерам вместе с многострадальным гидом.

Увидеть Фариж.

По пути в Нуратинский заповедник мы, чтобы не замерзнуть, ночевали в виде «сэндвич-структур» между матрацами в какой-то гостинице. Зимой в Средней Азии в общественных заведениях никогда не топят и поэтому жутко холодно даже при температуре в +10 градусов. Вскоре мы попали в таджикский городок под названием Фариж. Своеобразие его заключалось не только в названии, но и твердости цен на любые продукты. Плов на базаре, бутылка портвейна, номер в гостинице, билет в кино, - все стоило рубль.

На этом чудеса не кончились. Мы зашли в совершенно пустой и холодный ресторан. Немедленно без вопросов была подан роскошный дастрахан, напоминающий знаменитый поднос с фруктами из «Кавказской пленницы». Юрик Андреев, который был у нас казначеем, пришел в ужас, и пытался сказать, что мы ничего этого не заказывали, но официант с хитрой улыбкой стал подмигивать и делать нам какие-то знаки, и тут занавес поднялся и на сцену вышел на вид совершенно московский ансамбль с солисткой, которая спела для нас одних песню «А ты такой холодный, как айсберг в океане».

Насмерть перепуганный Юрик заставил-таки официанта принести нам счет. В счете стояло, если память мне не изменяет, 9 рублей. Юрик, который был готов к гораздо худшему, облегченно отдал ему десятку. Но проклятый официант, видимо издеваясь над нами, вместо одного принес нам 3 рубля сдачи. Мы позорно бежали из этого страшного ресторана, сопровождаемые по пятам официантом, который кричал нам вслед, чтобы мы приходили еще.

Испытание гостеприимством.

В самой усадьбе заповедника мы как снег на голову свалились единственному сотруднику Володе, который просто ошалел от радости, что снова видит белых людей. Еще больше обрадовались местные жители, которые вообще никогда не видели людей из самой Москвы. Дальше мы просто пошли по рукам. Напрасно мы пытались робко отпроситься в горы. Нам говорили, что это очень опасно, и устраивали в нашу честь пиры. И так каждый день. Из подвалов доставались ящики водки, дымились горы плова, забивались чуть ли не стада баранов. Мы уже потеряли счет времени и плохо понимали, где находимся.

Стишов в азиатских горах.

Помню в какой-то момент я осознал, что стою во главе стола, почему-то в полковничьем кителе, и говорю тост на английском языке.

В конце концов, когда остался неохваченным один лишь старый Муса-ака, живущий в соседнем ауле, мы не выдержали и рано утром, при свете звезд, бежали в горы. Причем, поскольку по данным разведки (Володи), проклятый Муса-ака уже с вечера сидел на перевале и сторожил нас, пришлось сделать изрядный крюк, чтобы его обойти.

В другой раз наша компания отправилась в Сюнт-Хасардагский заповедник, в Туркмению. Дело было бесснежной азиатской зимой. Пришлось мне, как обычно, одному всех догонять. Ехал я долго, сперва самолетом до Красноводска, а потом поездом до Кзыл-Арвата, и еще на попутках. В Красноводске у меня кончились деньги и я продал на местном базаре свою зажигалку за 3 рубля, чего как-раз хватило на плацкартный билет. Когда я наконец добрался, все уже собирались обратно. Осталась со мной, чтобы я не скучал, Ирка Цыганова. А как уже было сказано, в Средней Азии гостеприимство развито, пожалуй, в еще более страшных масштабах, чем на Кавказе.

Жили мы с ней примерно так. После целого дня блужданий в горах с биноклями в поисках птиц, дикобразов и прочих обитателей, мы просто спускались в какой-нибудь запримеченный сверху аул. Там надо было выйти на центральный майдан, и немного подождать. Вскоре подходил кто-то из селян и

на очень ломанном русском (языка в горах почти никто не знал) спрашивал: «Москва? Кушать-спать надо? Пойдем». Каких только экзотических блюд мы там не отведали. Запомнилось, например, варенье из моркови и грецких орехов. Гранаты и грецкие орехи там и, правда, росли везде. Листья под грецкими орехами лежали толстым слоем. Летом, подсохнув, они гремят, как жесть, особенно, когда по ним скачут вспугнутые жирные желтопузики (крупные безногие ящерицы, напоминающие змей).

Спать обычно укладывали на высоких стопках одеял, уложенных на пол. Чем почетнее гость, тем выше гора одеял. Вопросы обычно задавались одни и те же. Например, сколько денег надо, чтобы поехать в Москву. Дальше нашей задачей было только вовремя выпутаться из цепких объятий гостеприимства. Иногда удавалось, иногда – не очень. Как-то пришлось участвовать в охоте на кекликов верхом на ишаках, вместе с хозяином. Очень неудобное животное (я про ишака). Сидеть на нем это все равно, что плыть верхом на бочке.

Наглядная агитация.

В Кара-Кале праздник 1-го мая в те времена отмечался очень серьезно. Напоминал он карнавал на среднеазиатский манер. Каждое городское учреждение ехало на отдельном грузовике и должно было наглядно и, я бы сказал, предметно демонстрировать свою деятельность. Сотрудники Всесоюзного серпентария (станции по отлову змей) ничего другого не придумали, как ехать в открытом кузове, держа в каждой руке по гюрзе или кобре. Народ был в восторге.

Туркменский гамбит.

С Иркой мы в ту поездку еще не раз попадали в разные истории, но непревзойденным осталось наше участие в великом шахматном турнире. Из Кара-Калы мы возвращались на автобусе, набитом местными спортсменами-любителями, которые ехали в Кзыл-Арват отстаивать честь каракалинского района. Не знаю как это получилось, но пока мы ехали, их тренер уговорил Ирку принять участие в шахматном турнире вместо заболевшей декханки. Впрочем, Ирка, будучи эффектной блондинкой, в Азии никого не оставляла равнодушным, и к ней без конца клеились местные моджахеды, к чему я привык. Пикантность ситуации заключалась в том, что Ирка, как и Великий комбинатор, играла в шахматы второй раз в жизни.

Первую партию она сыграла за несколько минут до начала турнира в доме нашего тренера. Через час после начала партии с чемпионкой Кзыл-Арватского района она довольно уверенно выигрывала, чем повергла нас с тренером в полный шок, однако вскоре перепутала ферзя с пешкой и деморализованная чемпионка все же со скрипом спасла положение.

После такого сногсшибательного успеха я не смог ничего возразить, когда мне предложили бороться за кара-калинский район в какой-то хитрой местной борьбе. Правила тоже остались за кадром, и когда до меня дошла очередь я

Под Самаркандом (1982).

просто решил, не мудрствуя лукаво, повалить противника, дернув его за пояс, которыми нас обвязали. Противник повалился как сноп, все завопили, и оказалось, что я проиграл. В общем, не помогли мы Кара-Калинскому району. Ну и ладно. Главное не победа, а участие.

Ловля на живца.

Обратно наш путь из Азии был тернист, но совершенно бесплатен, благодаря уже упомянутым Иркиным достоинствам. Обычно она охмуряла очередного восточного человека, а я выполнял роль как бы мужа, хотя прямых вопросов о степени родственности наших отношений старался избегать. Такая тактика была абсолютно безопасна. Нас кормили, поили и даже безропотно покупали билеты самые разные люди, пока мы не попали на паром Красноводск-Баку.

Ирка Цыганова (в центре с ложкой) кашеварит на одном из выездов. Слева стоят О.Жакова (ест в шляпе) и Женька Тригер. Справа – Григ. Остальных дам я не помню.

Тут наша коса чуть не нашла на камень, поскольку мы попали в лапы жуковатых азербайджанских парней с масляными глазами и в одинаковых кепках. Когда я появлялся в ресторане, где они сидели с Иркой, мне тут же покупалась очередная бутылка шампанского, что выводило меня из строя еще на какое-то время.

В конце концов я вовсе перестал выходить из каюты, куда гонец приносил все что нужно. Путешествие на пароме я поэтому провел замечательно, хотя и плохо его помню. Выигранное время азербайджанцы использовали, пытаясь добиться своего, но Ирка, памятуя мои инструкции, а также из инстинкта самосохранения, упорно отклоняла все предложения азербайджанских молодцов выйти из ресторана погулять.

Ближе к Баку страсти стали было накаляться, но ситуацию разрядил какой-то авторитетный местный человек, который ехал по делам в Москву. Он что-то тихо сказал бурлившим от страстей парням и они мгновенно испарились. Он же потом и кормил нас в поезде до самой Москвы.

Лапландский отшельник.

После 3-го курса следовало собирать материал для курсовой, и я поехал на Кольский полуостров, в Лапландию, изучать сероголовую гаичку (это такая синичка). Со мной за компанию поехал мой старший товарищ с кафедры высшей нервной деятельности Андрей Вехов. Бедный Андрей собирался

провести романтическое лето в неведомой Лапландии, а я устроил ему жуткую бессонную и полуголодную жизнь с подъемами в 3 утра, и каторжной работой. В конце-концов он не выдержал и сбежал.

«Напоминая прошлогодний картофель, мелькнул в трамвае знакомый профиль...» (в лапландской избушке, фото М.Козлова, 1980).

Я остался один. Избушка, в которой я обитал на кордоне заповедника, наполовину вывесилась над подмытом озером высоком берегу и жить в ней поэтому кроме меня никто не хотел. За продуктами я ездил раз в неделю на автобусе в Мончегорск, за 40 километров. Питался такой дрянью, что сейчас меня от одного ее вида скрутило бы. Поскольку не было даже электрической плитки, готовить я сперва пытался на допотопном керогазе, а потом на костре. В конце-концов для экономии времени стал питаться одними бутербродами с фасолевым пюре. Иногда пил чай, для чего приходилось целый час топить найденный на свалке самовар сосновыми шишками. Спал тоже кое-как. От бессонницы мне однажды даже привиделся великан.

В середине лета приехал энтомолог Миша Козлов из Ленинграда, специалист по первичным зубатым молям (они правда так называются). Миша пришел в ужас от моего образа жизни и взял все в свои руки. Мы стали завтракать, обедать и даже ужинать, а еще стирать белье и подметать пол.

Пожары.

В те времена студентов, которые делали курсовые или дипломы в заповедниках, обычно устраивали на сезонные ставки пожарных сторожей. Это давало им средства на пропитание и ни к чему не обязывало. Но в Лапландии мне пришлось побыть в шкуре пожарного. Однажды дверь в мою избенку распахнулась и вошел замдиректора Паракецов. «Ты у нас кто по штатному

расписанию?». «Сторож». «Правильно. А какой?». «Пожарный». «Вот именно. Настал твой звездный час. Заповедник горит. 10 минут на сборы».

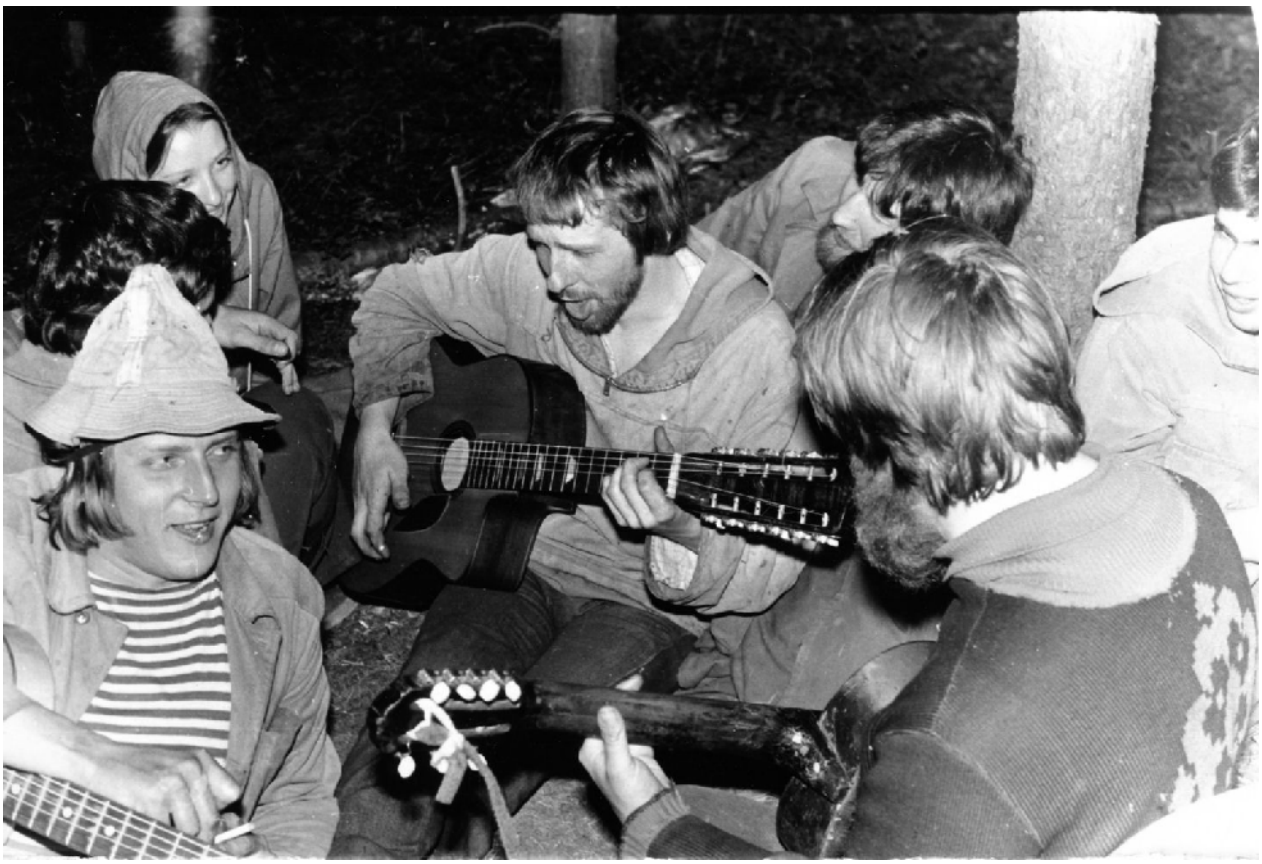
Тундра горела уже по обе стороны шоссе Мурманск-Ленинград и его перекрыли. Нас выбросили с ранцевыми опрыскивателями прямо с вертолета, как парашютистов. Толку от нас, правда, было немного. Залитый водой огонь тут же снова весело разгорался. Огонь остановил только привезенный из Мончегорска отряд проституток с лопатами. Их выселили туда из Москвы на время олимпиады-80. Девицы, как в 1941-ом под Москвой, вырыли траншеи и остановили продвижение стихии. Но все погубили грузины из стройотряда. Их зачем-то тоже бросили на борьбу с огнем, уже когда он почти потух. Грузинам показалось обидным, что их обставили какие-то женщины легкого поведения, и они решили устроить встречный пал, но не учли, что ветер был в другую сторону. В результате пожар запылал по новой.

Выезды.

В школьные и студенческие годы, да и много после, мы любили ездить в леса на так называемые «выезды». Пошла эта традиция с кружков, вроде КЮБЗа (клуб юных биологов зоопарка) или МОИП (московское общество испытателей природы). Выезд – это не просто слово, а термин, который подразумевал для посвященных жизнь такого околобиологического молодняка в лесу в течение нескольких дней, сидение у костра, пение песен под гитару, питье спирта, и все такое прочее. В общем, свободная жизнь без взрослых. В более зрелом возрасте – жизнь без семей, хотя многие ездили с детьми, собаками и даже с женами.

Царили свободные нравы. Приехать с основным контингентом могли люди совершенно незнакомые. Случались выезды обычно на какие-нибудь праздники, Новый год, 7-ое ноября, или на майские, в места заранее всем известные. До некоторых из них надо было добираться на электричках и по узкоколейкам целый день. «Группа захвата» - из старших – выезжала обычно на день раньше основной массы нахлебников - «бандерлогов», и с топорами и пилами заготавливала дрова и делала навес. Потом приезжали все остальные и начиналась развеселая жизнь. Собиралось обычно несколько десятков человек. Ночами обычно гуляли. Гитары и железные кружки с разведенным спиртом переходили из рук в руки, пока все это сборище не засыпало, причем под одним спальником могли оказаться совершенно незнакомые люди. К вечеру следующего дня веселье начиналось заново. Бывали и танцы в сорокоградусные морозы у партизанских костров, и регби в снегу по пояс, да и чего только не было.

В одно такое утро, когда проснувшийся народ радовался жизни, наш общий друг физтеховец Веня, глядя на огонь глубокомысленно заметил: «Странно. Вот мы тут так веселимся, а между тем сами на 70% состоим из воды».



Григ (крайний слева) на выезде.

На другом выезде, с утра долго не могли отыскать нужное количество ложек, чтобы хоть как-то позавтракать или пообедать. В результате было выдано по одной ложке на троих, на что Женя Григорьев («Григ») мрачно сказал: «Дожились. Как в гражданскую войну. Одна винтовка на роту».

Москва - Петушки.

Однажды Новый год я провел на одном из таких выездов, где-то в подмосковном лесу, а наутро, 1 января, собирался вернуться в город, чтобы продолжать праздник со школьными друзьями. В электричке я заснул. Но отправили меня, сгоряча, не в ту сторону. Проснулся я от яркого солнца. Под головой у меня лежал рюкзак и я вольно спал на скамейке, тогда как вокруг яблоку некуда было упасть – всюду плотно, плечо к плечу, сидели люди и молча смотрели на меня. Известно, народ наш к пьяным относится скорее как к юродивым и многое им прощает. «Проснулся, милок? - участливо спросила меня какая-то старушка. - Вот и хорошо, скоро уж Петушки». «Какие Петушки?». «А наши, милок, обычные. Конечная, значит». «Бабушка, так мне в Москву надо!». «Дак и поедешь, милок, поедешь, тока сперва в Петушки, а потом уж в Москву. Все наши так и ездят». Пораженный этой странной географией, я не нашелся, что сказать и снова заснул. В Петушках толпа схлынула и я остался совершенно один на пустом перроне, чем сразу вызвал подозрение у молоденького сержанта милиции.

Милиция наша не любит двух противоположных вещей: скоплений народа и отдельно стоящих граждан. Сержант поинтересовался куда я еду. «В Москву». «Так вы же только что оттуда приехали». «Ну да, транзитом еду, через Петушки. Тут все так ездят». Тут уже сержант не нашелся, что сказать.

А с перрона говорят...

Наш, ныне уже, к сожалению, покойный приятель Боб Медведовский, выпускник кафедры физиологии животных, как-то ехал из гостей домой. Выпил он изрядно, в метро его сморило и он заснул. Разбудило его объявление: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция Рижская». И Боб увидел, как перед ним закрылись двери вагона. Хорошо, подумал Боб, скоро выходить. И снова заснул. Проснулся он опять от объявления: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция Рижская». Двери снова закрылись и вагон отправился. Боб почуял неладное и попытался больше не спать. Но снова заснул. Когда же его в третий раз разбудило все то же объявление, Боб понял, что дело плохо и страшным усилием воли собрал все свое понимание в кулак.

Оказалось, что он сидит на скамейке на перроне станции «Проспект Мира», перед ним останавливаются поезда, объявляют остановки и уезжают дальше. Такая вот относительность движения.

«Папа Карло» с дамой, и Боб Медведовский в снежном лесу.

Поход на Восток.

Перед 5-ым курсом я вдруг обнаружил, что пока я, как сорная курица, копался в Звенигороде, собирая материал по своим синичкам, мои однокурсники объездили за государственный счет полстраны. Обидно мне это

стало, и я оформил себе на август командировку со сложным маршрутом через Саяны, Алтай, Байкал и Приморье. Тема, по которой я оформил командировку, по-моему, называлась «Фотосинтетическое использование солнечной энергии» или как-то похоже.

Путешествие это привело меня сперва на Западные Саяны. Там я прошел «100 верст по реке» Усе до ее впадения в Енисей. Почти как в известном рассказе А.Грина. Шел я три дня и ночевал в тайге, причем никто мне не давал и полшанса на то, что я дойду до Енисея. Дороги не знал, что ел не помню. Один раз меня захватили в плен люди на лошадях, оказавшиеся пастухами. В другой раз меня напугал медведь. Наконец я дошел до большой реки и стал кричать во все горло, как учили. Долгое время никто не приезжал, пока наконец со стороны другого берега не показалась казанка с двумя местными. Меня подобрали и отвезли на кордон института Леса, ниже по реке. Там я долго жил с двумя томскими орнитологами, питаясь только мясом марала и солью. Ни хлеба, ни даже картошки у нас не было. Чая и сахара, впрочем, тоже. С тех пор я не люблю обилия мяса. На обратном пути марал кончился и скудность рациона дошла до пяти рябчиков на человека в день.

Следующим витком спирали оказалась поездка на Байкал, где я неожиданно встретился на горной тропе с Иркой Цигановой и Анькой Присяжной - женой Стишова. Из Байкальска на Иркутск билетов не было и мне пришлось ехать на багажной полке.

В Приморье все время нервировали тигры, которые орали в лесу, как ревуны, и змеи-щитомордники, бесперечь переползавшие тропу и с грохотом падавшие вниз по склону. Возвращался я из Тернея на корабле «Любовь Орлова» в ужасную бурю. Как потом выяснилось, это был корабль близкого приятеля моего отца, Довбыша. О его сыне я еще расскажу. Когда мы под утро вошли во владивостокскую бухту Золотой Рог, качка наконец успокоилась и вышло солнце. На верхней палубе лежали студенты и пели под гитару: «Для женщины не нужен нож, ты ей немного подпоешь, потом с три короба наврешь, потом покажешь медный грош, и делай с ней что хошь» [6].

Через моего приятеля Клю я к концу пятого курса перезнакомился со всеми почвоведками из его группы. Одна из них, Ольга, впоследствии стала моей второй (по счету) женой. На какой-то Лешин день рождения, который почему-то отмечался у меня дома, она со своей подружкой, Ольгой Гурьяновой, составила толковый словарь словообразований от прозвища «Кля». Словарь девиц мне так понравился, что я запомнил из него несколько сентенций. «Клевый» - любой предмет, принадлежащий Кле, «уключина» - женщина, домогающаяся Кли, «проклятие» - тост во здравие Кли, «приключение» - случай с Клей, «поклевка» - мальчишник перед свадьбой Кли, «кляуза» - река, открытая Клей, ну и так далее.

[6] Недавно я услышал, что в октябре 2010 этот злосчастный корабль был арестован и продан с аукциона за долги экипажу в одном из канадских портов.

Криминальное чтиво.

На первом курсе мы жили в нашей квартире коммуной, состоящей из меня, моей бабушки, Ромы Погосяна («Старик Ромуальдыч») из Тбилиси, Кости Ширяева («Кот») из Обнинска, и Нади из Харькова. Потом вернулись мои родители с Кубы и квартиранты исчезли. Однако Ромуальдыч осел в нашем доме, снимая квартиру у знакомой дамы с факультета вычислительной математики с 6-го этажа. Мы не прерывали с ним дружбы до самого конца, пока он со своей женой не уехал на ПМЖ в Австралию. Ромуальду регулярно присылали из Грузии фрукты и вино, которое мы не задумываясь выпивали. Летом мы любили сидеть, задрав ноги на подоконник, пить кахетинское вино и бросать во двор корки от арбузов.

В мае, перед окончанием университета вышла глупейшая история, которая чуть не поставила крест на моем (и Ромуальдовом) будущем. Дело было так. Я мирно писал на своем 12-ом этаже диплом, как вдруг около часа ночи зазвонил телефон. Родители спали. Ромуальдыч довольно часто звонил мне и звал на дружеские пирушки к себе на 6-ой, но на этот раз все пошло не так. Я спустился в одних тапочках к нему на этаж, а дальше, что называется, понеслось. Хозяйка у Ромуальдыча была, хоть и математичка с ребенком, но дама бедовая, и частенько закладывала за воротник со своими подружками, да и Ромуальдыч был не святой. В общем, где-то к третьему часу ночи у нас все кончилось, а по тем временам достать что-то можно было только у таксистов.

Мы с Ромуальдом вышли на добычу. Причем я был одет в чью-то шинель и домашние тапочки, а Рома в полосатую детскую шубу на искусственном меху, наброшенную на голое тело. В совершенно пустынном ночном дворе мы увидели новенькие «Жигули» с открытым стеклом. Тут Ромуальд возьми и скажи: «А давай отгоним их на соседнюю стоянку, а потом покатаемся». Я сдуру согласился. Ромуальдыч сел за руль, а я стал толкать его под уклон.

Не успели мы докатиться накатом до дороги, как нас тепленьких и взяли. Как потом оказалось, в районе ловили злостных угонщиков машин, причем по приметам в банде проходили русский студент и армянин. Отвезли в наше родное 116-ое отделение и стали допрашивать. Как соучастников, нас расселили по разным камерам и отобрали очки, чтобы не покончили жизнь суицидом. И так настроение швах, да еще и не видно ничего. К тому же, милицьонеры не давали позвонить родным, которые были в полном неведении почти двое суток. Представьте себе, что ваш сын еще накануне вечером сидел за письменным столом и писал диплом, как вдруг он буквально испарился без всяких к тому объяснений.

Все эти дни нас с Ромуальдом порознь водили на допросы к «доброму» и «злому» следователю и пытались психологически сломать, добившись нужных показаний. Наконец, мне разрешили позвонить домой. Медленно, со скрипом, начала раскручиваться московская машина друзей и знакомых. Папа добрался до министра внутренних дел и все понемногу начало выправляться. Но я ничего этого не знал и готовился к тюрьме. В моей КПЗ (камере предварительного заключения) всем заправлял бывалый уголовник, вор-рецидивист дядя Саша.

Дядя Саша жалел нас. Лежа на нарах, он добродушно наставлял меня и еще одного студента МХТИ, попавшего на нары за драку. Мы уже знали от него и свою статью и срок, и то, что на четвертый день нас должны были или освободить, или перевести в Бутырку.

В последнюю ночь никто из нас не спал. Нескольких уже увезли в тюрьму. Но меня так и не взяли. Под утро я забылся неверным, колеблющимся сном. Наконец, на рассвете со скрипом отворилась калитка и мрачный тюремщик приказал мне собираться с вещами на выход. Трясущимися руками я стал собирать вещички. Но опытный дядя Саша сказал мне: «Не суетись. На волю идешь». И быстро сунул мне записку. Я не поверил, но так и оказалось.

На выходе меня ждал отец. До защиты диплома оставалось 7 дней. Казалось бы все хорошо, что хорошо кончается, но русский народ особенно неприятен тем, что непредсказуем. Как потом выяснилось, начальник следственного отдела, у которого забирали наше дело, был в плохих отношениях с райпрокуратурой, и в пику ей, уже после того как дело было закрыто за отсутствием состава преступления, взял, да из вредности отослал весь том толстенного (уже закрытого) дела на биофак, по месту учебы.

По счастью, пришел этот том в нашу канцелярию уже после защиты диплома. Поэтому, как ни хотел ныне покойный декан Михаил Викторович Гусев «исключить» меня «немедленно», сделать это было уже никак невозможно. Был еще такой замдекана с самой распространенной русской фамилией (но обойдемся без фамилий), который мог бы не доводить этого до декана, но решил, для своей пользы, навредить моему отцу, и донес. А зря. Потом ему это дорого обошлось. Но репутация моя была испорчена, если не на века, то на годы.

Несмотря на блестящую защиту диплома, на кафедре я, и так не будучи известен как ангел, прослыл уголовником и мой научный руководитель профессор Игорь Александрович Шилов перестал со мной здороваться. Да и не он один. На моей новой кафедре, федоровской гидробиологии, куда мне удалось устроится только благодаря приятельству отца с В.Д., мой новый шеф, Тагир Габдулнурович Гильманов, встречаясь с ним в «десятке» (они были знакомы), кривил физиономию и скептически ухмылялся. Справедливости ради скажу, что спустя два года он изменил свое мнение на противоположное и даже извинился перед отцом. Часто мне за свою жизнь приходилось все начинать с минуса и мучительно исправлять его на плюс...

Вот и вся история.

Сидя на нарах в 116-м отделении я неожиданно для самого себя написал сигаретным угольком на стене такие декадентские стихи:

«Разбей холодный дым
Своих бездушных грез,
Наполни два бокала
вином из сладких слез,
Открой тихонько двери
в ночную темь и тишь,

на пальцах свет от лампы,
укрой же их, малыш.
И в колпаке фригийском
взойди на пьедестал,
В руке спрячь серебристый,
отравленный кинжал»

* * *

Мой отец столько раз выручал меня из критических ситуаций[7], что мне иногда кажется, это он и был моим земным ангелом-хранителем. После того как его не стало, я не раз, по неискоренимому свойству своего характера, снова попадал в истории, но мне не переставало казаться, что он продолжает стоять у меня на плечами и, по-прежнему, хранит меня от бед. Спасибо тебе, кто бы ты ни был.

Чарльс.

Среди моих однокурсников Чарльс Коллодиев был уникален. Крепкий, спортивный парень с внешностью супермена западных боевиков, он нравился женщинам и обладал каким-то магнетизмом героя комиксов. Было в нем что-то и от римского центуриона. Улыбка, сила и ирония заведомого победителя ставили в тупик всех, кто пытался его классифицировать. Загадка была уже в его, прямо скажем, необычном имени, и существовании без комсомольского билета. В наши времена существовать без этого билета строго воспрещалось.

Я неожиданно оказался с ним на университетских курсах по вождению, попасть куда можно было в те времена по невероятному блату. Сказать хотя бы, что в нашей ДОСААФовской группе вместе с нами занимались наша замдекана по учебной части Нина Николаевна Орлова и проректор Гапочка. Наверное, у него (Чарльса) тоже был какой-то блат, но никаких следов этого так выявить и не удалось, что придавало ему перманентный налет загадочности. С Чарльсом я не могу сказать, чтобы дружил (можно ли всерьез дружить со львом из зоопарка), но старался с ним побольше общаться и изучать. Мне он был интересен.

Примером того, что такое был Чарльс, может служить такой эпизод. Когда на 3 курсе у меня в Звенигороде случилась первая любовь, Чарльс, который постоянно торчал на 2-ом этаже в фотолаборатории, завидя нас, идущих в беспамятстве рука об руку в сторону пойменных лугов, кричал сверху: «Главное выберите место посуше и не сучите ногами!», и хохотал. Но я не обижался.

Перед защитой курсовой прошел слух, что у Чарльса, который все лето работал с гекконами в Каракумах, никакого материала нет. Поскольку народ его, мягко говоря, недолюбливал, все собрались в радостном предвкушении экзекуции. В большом практикуме яблоку некуда было упасть. Пришли даже люди с других кафедр. И вот вышел Чарльс и сделал блестящий доклад.

[7] Это была третья точка бифуркации.

Повисло недоуменное молчание. Потом вышел известный герпетолог Борис Дмитриевич Васильев, его научный руководитель, и вежливо и мягко, в характерной для него негромкой манере, объяснил всем, что Чарльс работал в пустыне три дня, за это время поймал и окольцевал 3-х (прописью: «трех») гекконов, и из этого, собственно, и вывел все свои заключения. Например, такое, что изучаемая популяция состоит на 66% из самок и на 33% из самцов (среди 3-х пойманных им гекконов две оказались самками, а одна самцом).

После этого началась форменная буря. Геннадий Николаевич Симкин, который был рецензентом курсовой, кричал, что таких как Чарльс нельзя подпускать к науке «на пушечный выстрел», требовал его выгнать, ну и так далее. Чарльс все это спокойно выслушал и в хорошо поставленной ответной речи, глядя всем в глаза, заявил, что с его точки зрения к науке не стоит подпускать как раз всех присутствующих, а он-де только берет с них пример. Ну, натурально, скандал. Чарльсу ставят двойку за курсовую, что само по себе из ряда вон, но его и это не проняло. Закончил себе университет, как ни в чем ни бывало. А посмотреть на ту защиту все же стоило. Поучиться было чему.

Это его свойство не поддаваться никаким внешним воздействиям неожиданно всплыло много лет спустя. В середине 90-х Кузя как-то принес газету, где было описано, как в Ярославле предприниматель, основавший ветеринарную клинику, сумел отбиться от рэкетиров, не прибегая ни к чьей помощи. Это был, конечно же, Чарльс. Судя по статье, он просто заговорил пришедших к нему за деньгами бандитов до такого остолбенения, что они оставили его в покое, видимо, причислив Чарльса к лику опасных городских сумасшедших. Я им сочувствую.

На зимней практике кафедры зоологии позвоночных. Вместе с Катей Рябенко и Наташей Бондаревой (верхний снимок); с Аркадием Савинецким и Петей Афониным (нижний) на дюнах Репетекского заповедника (Туркмения, январь 1982).

«Это будет почище, чем в Монте-Карло».

На 5-ом курсе у нас началось повальное увлечение игрой в покер. Играли почему-то в дипломке на кафедре зоологии беспозвоночных, причем исключительно на деньги. В разгар этого увлечения люди сменяли друг друга около стола весь день до глубокой ночи, как в казино. Вокруг кто-то (видимо, те кто уже все проиграл) еще умудрялись заниматься своими дипломами. Местное кафедральное начальство смотрело на это безобразие сквозь пальцы, во-первых, потому что мы уже были пятикурсниками, т.е. без пяти минут вольными людьми, а во-вторых, потому что оно (начальство) было либеральное. Случалось, что проигрывали большие деньги.

Как-то раз я умудрился проиграть одну нынешнюю и две будущих стипендии и готов был пойти и утопиться в Москве-реке. Но товарищи не могли такого допустить и мне зачли долг за один поход в «Шанхай». В другой раз наоборот, я всех обчистил на 200 с лишним рублей, но поскольку таких денег никто и в руках-то не держал, мне выдали три рубля, налили портвейна и посоветовали не горячиться. К вечеру, для успокоения нервов игроков, частенько разводили спирт. Азартный Стрелков, если ему не шла карта, выскакивал из-за стола и прищемлял себе руку дверью. Под потолком висел табачный дым и крепкая терминология, понятная только посвященным.

Зашедший как-то на огонек Владимир Васильевич Малахов (тогда он работал в институте биологии развития, а сейчас заведует этой кафедрой)

постоял и вышел, сказав хрестоматийную фразу из «Похождений бравого солдата Швейка»: «М-да, это, пожалуй, будет почище, чем в Монте-Карло».

Кузя и ЗБС.

Первые годы после окончания биофака я каждое лето работал на биостанции. Зная об этом, ко мне частенько наезжали друзья-приятели. Однако ни у кого с ЗБС не складывались отношения так сложно, как у Кузи. Можно сказать, что ЗБС таки сгубила, в конце-концов, кузину научную карьеру.

Вдумчивый исследователь кузиной жизни, или биограф, мог бы проследить всю эволюцию падения Кузи под действием этой загадочной силы. Началось все еще в студенческие годы, когда дежурные вынесли как-то спящего Кузю из общаги прямо на кровати под знаменитый дуб, под которым проходили студенческие «линейки». Говорят, тогдашний начальник практики, профессор Игорь Александрович Шилов, был очень недоволен, поскольку проснувшийся Кузя отказался уходить оттуда самостоятельно и требовал, чтобы дежурные вернули его на место.

Кузя сперва был оставлен на кафедре у внука железного Феликса – Феликса Яновича Дзержинского, что являлось тогда большим жизненным успехом. Был он тогда еще на хорошем счету. В качестве полноправного лаборанта Кузя стал ездить на практику ЗБС, где мы с ним снова и повстречались на свою беду.

Вскоре кузин образ жизни, а именно беспрерывное разведение кафедральных запасов спирта, а также (почему-то) безобидная игра в пинг-понг, стали широко обсуждаться в народе. Анна Николаевна Солдатова, жена профессора Шилова, как главная выразительница общественного мнения и хранительница моральных устоев биостанции, выражалась так: «Ну, конечно, а что же вы хотите: мать скульптор, 100 метров квартира, безотцовщина, целый день играет в бадминтон (так, причем с ударением на первый слог, Анна Николаевна почему-то называла настольный теннис), одним словом, богема!».

Кончилось тем, что Кузю официально отлучили от ЗБС, запретив ему туда приезжать. Но, однажды в июле, Кузя неожиданно снова приехал, и не один. Как потом выяснилось, лучше бы он этого не делал. Вместе с ним высадился десант в составе Леши Макарова, Мазина, Мишани Чураева, и девицы по имени Нюся, которую они подцепили где-то в гостях.

Дальше все пошло по нарастающей. Хитрый Мазин, почуяв жареное, быстро растворился в толпе. Зато все остальные, будучи в алкогольном угаре, просто затерроризировали население биостанции. Особо отличился Леша Макаров, который проломил теннисный стол ракеткой, начисто выбил дверь в мою комнату, а также ворвался в женское общежитие, где был облит помоями.

Кузя тоже не отставал, вломившись, кажется, в энтомологический домик, где жили молодые лаборантки. Одна из них впоследствии и стала его женой. Наутро, когда дым рассеялся и испуганные обитатели биостанции осторожно вылезли на свет, общественное мнение гневно загудело, как улей. Анна Николаевна говорила не переставая и собирала толпы слушателей, украшая наши вчерашние похождения все новыми душераздирающими подробностями.

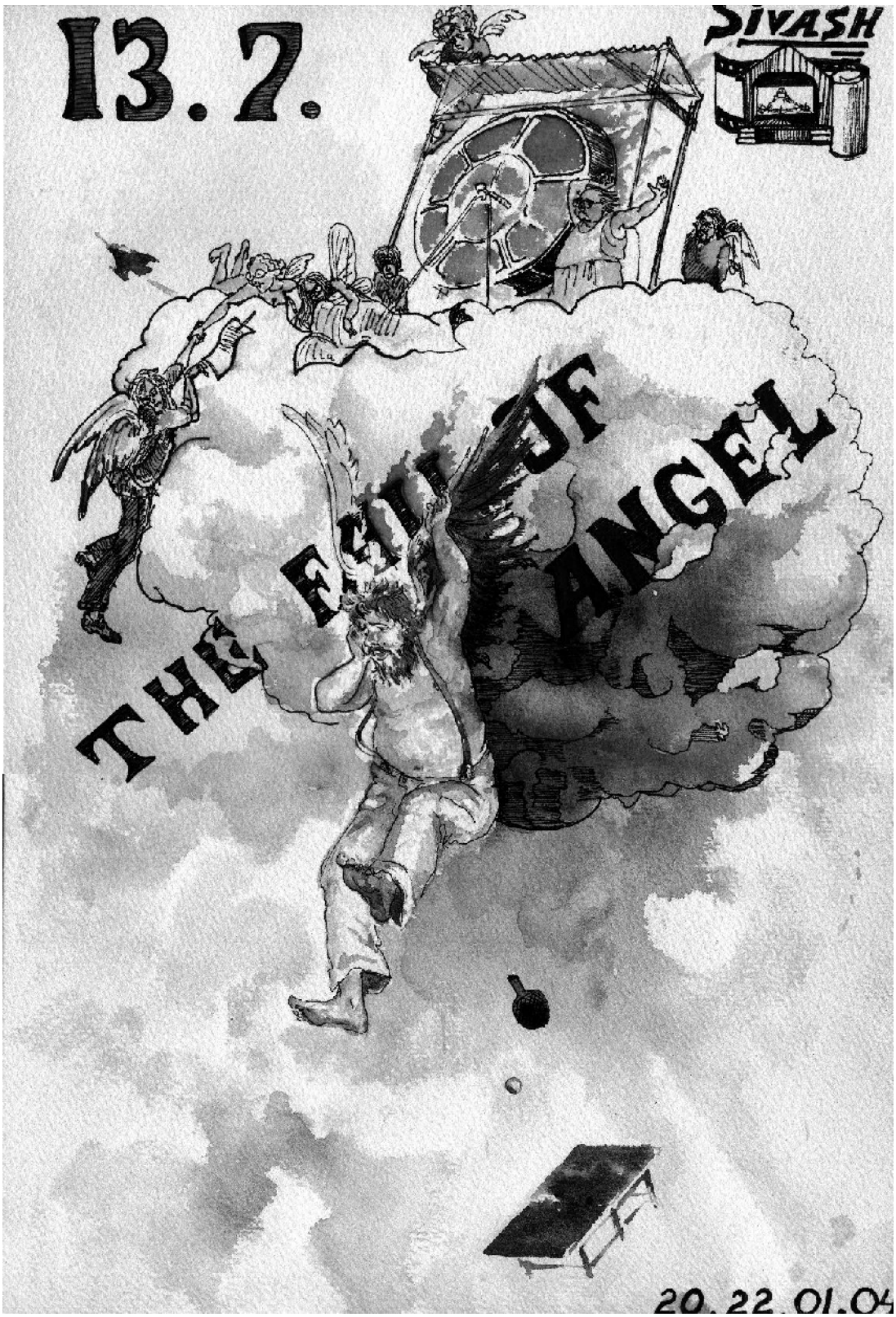
На стол начальника практики, как осенние листья, полетели докладные. Самой живописной из них была докладная записка от Елены Дмитриевны Вальтер с кафедры зоологии беспозвоночных, которая имела несчастье быть моей соседкой по домику. Вальтер за ночь перенесла несколько насильных вторжений, поскольку мои приятели часто путали наши двери и вламывались к ней, вырывая дверь вместе с замком.

На «линейке», проходившей в этот день при невиданном аншлаге, Шилов, ежесекундно прерываемый проносившимися над нами сверхзвуковыми истребителями с соседнего кубинского аэродрома, как в книге «451 градус по Фаренгейту», сделал официальное заявление. Оно напоминало сводку с театра военных действий: «Вчера на биостанции группой наших бывших выпускников был устроен дебош и беспорядки. Меры приняты, виновные понесли суровое наказание».

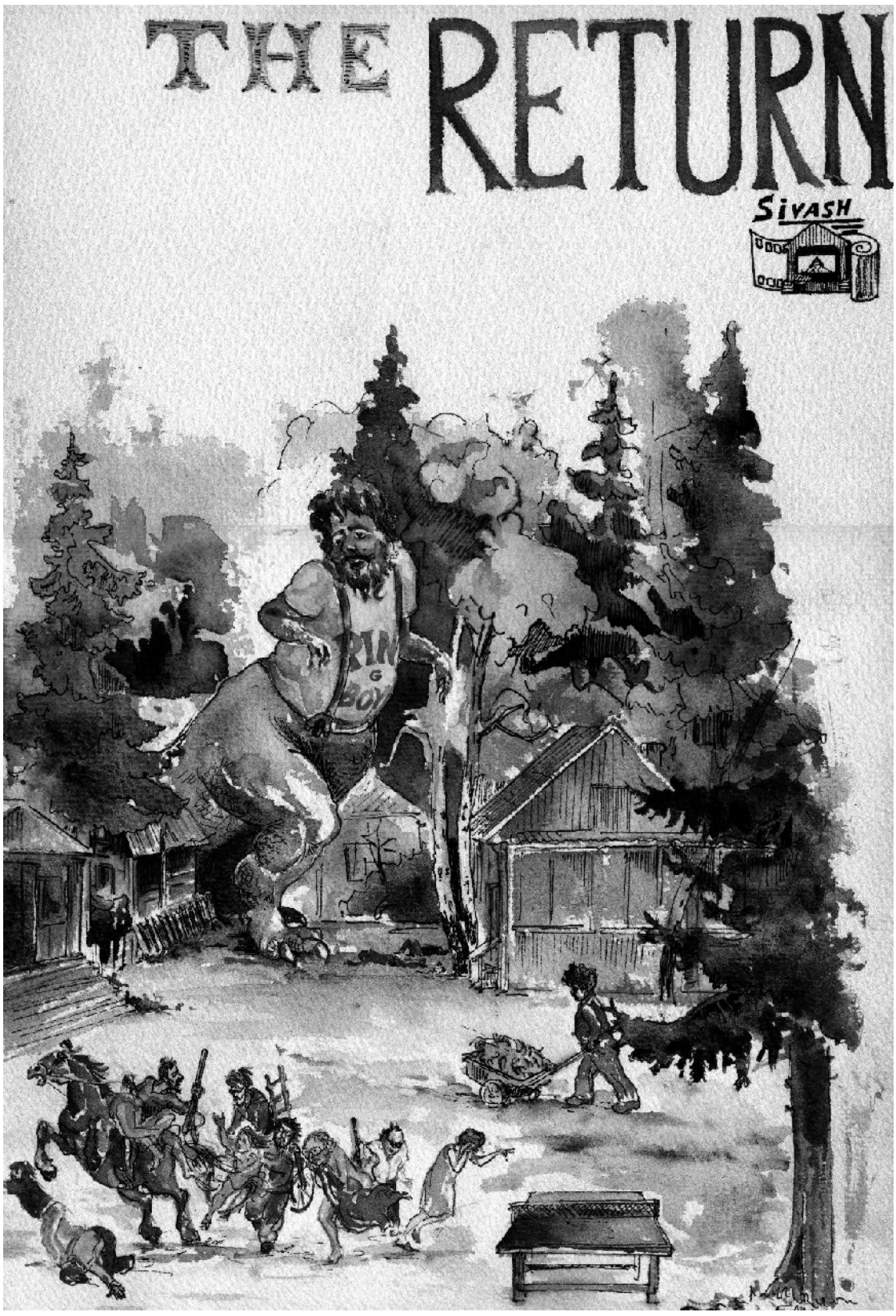
«Группа бывших выпускников» в это время от греха подальше сидела в глухом лесу вокруг потухшего кострища и строила прогнозы насчет своего будущего. Общее мнение склонялось к тому, что ничего хорошего нас не ждет. Больше всех горевал раскаявшийся Кузя, который качаясь, как еврей на молитве, причитал: «О, Димок, неужели меня теперь выгонят с кафедры?». Время от времени прибегал гонец с биостанции и сообщал очередные новости. В конце-концов, ареопагом был вынесен вердикт: меня на биостанции оставить, как человека, не запятнавшего себя прямыми преступлениями против человечества, а Кузю – сослать с кафедры в зоомузей. Остальные наказанию не подлежали, как лица к университету отношения уже не имеющие.

На обратном пути лесом к автобусной остановке только Леша Макаров, по-прежнему, радовался жизни как дитя, поскольку ему ничего не грозило. Леша пытался развеселить нас пантомимой под названием «слепой грибник». Завидев на тропинке идущих навстречу отдыхающих из санатория, Леша отставал от нас, надевал темные очки и начинал изо всех сил лупить палкой по стволам, задрав голову вверх, как Паниковский. Когда несколько оторопевшие отдыхающие опасливо приближались, Леша вдруг замирал, ткнув палку в траву и со счастливой улыбкой начинал быстро перебирать пальцами вниз по палке, пока у него в руке не оказывался заранее припасенный гриб. После чего Леша, на глазах ошалевших зрителей, клал гриб в карман и, продолжая без разбора лупить палкой по стволам сосен и задрав глаза горé, удалялся в чащу.

Анвар, со свойственной ему аллегоричностью, впоследствии изобразил всю эту драму в диптихе под названием: «The fall of angel” (падение ангела) и “The return”(возвращение). Диптих оформлен в виде киноафиши. В первой серии Кузя как бы совершает падение с моральных высот и изгоняется из звенигородского «рая», во второй части – он возвращается на биостанцию в виде кузеголового тиранозавра-мстителя, крушащего домики и давящего фигурки своих судей и гонителей. Обе картины с успехом демонстрировались на 200-летии кафедры зоологии позвоночных.



На первой панели диптиха я тоже изображен в виде ангела, которого удерживает на краю облака одна из небожителей (Вальтер). В виде Зевса-громовержца изображен И.А.Шилов. Внимательные зрители обнаружат, что истребители и столик для пинг-понга тоже нашли здесь свое место.



На второй панели с топографической точностью даны детали ЗБС того времени. В частности, Кузя-монстр протискивается между домом В.М. Смирина и «геоботаникой». Внизу В.Воронецкий на коне и Анвар с лестницей спасают женщин, а полуобнаженная Вальтер в ужасе спасает сама себя. С тачкой спокойно идет В.М.Смирин.

Кузя рассматривает диптих на праздновании 200-летия кафедры.

Вообще говоря, грубоватые солдатские шутки, подобные той, с кузиной кроватью, были весьма в ходу среди зоологов. Например, все на той же биостанции, к двери домика всеми любимого преподавателя Николая Николаевича Гуртового, по наущению Аркадия Савинецкого, был перенесен дощатый сортир, да еще прислонен так, что открыв дверь утром, Гуртовой сразу попадал именно туда, куда нужно. Гуртовой был замечательным человеком. На такие шутки он никогда не обижался, а сразу начинал смеяться.

Смех его был известен далеко за пределами биофака. Смеялся он так, что его было слышно везде, да и удержаться в ответ невозможно. Неугомонный Савинецкий («Гунька») раз исподтишка записал его смех на магнитофон, насильно рассказывая ему в коридоре анекдоты, а потом включал на полную мощь на праздновании кафедрального Нового года, используя его при вращении рулетки, как ржание лошади в игре «Что, где, когда».

Во время большого практикума, где мы часами резали и препарировали лягушек и акул, Гуртовой отлучался к себе в комнату, где у него была дежурная бутыль со спиртом, а после возвращался, похохатывая и потирая руки. От него же, как от специалиста-морфолога, понимающего толк в разведении спирта, мы узнали, что помимо всем известной наилучшей, «менделеевской», степени его разведения (40°), существует и худшая степень, а именно, 70°, при которой лучше всего фиксируются препараты тканей животных. «Поэтому, - назидательно говорил нам Гуртовой, подняв палец, - если пить такой спирт, можно зафиксироваться».

Кавказский анабасис, или «Тереза-Батиста, уставшая воевать».

После окончания университета у меня оказалось пустое лето, которое надо было чем-то заполнить. Кля, который делал диплом в Теберде, предложил поехать с ним и студенческой практикой на Кавказ. На Кавказе я никогда до этого не был и радостно согласился. Чтобы заработать денег на это мероприятие, в июле я устроился работать разносчиком телеграмм на почту, что на углу Дмитрия Ульянова и Ленинского. Работа была не пыльная, да и на чай давали охотно, особенно если телеграмма была поздравительная. Больше всего телеграмм приходило директору универмага «Москва» и главе Севморпути полярному герою И.Д.Папанину. Почему-то все суда в Арктике должны были ежедневно присылать ему на дом свои координаты и метеосводки. Телеграммы были огромные, напоминающие полотенца. Сам Папанин обычно поступал с ними следующим образом. Когда я приносил ему домой очередной ворох, он говорил: «Принес? Ну и вали их в мусорное ведро». Летом 1982-го стояла жуткая жара. Под Москвой горели торфяники и все небо застилал бурый дым. Мы с отцом жили вдвоем, т.к. мама с сестрой где-то отдыхали. Питались исключительно пожарскими котлетами и бобами в томате, которые мама терпеть не могла, а мы их любили. Одновременно проходил чемпионат Мира по футболу в Испании. Каждый вечер мы встречались у телевизора, один приносил еду, другой – пиво. Футбол смотрели сидя совершенно голыми, с полностью открытыми окнами, но и это не помогало от жары, поэтому время от времени мы по очереди плюхались в ванну с водой, чтобы хоть как-то охладиться.

Наконец, в начале августа я отправился на Кавказ со всеми заработанными деньгами и отцовским четвертаком в придачу. В Тебердинском заповеднике мы жили на берегу бурной реки в огромных экспедиционных палатках. В первой палатке жил начальник практики Александр Сергеевич Владыченский (сейчас он заведует кафедрой общего почвоведения), во второй – мужики, в третьей - девицы. Каждое утро начиналось одинаково. Из мужской палатки раздавались дикие вопли, будто там просыпалась стая бабуинов, а женская пробуждалась в полной тишине. Мы с Клей, обсудив феномен, пришли к выводу, что это проявление брачно-территориального поведения.

В Теберде с нами вышли два заслуживающих внимания случая. Наш отряд должен был подняться на гору Малая Хатипара и закопать там лизиметры[8]. Закопать-то мы их закопали, но на обратном пути латышка Рута, которая по балетной привычке все время наступала при ходьбе на носок, оступилась и подвернула ногу. Накачав стонущую на весь лес Руту анальгином, шесть мужиков спускали ее потом по узкой горной тропе на самодельных носилках два дня. Когда мы добрались до базы заповедника, то были настолько измочалены, что просто упали возле винного магазина без сил и потребовали у Владыченского выходной. Бедному Владыченскому пришлось потом сопровождать Руту с ее костылем в Ригу, поскольку других желающих не нашлось.

[8] У почвоведов есть такие штуки.

Теберда – 1982. Перед выходом в горы. Стоят: Кля, Коля (вот с фамилиями у меня, как у кота из «Понедельника», особенно плохо), Рута (еще не сломавшая ногу) и я. Сидят: почвоведы с 1 курса Паша Милонов, Миша Михайлов, «Марго» с гитарой, и Ольга Гурьянова с 4 курса (снимок А.С.Владыченского).

В другой раз мы оказались на горе Большая Хатипара в субальпийском поясе, где и леса уже не было. Поскольку я был в экспедиции как бы разнорабочим, Владыченский сдал меня в аренду Володе Онипченко (моему будущему оппоненту на докторской), которому был нужен зоолог для ловли и вскрытия мышей. Володя со своими студентами-геоботаниками жил все лето в палатках на альпийской пустоши, под самыми облаками.

В конце августа они должны были все закончить, свернуть лагерь и спускаться вниз в Теберду, через ущелье Азгек. Я проводил их и остался, чтобы последний раз проверить канавки и ловушки. Потом мне нужно было спуститься чуть ниже по склону к лагерю почвоведов, которые меня ждали в этот вечер на чей-то день рождения. Но попасть на этот день рождения мне было не суждено. Когда я поднял глаза после проверки последней живоловки, оказалось, что на гору село плотнейшее облако и видимость составляет примерно три метра, как в турецких банях. Вместо того, чтобы подождать, пока облако рассеется, я решил все-таки идти и, естественно, заблудился. Дальше

передо мной потянулись «кривые окольные тропы», а вскоре упала ночь и я понял, что ничего не остается, как просто спускаться вниз, не разбирая дороги.

Шел я всю ночь. Помню как на ощупь пробирался через какие-то заросли, падал в ямы, из под ног с грохотом вылетали «краснокнижные» кавказские тетерева, вдобавок пошел дождь, я дважды чуть не загремел по скользкому склону, но все же к утру вышел в реке Теберде.

Как потом рассказывал Кля, Владыченский в это время все больше мрачнел, а сам Кля думал о том, что же он скажет моим родителям, когда вернется. Где-то в 5 утра, грязный и мокрый, без очков и без сил, я ввалился в номер гостиницы заповедника, где «онипченки» еще отмечали отвальную. Мне налили водки и я заснул мертвым сном, а наверх послали гонца, сказать, что я жив.

Вскоре и наша практика разъехалась. Остались только мы вдвоем с Клей, в последней палатке на берегу реки. У нас был план вернуться через Тбилиси и Сухуми, ну а потом как-нибудь постепенно добраться до Москвы. Однако пришлось задержаться на лечение, потому что мы оба оказались нетранспортабельны. Кле на ногу при погрузке упал ящик с почвенными образцами, а у меня начался жуткий приступ гастрита. Мы валялись целыми днями в палатке и питались одними арбузами. Неизвестно сколько бы мы там пролежали, но однажды пошел дождь. Он шел двое суток и вода поднялась на три метра. Когда в палатке поднялись и поплыли надувные матрацы мы сбежали в гостиницу, а оттуда и вовсе.

Человек с Хатипары.

Кое-как два инвалида с тяжеленными рюкзаками добрались до Карачаевска, где купили билеты на автобус до горного аула под названием Терезá, с ударением на последний слог. Я тогда как раз читал роман Жоржи

Амаду «Тереза Батиста, уставшая воевать». Ко мне это почему-то намертво привязалось, и пока мы шли от Терезы´ по горной дороге, я бормотал как заклинание: «Терезá Батистá, уставшáя воéвать».

К вечеру нас подобрала машина с компанией карачаев, которые узнав, что мы из Москвы, пришли в восторг, потому что все они учились в институте Мориса Тореза. Нас немедленно повезли в какой-то аул в гости. Дальнейшее я помню смутно. Был какой-то огромный не то сарай, не то барак, где все сидели за длиннющим столом, уходящим в бесконечность. Кля стоял во главе стола и говорил немыслимо сложный тост, держа в руке коровий рог с водкой, а его слушали, по-моему, все карачаи Земли. Это была просто сцена из «Града обреченного» Стругацких. По словам самого Кли, в хаосе застолья он как-то перестал меня отслеживать, а когда снова увидел, то понял, что я совершенно пьян. В следующем эпизоде мы куда-то ехали ночью при свете луны в кузове грузовика, в луже крови с мертвым телком, который на нас все время падает (может быть мы его сбили?). При этом мы поем во все горло «We all live in the yellow submarine». Очнулся я в каком-то сельском доме, причем возле моей кровати был заботливо поставлен тазик.

Плохо мне было ужасно. Никогда не пейте перцовой водки, особенно если у вас гастрит. Из Минеральных Вод мы прибыли в Нальчик, где за 25 рублей нас подрядился провезти до Тбилиси по военно-грузинской дороге водитель «скорой помощи». Довольно скоро мы пожалели, что не остались в Нальчике. Дядя оказался сумасшедшим и гнал машину ночью по крутому серпантину со скоростью 120 километров в час, как будто мы опаздывали на вызов. Профессиональная привычка, наверное.

В Тбилиси мы хотели найти моего бывшего квартиранта и друга Ромуальдыча, но адреса его я не знал. Однако помнил, что он живет на улице Павлова. Нам посоветовали просто пойти на эту улицу, и опрашивать встречных. Если в Москве такой способ могли бы применить разве что полоумные, то в Тбилиси это сработало без осечки. Первый же человек, к которому мы обратились, немедленно закричал: «Римма? А-а, это та, у которой мальчик в Москве на медицинском учился! Конечно знаю, дорогой!». Схватил нас за руки и повел. По дороге мы обрастали новыми знакомыми, которым наш провожатый охотно рассказывал, кто мы и куда идем. Грузины – те же итальянцы, и любят из всего устраивать театр. В итоге во двор огромного многоэтажного дома, стоящего покоем, ввалилась толпа, которая начала скандировать под окнами: «Римма! Римма!! Выходи, к тебе люди из Москвы приехали». Одно из окон на пятом этаже распахнулось и там в самом деле оказалась мама Ромуальда, Римма Борисовна, которая всплеснула руками и немедленно включилась в постановку. С криками «Вай ме, мои золотые!» она чуть не выпрыгнула из окна.

Вечером из военного госпиталя пришел Ромуальдыч, где он работал по распределению, и его папа Михаил. Папа работал мастером на винном заводе, поэтому в квартире была вмонтирована в стену бочка с кахетинским вином. Нас, конечно же, и так бы хорошо приняли, но еще свежа была история с угоном автомобиля, из которой нас с Ромуальдом вытащил мой папа. Поэтому

описать дальнейшее - слов нет. На мое горе, из-за проклятого гастрита ни есть ни пить я ничего не мог, и только клювом щелкал, терпя танталловы муки. Зато Кля ни в чем себе не отказывал, и просто катался, как кот в сметане.

Кстати, именно Ромуальдыч поставил мне диагноз на новейшем оборудовании в своей клинике и разработал план лечения. Он же заставил нас переодеться в его парадные одежды, а наши экспедиционные лохмотья с презрением отверг, заявив, что «это не Москва, где можно ходить по улицам в домашних тапочках», и здесь могут не так понять.

Когда мы двинулись дальше в Сухуми, провожали нас как на войну, а в угон дядя Миша сунул нам еще по паре бутылок «Кахетинского», наказав вернуться обратно за новыми, как только выпьем эти. Надо сказать, что к тому моменту деньги у меня уже кончились, и мы жили на средства Кли. Вклад свой я вносил как бы натурой, двигаясь от одних своих друзей и знакомых к другим. Их по пути почему-то оказалось очень много. Следующей оказалась остановка в Сухуми у наших семейных друзей-абхазов Маршания.

В Сухуми замкнулся малый круг нашего анабасиса. Дело в том, что если бы мы пошли пешком из Тебердинского ущелья через Домбай и Клухорский перевал, то добрались бы туда за один день. Но ходить, по причине нашей обоюдной инвалидности, мы тогда не могли. Пришлось ехать вокруг. Из Сухуми добрались на электричке до Лоо, где заночевали в спальниках прямо на пляже. По пути мы неожиданно поправили свой бюджет за счет местных жуликов. В вагоне к нам подошли два господина и предложили сыграть в «курортное лото», на поверку оказавшимся банальным «очком». Обычно такие жулики дают своим жертвам выиграть, чтобы втянуть в игру, а потом уже обыгрывают. Зная это, премудрый Кля остановил игру именно в тот момент, когда они дали ему выиграть три рубля. На возмущенные крики жуликов, что «мы так не договаривались» и «давай играй», мы встали и ушли в соседний вагон, где сидела милиция.

В Новороссийске мы остановились у красноярского приятеля моего отца - Геры Маслова. И перебравшись через Керченский пролив, оказались в Крыму. Здесь мы вступили в область, населенную знакомыми и родственниками Кли. У одного из них мы провели несколько дней на карадагской биостанции, питаясь персиками из его сада. К этому моменту мой желудок уже настолько окреп, что я мог свободно выпить стакан чая, закусив его кусочком хлеба.

Из Феодосии на последние деньги пришлось взять билеты до Харькова, где жили Лешины бабушка и дедушка по материнской линии, иначе до Москвы мы бы не доехали. При виде нас харьковская бабушка запричитала в голос: «Ой, ви диты, мои диты, таи шо ж с вами зробили! Биже ш мий, шож ви таки худеньки!». Ну и началось. Никакие возражения насчет моего гастрита в расчет не принимались, потому «шо це такий за гастрит, таи слова таково нит. То ж с голыду. Ви луче боршу нашива покушайты». Самое странное, что желудок мой тут же испуганно притих и стал работать, как ему и положено. Может и, правда, все болезни от голода?

Наш обычный день в Харькове выглядел следующим образом. Просыпались мы часиков этак в 12. Из-за дверей уже наползали запахи

готовящегося завтрака. Вскоре появлялась сияющая бабушка и ласково приглашала нас к столу, отведать что Бог послал. Там дымились горы снеди: галушки, вареники со сметаною и вишней, котлеты, борщ, пироги с рыбой и мясом, грибочки, наливки и варенья. Да, впрочем, откройте Гоголя, там об этом лучше написано.

Часам к трем дня завтрак заканчивался, поскольку съесть ничего больше мы уже не могли и только довольно мычали. Потом спали часа два. Будили нас обычно звоны посуды, новые вкусные запахи, и ласковый голос бабушки: «Подымайтися диты, вот зараз и обид!». Стоит ли говорить, что после этого обеда человек мог только спать, а там - «вот зараз» и ужин. Только через несколько дней такой жизни нам с Клей все же удалось спуститься во двор. Но дальше ближайшей лавки мы не ушли, и сидели там оттдуваясь и бессмысленно пуча глаза на липы. Там нас вскоре и нашел дедушка, и увел, кажется, на полдник. Уезжали мы набитые трехлитровыми банками с вареньями и соленьями, как в голодный край. Тем и закончился наш анабасис, а вместе с ним и мои студенческие годы.

* * *

А не заняться ли мне исследованиями?

Научная новизна (в поисках себя).

НАГРУДНЫЙ ... ВЫДАН В МГУ

ДИПЛОМ

С ОТЛИЧИЕМ

Г-I № 425496

Настоящий диплом выдан Карелину Дмитрию Витальевичу

в том, что он в 1974 году поступил в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

и в 1982 году окончил полный курс названного университета

по специальности «Зоология и ботаника»

Решением Государственной экзаменационной комиссии от «10» июня 1982 г.

присвоена квалификация Карелину Д.В. биолога

Председатель Государственной экзаменационной комиссии

Декан

Секретарь

Город Москва «30» июня 1982 г.

Регистрационный № 95

Путь к Брежневу.

Не успел я выйти на работу, как умер наш генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев. При мне еще никто из вождей не умирал. Поэтому я, хотя и не мог предвидеть, что это знаменует начало новой эпохи, на похороны решил пойти во чтобы то ни стало. Власти, чтобы не создавать сутолоки и никого не задавить, мудро решили перекрыть все подходы в колонному залу Дома Союзов, где выставили горб с Брежневым. В центре из метро вообще никого не выпускали. Мне пришлось идти пешком от Парка Культуры, на каждом пикете предъявлять свой университетский пропуск и говорить, что я иду в старое здание на Моховой. Так, правдами и неправдами, постепенно удалось приблизиться к траурной очереди, которая проходила за кинотеатром «Россия» в мощном оцеплении солдат. Ни начала, ни конца очередь не имела. Шли там только какие-то ударники и выборные рабочие с заводов. Улучив момент, я прошмыгнул в шеренгу и оказался среди рабочих с кондитерской фабрики «Красный Октябрь». Какой-то не в меру ретивый офицер попытался меня выдернуть обратно, но рабочие не дали в обиду, крича: «Да вы чего, это же наш, наш, инженер с завода! Опоздал он». Так я и оказался перед гробом Брежнева вместе с кондитерами.

В начале 80-х генеральные секретари начали умирать так часто, что народ сочинил анекдот. На экране телевизора появляется несколько смущенный диктор и говорит: «Уважаемые товарищи! Вы будете смеяться, но дело в том, что товарищ Черненко тоже скончался».

Стажер-исследователь на кафедре гидробиологии и общей экологии. Слева направо: М.Белоглазов, О.Варламова, Д.Карелин, Л.Ильяш, О.Честных, Ю.Романовский, Х.Абдуллаев, Н.Булгаков, Н.Мазитова, И.Жолдаков (в аспирантской, 1984).

«В гостях у гнома».

После окончания университета три моих приятеля-однокурсника, Буяновский, Стрелков и Ржавский, распределились работать на Камчатку. По тем временам это был поступок. Кончилось тем, что Буяновский женился там на дипломнице Стрелкова, а Стрелков женился на дипломнице Ржавского. Ржавский же ни на ком не женился, поскольку..., ну да, впрочем, неважно. После такого кроссинговера, Буяновский со Стрелковым снова появились в Москве нескоро, кажется, через несколько лет. И решили мы это дело отметить в известной пивной в Лужниках.

В Москве тогда все пивные заведения были наперечет и для этого хватило бы пальцев одной руки. Все они носили прозвища. Эта была известна среди людей, почему-то, как «Крокодил». Наверное из-за зеленой окраски стен. Когда вышли из пивной, уже стемнело, и вместо того, чтобы пойти к метро «Спортивная», сбились, и двинулись в противоположную сторону. Вскоре

уперлись в какую-то огромную стену, верхний край которой терялся во тьме. Пришлось идти вдоль нее, а чтобы не было скучно, мы распевали песни из слов, прочитанных на встреченных в пути плакатах.

Шли мы долго, а проклятая стена все не кончалась. Несколько раз даже пришлось отдыхать на газоне. Когда силы были уже на исходе нас арестовал патруль и препроводил в ближайшее отделение. Задержавший нас сержант, составляя протокол, сказал так: «Я человек терпеливый, но когда вы прошли вокруг стадиона в третий раз, распевая «В гостях у гнома» (так назывался мультфильм, который шел в кинотеатре стадиона, и чью рекламу мы, видимо, прочитали на стене), - я решил, что уже хватит».

Середина 80-х. Нет, борода мне определенно не шла.

Бутылочная вакханалия.

Первые годы работы на кафедре гидробиологии я почти все лето проводил на ЗБС. Там я изучал московок (это такие маленькие синички) и собирал насекомых в пластиковые пакеты. Центром жизни всегда был дом постоянной сотрудницы биостанции Лены Иванкиной. У Лены двери не закрывались никогда, постоянно приходили и уходили какие-то гости, кипели захватывающие беседы и вечный чайник, что породило одно из анваровских бессмертных полотен под названием «Безумное чаепитие». Мы тогда были еще непозволительно молоды и постоянно чем-то увлекались. То все повально что-то лепили из глины, то это был пинг-понг, то футбол, то танцы под кантри до утра. В одно такое лето на биостанции появился второй центр притяжения в виде зоологического дома Галки Гончаровой, которая основала собственный светский салон. Я, как человек беспринципный, с удовольствием посещал оба.

Муж Галки, джазмен Андрей Буйнов, брат тогда еще малоизвестного певца Александра Буйнова, был заводилой не хуже Анвара. Андрюха любил повторять: «В жизни, как и в джазе, любая уверенно взятая нота звучит правильно». И это жизненное кредо всегда применял на практике. Оправдывая свою фамилию, только он своей безумной энергией сумел временно сплотить оба конкурирующих дома под знаменем великой идеи. Андрюха собрал нас всех на совещание и изложил свой план. Под домами на биостанции, говорил он, за многие годы скопилось с трудом оцениваемое количество пустой тары из-под пива, вина и водки. Он, Андрюха, берет на себя организацию их сдачи в Звенигородский пункт приема посуды по договорной цене. Воронежский энтомолог Миша, как счастливый обладатель автомобиля «Москвич-412», возьмет на себя транспортировку стеклотары, ну а мы все должны были достать бутылки на свет божий и вымыть. Спорить с Андрюхой никто не стал, тем более, что это было бесполезно, да и предприятие сулило огромные барыши.

На следующее утро по всей биостанции сновали люди с мешками и тачками полными бутылок, и стоял веселый перезвон. Бутылки свозились к лениному дому, где Анвар наладил конвеер по их сортировке и мытью. Он же решал неожиданно возникающие проблемы, как, например, что делать с пробками в бутылках. Анвар изобрел для извлечения пробок специальную петлю, которую я потом видел у московских бомжей, занимавшихся тем же. Кто у кого ее перенял - мне неведомо.

Миша в клубах пыли носился с багажником, полным бутылок между биостанцией и Звенигородом. Андрюха руководил. Лена взяла на себя, как теперь говорят, «паблик релейшнз», т.е. старалась убедить Анну Николаевну Солдатову, рупор общественного мнения, что мы занимаемся безобидной очисткой территории от мусора. Но на исходе дня все тайное стало явным, особенно когда Миша с Андрюхой, будучи навеселе после последнего рейса, чуть не свалились на машине с обрыва в реку. Они выручили больше 400 рублей и на все деньги купили грузинского белого вина, которое стоило тогда что-то около полутора рублей за бутылку, и гору мяса. Винищем этим было теперь забито в домах все свободное пространство. Люди завтракали вином, обедали с вином, ходили на пляж с вином, даже играли на эти бутылки в карты, но оно не кончалось. Через неделю никто его уже видеть не мог. А пустых бутылок под домами скоро стало столько же, сколько и было.

Гадын буды.

Во время практики на биостанции всегда работала столовая. Обычно она ничем от других столовых не отличалась, но как-то летом шеф-поваром у нас оказался некий человек из ресторана, просто виртуоз своего дела. Он изобретал такие блюда, что возле вывешенных меню стала собираться толпа гурманов, которые истекая слюной, обсуждали, что скрывается под тем или иным названием. Однажды он изготовил по рецепту фантастически вкусное азербайджанское мясное блюдо, но не знал, как его назвать. Анвар, как азербайджанец по отцу, посоветовал назвать его «гадын буды». Так тот и поступил. Потом выяснилось, что в переводе это означает «женская ляжка».

Звенигородская жизнь в разрезе. На поперечном срезе дома Лены Иванкиной в левой половине сидит сама Лена, печатая переводы для реферативного журнала. Левее ее стола стоит клетка с синей птицей, привезенной Борей Гуровым с Памира. За ее спиной видны мы с Кузей и пинг-понговыми ракетками, и персонажи, постоянно пьющие чай. В правой половине виден И.А. Шилов, пишущий книгу, и Анна Николаевна, книгу читающая. Внизу перед домом в виде комиссии лилипутов изображены директор биостанции Я.Б. Белялов, Путинцев и заместитель декана Федин. Слева уходит с кабелем В.М.Смирин (рисунок Анвара Керимова).

Звенигородская жизнь как она есть. На этом эпическом полотне, являющемся продолжением великой картины «Взятие дарвинистами мамонтовского дома», аллегорически изображена попытка захвата кафедрой дарвинизма т.н. «мамонтовского дома», который, как всем хорошо известно, принадлежит зоологам. Центральную группу, в схватке не на жизнь, а на смерть, образуют профессора А.Креславский с мечом в плаще крестоносца (как вождь дарвинистов) и С.А.Шилова с кинжалом (как вождь зоологов). На коленях, прикрываясь щитом, стоит Ю.М.Смирин. Лена Иванкина стреляет из лука стрелой на присоске, мы с Анваром уже повержены. В.М.Смирин, как всегда на картинах Анвара, целеустремленно идет, видимо, олицетворяя собой время.

Лена и Анвар (1985).

Курсы пронырливости.

Поскольку мои родители говорили на испанском, да и сам я в детстве им владел, то вопроса с выбором второго языка в зрелом возрасте не было. Но в 1980-х, устроится на курсы испанского в Москве было практически невозможно. Курсы эти были только в одной единственной школе на старом Арбате, в так называемом «поленовском дворике». Попадали туда по большому блату. Помог мне в этом мой приятель Леша Довбыш, отличавшийся невероятной пронырливостью. Леша был сыном капитана из Владивостока, с которым дружил отец, а учился он в МИВТе (Московском институте инженеров водного транспорта. К слову, был еще и ЛИВТ - Ленинградский ин-т инженеров водного транспорта).

Леша загорелся этой идеей. Он просто взял и повел меня в эту школу, пресекая слабые попытки сопротивления. По словам Леши – уверенность, и еще раз уверенность, вот залог успеха. Довбыш без стука смело вошел прямо в

кабинет к завучу и нагло заявил, что ему должны были звонить насчет того, что нас надо включить в испанскую группу. Ошалевший завуч спросил: «Вы из Моссовета, что-ли?». «Ну да. Вам же звонили». «Да тут без конца звонят, звонят, уже не соображаю ничего. Так вы от Петра Семеныча?». «От него». «Так что же вы молчите. Ну давайте документы». Так и зачислили.

Фантастическая пронырливость Довбыша пригодилась мне впоследствии еще не раз. Но непревзойденной осталась история с приездом в Москву голландской группы «Бутлег Битлз». Сами Битлз как известно, к нам так и не попали (если не считать сэра Пола Маккартни), но вместо них в конце 1980-х вдруг приехала группа-имитатор, которая играла Битлз, как говорили острословы, «один к полтора». Ажиотаж был невероятный. Хотя рекламы и даже объявления об этом таинственном концерте в гостинице «Россия» не было, народ все знал. Довбыш и я накануне концерта не спали и разрабатывали план. План был совершенно идиотским, но именно такие планы часто срабатывают. Мы оба раздобыли у своих приятелей удостоверения добровольной дружины охраны порядка, с которыми студенты-дружинники тогда ходили по Москве в совместных патрулях с милицией. По сведениям Довбыша на входе должен был дежурить пролетарский район.

Когда мы пришли, перед гостиницей «Россия» стояла колоссальная толпа и чего-то ждала. Наверное чуда, поскольку билетов в свободной продаже не было. Проходы были перекрыты турникетами, везде стояла милиция. Я сразу увял, но Довбыша ничто не могло остановить. Он оставил меня у турникета и крича кому-то невидимому через головы патруля: «Ребята, я здесь, я пришел!», нагло пролез через турникет, бегло предъявив чужое удостоверение дружинника. Через несколько минут он так же протащил меня уже через другой турникет со словами «Что же это вы нашего дружинника не пропускаете, все собрались уже». Мы было вздохнули с облегчением, но оказалось, что нам предстоит следующее чистилище, на входе в гостиницу. Здесь всех нас, т.е. настоящих и липовых дружинников, построили и пересчитали. Вместо 28, нас, естественно, оказалось 30. Но разбираться было некогда, никто, как на свадьбе, друг друга не знал, и плюнув, сержант выдал нам нарукавные красные повязки и запустил в фойе. Мы было опять вздохнули с облегчением, но тут оказалось, что бдительный руководитель группы из пролетарского района бегает по фойе и ищет самозванцев. Мы не стали искушать судьбу и спрятались в сортире.

На входах в зал уже стояли настоящие «пролетарские» дружинники с наказом отслеживать липовых, т.е. нас с Лешей. Но не таков был Довбыш, чтобы отступить перед таким смехотворным препятствием. Он успел познакомиться с какими-то счастливыми обладателями билетов прямо в сортире и договорился с ними, что они передадут нам два билета уже после прохода в зал на условленном входе, якобы срочно выбежав в туалет. Мы же благополучно вошли потом через другой вход.

В результате на ступеньках между рядами, собралась огромная толпа, таких же как мы пронырливых московских бамбуков, причем у всех, как под копирку, оказались билеты с оторванным контролем на уже занятые места. Попытки дружинников вывести нас на чистую воду ни к чему не привели.

Вывести нас теперь могло только землетрясение. Ну, а когда на сцену вышли просто абсолютно настоящие «Битлз» и грянули «I saw her standing there», обо всем забыли даже дружинники.

Миша Чураев и его дворницкая.

После окончания университета наш однокурсник Миша Чураев («Мишаня») недолго работал по специальности. Вскоре он по большому блату устроился дворником на Цветном бульваре и стал счастливым обладателем огромной дворницкой. Миша был очень этому рад, но гораздо больше него этому обрадовались мы, его приятели. Квартир своих тогда, естественно, ни у кого не было (как, впрочем, и семей), и очень скоро мишанина дворницкая стала чем-то вроде клуба одиноких сердец. Дворницкую ему дали в каком-то бесконечном и запутанном, как лабиринт Минотавра, полуподвале старинного московского особняка, по соседству со старым цирком. Пройти ее до конца было так же трудно, как библиотеку у Стругацких в бессмертном «Понедельнике». Когда Мишаня туда въехал, то кроме груд кирпичей и мусора в ней ничего не было. Миша с помощью Кузи и других друзей постепенно приводил все в порядок. Провел свет, воду и газ, и со всего района собрал выброшенную за ненадобностью мебель. Одно из старых кожаных кресел они с Кузей раздобыли на факультете, привезя его оттуда на троллейбусе.

Однажды, дробя киркой кирпичи в углу, Мишаня обнаружил в стене клад – коробку с царскими монетами. В другой раз, копаясь в мусоре, он нашел в стене старую телефонную розетку. Подсоединив к ней найденный, естественно, тоже на помойке, телефонный аппарат, Миша обнаружил, что он работает. Так у него появился свой телефон, но с неизвестным номером, а потому односторонний. Зато за него не надо было платить. На кухне у Мишани постоянно можно было видеть на полках бутыли с разноцветным содержимым. Про них достоверно было известно только, что это спиртное.

Дело в том, что недалеко от дворницкой, в соседних дворах на мишанином участке находился разливочный цех небольшого ликероводочного заводика. Туда ежедневно привозили в цистернах всякие спиртные напитки. Пытливый Мишаня обнаружил, что после слива, на дне этих цистерн всегда что-то остается. По ночам он забирался в эти цистерны и собирал со дна кружкой иной раз по нескольку литров того, что там плескалось. После удачных рейдов, Мишаня устраивал дегустации, когда присутствующим предлагалось определить из-под чего была та или иная цистерна. Иногда это был даже марочный коньяк, но чаще портвейн или красное вино. Жизнь в дворницкой приобрела бы откровенно богемный оттенок, если бы не сам Мишаня, который несмотря ни на что, каждое утро поднимался в 5 утра, брал, в зависимости от сезона, скребок или метлу, и шел трудиться.

Однажды зимней ночью Мишаня колол лед на Цветном, как вдруг из переулка выскочил негр в ушанке и упал перед ним на колени. Обнимая оторопевшего Мишаню как блудный сын, негр на ломаном языке стал умолять спасти его «от азербайджанцев». Потом в его глазах проснулся ужас и он стал

спрашивать Мишаню, а не азербайджанец ли он сам. Узнав, что нет, негр вскричал «О-о, спасиб, спасиб!» и исчез в переулках.

По общему мнению, лучше всего в дворницкой удался один из Новых годов, впоследствии известный как «ночь с 31-го на 4-ое». В тот год, по какому-то недосмотру, правительство устроило народу пять выходных подряд. Общее застолье, с постоянно сменяющимися персонажами, продолжалось уже не одни сутки, все больше напоминая римские пиры времен упадка империи, поскольку пирующие уже давно могли только лежать. По комнатам бродили какие-то парочки, ищущие уединения. Ко мне самому сознание вернулось где-то под вечер N-ого января, в местном винном магазине, куда меня послали, очевидно, как самого благонадежного. В очереди местные алкоголики приняли меня за своего. Это я понял после того, как какая-то бабка сказала: «Солдатика-то, солдатика пропустите». Оказалось, что на мне надета чья-то шинель, а на голове задом наперед нахлобучена солдатская ушанка со звездой. В кармане лежал смятый комок из рублей и копеек, - видимо, все, что собрали в дворницкой.

Трудная дорога к дому. Кузя и Мишаня.

Когда я вышел на снег с двумя бутылками портвейна в руках, держа их за горлышки, как коктейль Молотова, вдруг выяснилось, что я совершенно забыл обратную дорогу. Бродя по переулкам, я неожиданно забрел через служебный вход в старый цирк. Там было абсолютно пусто и сильно пахло лошадьми. Я

постоял на арене, поклонился пустым трибунам, и попытался выйти из цирка, но не тут-то было. Снаружи арены оказался кольцевой коридор, но дверей из него я найти не мог. Наконец, после очередного круга, когда я уже отчаялся выбраться, из-за поворота неожиданно вышел человек, который оказался к моему ужасу Юрием Никулиным. Он и вывел меня наружу, не выразив при этом никакого удивления.

Бардин и кабан.

В какой-то год осенью я попал по своим делам на станцию кольцевания питерского Зоологического института в поселке Рыбачьем, на Куршской косе. Место это легендарное. До войны это была территория Восточной Пруссии. В частности, контора биостанции в Рыбачьем представляла собой не что иное, как бывшую немецкую шпионскую школу. Это можно было почувствовать сразу, как только вы туда попали. В стенах скрывались какие-то потайные двери, коридоры вели в таинственные комнаты без окон и дверей, а на самом нижнем этаже был знаменитый «рыцарский зал», где в сумраке действительно стояли рыцари в полных латах, опиравшиеся на мечи, и длинный дубовый стол, во главе которого тогдашний директор, Виктор Рафаэльевич Дольник, как король Артур, любил собирать во время застолий своих сотрудников.

Однако почти весь народ жил на полевом стационаре, в нескольких километрах от поселка. Там, на песчаных дюнах стояли уникальные рыбачинские ловушки, известные на весь мир. Они представляют собой как бы огромный рыболовный трал, вытащенный на берег и распяленный на столбах. Только ловят им не рыбу, а птиц во время миграции. Такая ловушка имеет очень широкий вход в виде сетей, порядка нескольких сот метров в поперечнике, которые постепенно сходятся и в конце заканчиваются совсем узким отверстием, через которое птицы попадают в сетчатую клетку, выбраться откуда уже не могут.

Во время весенней или осенней миграции, туда набивается такое количество птиц, что дежурному ловцу бывает трудно туда протиснуться. Помимо основной работы каждый должен был отдежурить несколько часов на ловушке. Если птиц летело немного, то дежурный справлялся с ними сам, но если шла очередная волна мигрантов, то он поднимал по тревоге всех, кто был под рукой. Одновременно, обычно летели птицы какого-то одного вида, но зато их было очень много. Помню я попал на такой «корольковый» аврал, когда мне пришлось стоять в клетке буквально по колено в крохотных, как ватные шарики, корольках. В другой раз летели ястребы-перепелятники, в клетку к которым можно было войти только в толстых кожаных рукавицах и монтажной каске, как к тиграм. Еще страшнее, если летели дятлы. Их клювы пробивали все насквозь, словно швейная машинка. Так за один месяц можно было передержать в руках почти всю авиафауну Советского Союза.

Профессионализм и скорость, с которой обрабатывали сотни птиц несколько орнитологов вызывали восхищение. Один челноком вынимал и носил из ловушки птиц в специальных садках, второй записывал вид и взвешивал, третий – делал стандартные промеры длины штангенциркулем,

четвертый – описывал пол и возраст, пятый – линное состояние и жировые депо и выпускал птицу, шестой только записывал все, что кричали ему с невероятной быстротой другие. Мне, как и другим «гостям», доставалась наименее квалифицированная работа – перетаскивание садков или, в лучшем случае, взвешивание.

Жил я в бане на верхнем полке, поскольку мест на биостанции не хватало. Мне это очень нравилось, потому что после субботней парной в ней всю неделю держалось тепло и вкусно пахло березовыми вениками. Когда темнело, я закрывал засов, забирался на свой полок, зажигал свечу и читал «Обрыв» Гончарова. За то, что я там жил, Казимир Большаков (сейчас директор этой биостанции), как главный хранитель бани, обязал меня рано утром каждую субботу начинать топку. Деревянные домики стационара располагались в молодом сосняке, посреди песчаных дюн, где с одной стороны было мелководное Балтийское море, а с другой – пресноводный залив. Коса в этом месте была такой узкой, что ее можно было перейти за 10 минут. Коса тогда находилась в строжайшей зоне охраны государственной границы и по берегу время от времени проходили наряды пограничников с собаками. Хотя нас они знали, да и документы у нас были в порядке, но выходить на морской берег было строжайше запрещено.

Если пограничников не было, то перейдя приморские дюны, можно было собирать дикий барбарис или ловить босыми ногами камбалу на мелководье. В заливе ловилась в невероятных количествах любая известная рыба, от огромных судаков, до окуней и налимов. В довершение, у нас был постоянный, хотя и непредсказуемый источник мяса. Дело в том, что помимо погранрежима, на косе был еще и достаточно серьезный заповедный режим. Такой режим в квадрате привел к тому, что в лесах расплодилось невероятное количество кабанов и косуль, которых чуть не ежедневно сбивали на лесном шоссе машины. Если кто-то из нас ехал на велосипеде со стационара в поселок, то надо было внимательно смотреть по обочинам, не торчат ли оттуда ноги косули. Так что в нашей полевой столовой, где готовила местная повариха, каких только блюд не было.

Однажды все уехали на нашем автобусе в Рыбачий, а дежурить на ловушке остались только мы с известным питерским орнитологом, Сашей Бардиным. Птицы что-то не летели и делать нам было нечего. Саша в этот период увлекался морскими узлами. Он повесил в наблюдательном домике на стене таблицу с разными видами узлов, и демонстрировал их мне с помощью веревок. Временами Бардин так запутывался, что напоминал Лаокоона в объятиях морского змея. Утомившись от этих узлов, мы решили пойти в столовую попить чаю. Вдруг откуда ни возьмись со стороны дюн к столовой прибежал здоровенный кабан-двухлеток. Весело хрюкая, он стал выпрашивать у нас куски хлеба. Сперва мы кормили его без задней мысли, но потом посмотрели друг на друга и поняли, что думаем об одном и том же.

Бардин побежал за своими веревками и сетью. Мы сделали на песке большую петлю, а другой ее конец привязали к сосне узлом, который оказался по недосмотру булинем. Как только кабана удалось подманить хлебом в петлю,

мы разом дернули за конец, веревка намертво захлестнула заднюю ногу зверя, булинь развязался, и нас потащило за ним в чащу. Каким-то чудом нам удалось снова зацепиться за молодую сосну, но проклятый вепрь сломал ее как спичку. Наконец, зверь сам запутался в веревке и только непрерывно визжал. Тут мы набросили на него сеть и повалили на бок, тяжело дыша. Я никогда не думал, что кабан такое сильное животное. У нас ушло еще немало времени и веревок, чтобы его успокоить. Из бани был принесен колун, но тут в нас проснулся запоздалый гуманизм. Я малодушно уступил право первого удара старшему товарищу. Саша размахнулся и ударил. Но поскольку бил он зажмурившись, то вместо головы попал кабану по заднице.

В общем, бедному кабану здорово досталось, пока его отправляли на тот свет. Бардин сказал, что чувствует себя так, будто его самого избили колуном. Тушу оттащили внутрь частокола бани и стали неумело разделывать на куски. Пока все это происходило, быстро стемнело, и мы действовали почти вслепую, в страшной спешке. Кабана надо было срочно спрятать, пока не вернулось начальство, которое не одобрило бы этих убийств, а с поварихой мы собирались как-нибудь договориться. Уже совсем в темноте я побежал в дюны и закопал последнюю улику - кабанью голову. Тут как раз и автобус вернулся. Но на этом дело не закончилось.

Чуть свет ко мне в баню прибежал испуганный Бардин. Зрелище действительно было не для слабонервных. Весь внутренний частокол бани, где мы разделывали в темноте тушу, был залит кровью так, будто там вчера расстреляли пленных коммунаров. Мы еле успели все отмыть до пробуждения остальных. Но и на этом не кончилось. Пока мы все завтракали под навесом столовой, на дюнах показалась лисица, которая тащила огромную кабанью голову. Изумленный народ стал обсуждать, могла ли лисица убить кабана, а если могла, то как она смогла отчленить его голову, и вообще, куда она ее тащит. Громче всех удивлялся Бардин. Но начальство ничего не заподозрило. А отбивные из кабана вышли - пальчики оближешь.

Зимняя практика на Памире.

Когда нашу экологию, которую на факультете все время гоняли как сидорову козу, отсоединили от гидробиологии, и будто прицепной вагон соединили с кафедрой зоологии позвоночных, мы снова временно оказались с Кузей на одной кафедре. В январе нас с ним отправили (добровольно) с зимней студенческой практикой на Памир. Это, наверное, единственная в своем роде практика, которая бывает только у студентов кафедры зоологии позвоночных МГУ. Цель ее – ознакомление с зимующими птицами. По плану, я должен был везти на поезде Москва-Душанбе запас картошки (мешков пять) на всю экспедицию. А все остальные улетели на самолете.

Ехать мне пришлось четыре дня в плацкарте. Если сначала путешествие было необременительным, то как только поезд пересек границу Азии, все полки в купе немедленно заняли казахи и таджики с детьми и баулами. Вскоре их набилось там столько, что я не выдержал и сбежал в коридор. Но и там было не лучше. За окном уже третьи сутки тянулась унылая заснеженная степь. В тоске

я побрел по составу и в каком-то купе вдруг увидел такую же унылую физиономию человека, сидящего за бутылкой. Мы обрадовались друг другу, как родные. Он оказался музыкантом, который ехал с подругой работать по контракту в какой-то ресторан в Душанбе, и уже думал, не совершил ли он самую ужасную ошибку в своей жизни.

Оставшийся путь мы преодолели очень весело. Плюнув на оставшуюся в другом вагоне картошку, я переселился к ним в купе, где мы пили водку и пели песни под гитару до самого Душанбе. Там меня, тепленького, наши и встретили на перроне. Встречал и опекал нас в Душанбе работавший в местном университете выпускник нашей кафедры Боря Гуров, которого Кузя немедленно переименовал в Гурю Борова. Еще Кузя любил комически восклицать, хватаясь за голову: «О гуре, мне, гуре!».

По горному тракту нас забросили за город Комсомолабад в предгорья хребта Петра Великого. Там мы поселились в заброшенном кишлаке, в полуразрушенной сакле, где установили буржуйку. Руководила нами бедная мужественная доцент Наталья Владимировна Хмелевская, которая постоянно мерзла, не отходя от печки ни на шаг.

Мы же всю светлую часть дня лазили с биноклями по горам, по горло в снегу. Группа была интересная, со множеством ярких личностей. Там был Игорь Честин, ныне глава российского Всемирного Фонда Дикой Природы (WWF), Аня Банникова, Миша Калякин, сейчас директор зоомузея МГУ, и Антон Межнев.

Последний прославился бессмертной фразой, сказанной на пиру, посвященном нашему возвращению в Душанбе. Мы вернулись в город промерзшие и оголодавшие до последней крайности. Поэтому, когда перед нами в гостях выставили бескрайнее дымящееся блюдо с бараньим пловом, мы чуть не прослезились. Хозяин таджик вознес молитву и скромно понадеялся, что плов будет нами одобрен. С ответной речью выступил Антон. Взглянув на наши голодные физиономии, ответил за всех: «Не волнуйтесь. Все будет пижрано».

В Монголии.

В монгольской экспедиции мы долго не могли понять, почему иногда посреди совершенно безлюдной степи вдруг показывалась до боли знакомая одинокая будка. При ближайшем осмотре, будки действительно оказались классическими сортирами, отстроенными по единому образцу, с ямой, очком и дверью. Но ларчик просто открывался. Оказывается монголам гораздо проще кочевать между «постоялыми» сортирами, а все остальное у них перевозится с собой, включая раскладные юрты.

В Монголии, в 1987 году мы работали в Убсу-Нурской котловине, переезжая с места на место на экспедиционном грузовике. Нашей задачей была дешифровка космических снимков. Вместе с нами путешествовали почвоведы и почвоведки, среди которых я познакомился со своей будущей женой.

На моей свадьбе Кузя сказал тост: «Я предлагаю выпить за одну шестую часть суши, на которой Дима встретил Машу, несмотря на очевидно малую вероятность такого события». Вероятность, видимо, была действительно мала, поскольку я ее встретил не на 1/6 части суши, а по соседству, в Монголии.

Убсу-Нур – 1987. Слева направо: неизвестный студент (гордился тем, что китаец), Д.Замолодчиков, Т.Г.Гильманов, профессор Фикки Ибраевич Хакимов, Миша Воронин, и героический шофер Коля. Среди обрезанных голов крайняя справа принадлежит Андрею Иващенко.

Монголия – степная страна почти без населения, где, как в райских кущах бродят непуганые птицы и звери. Однажды мы разбили лагерь на берегу безымянного озера и я пошел прогуляться и поохотиться на гусей. На другом конце озера передо мной появился всадник, внезапно возникнув из-под земли, как это умеют только монголы. Рассмотрев меня, он улыбнулся и что-то спросил по-монгольски. Я ответил по-русски, что мой лагерь на другом конце озера и махнул в том направлении рукой. Монгол приглашающе хлопнул по седлу, я уселся за ним, и мы не торопясь поехали по степи, вдоль озера.

Монгол протяжно запел, а потом оборвал себя и спросил, знаю ли я песни. Я вспомнил несколько сибирских песен, включая «бродягу», который «Байкал переехал». Монгол внимательно слушал, время от времени подтягивая и одобрительно цокая языком. Потом я вспомнил «На сопках Манчжурии» и мы с ним запели ее вместе, потому что оказалось, что это народная монгольская

песня. Над степью разносилось наше согласное интернациональное пение, и я подумал, что вот, наконец, и закончилось татаро-монгольское иго.

Так мы въехали в лагерь, где моего нового друга накормили и я подарил ему зажигалку на память. Уезжая, он сказал, что запомнил все песни, которые я ему пел. Не сомневаюсь, что «окрасился месяц багрянцем» тоже теперь ждет судьба народной монгольской песни.

Монголы, с нашей точки зрения, люди странные. Так, они считают, что если человек погибает, то такова его судьба и мешать ему не следует. Однажды наш шофер Коля мыл машину в ручье, а рядом с ним резвились местные детишки. Вдруг один из них начал тонуть. Все монголы просто стояли на берегу и наблюдали за тем как он тонет, но помочь не пытались. Шофер не выдержал и спас его. После этого, к нам в лагерь началось невиданное паломничество с дарами. Видимо, монголы восприняли вмешательство шофера, как проявление высшей силы. Нам несли все, чем богата монгольская земля.

Наблюдая радугу. Левее радуги Д.Замолодчиков с моим зонтом, Т.Г.Гильманов и А.В.Суров. Правее радуги - два сотрудника Сурова между которыми расположился другой наш шофер, Азик (озеро Тере-Холь, Тува, 1987).

Несли мясо, творог, кумыс и местную водку. Все это образовывало непроходимые завалы вокруг кухни, и дежурный, каждое утро, проклиная судьбу, брал лопату, шел в степь и закапывал накопившиеся за ночь дары.

В другом стойбище нас вместе с начальником Тагиром Габдулнуровичем Гильмановым пригласили в юрту к одному старику. Старик немного знал русский. Тагир вдруг зачем-то вспомнил, что во время инструктажа перед отправкой за границу от нас требовали (времена были советские), чтобы мы проводили среди населения регулярные политинформации. Ну Тагир и начал рассказывать про Рейгана, звездные войны и ужасы империализма. Старик слушал, слушал, а потом говорит: «Послушай, все это ерунда, забудь об этом. Какой Рейган, какие звездные войны? Посмотри на эти звезды над нами. Давай лучше выпьем». Нет, как хотите, а в монгольском народе есть здоровое начало.

Туркмения весной.

Однажды ранней весной мы с Тагиром поехали в командировку в Туркмению. В наших планах было посещение Репетекского заповедника и Сюнт-Хасардага. До этого я никогда не был в пустыне весной. Жизнь била здесь ключом. В воздухе, над нежно-желтой пеной цветущего кандыма носились, не разбирая дороги, очумевшие от тепла жуки-носороги. Под ногами путались вылезшие из-под земли подслеповатые черепахи. Весело скакали песчанки. За барханом их подстерегал притаившийся варан. А на тропинке между саксаулами можно было встретить свернувшуюся пружиной эфу. Предупреждая о своем присутствии, она терлась о себя чешуйками с таким звуком, будто плеснули водой на раскаленную сковородку. Черно-саксаульник вообще напоминал по густоте скорее лес на песке, чем пустыню.

В Сюнт-Хасардаге мы встретились в кишлаке Ай-дере со змееловами. Когда Тагир попросил одного из них показать ему змей, тот просто вывалил из мешка на веранду клубок из кобр, эфы и гюрзы, и сказал: снимайте. Пока возбужденный Тагир опасливо прыгал вокруг них с камерой, змеелов небрежно подправлял расползающихся и негодующе шипящих змей ногами.

Когда мы улетали из Ашхабада, директор местного питомника срезал нам каждому по огромному букету свежих роз. Свои розы я вез в ведре с водой. Самолет прилетел в Москву рано утром, когда родители еще спали. Я расставил розы по всем вазам, которые нашел в квартире, и потихоньку устроил их в спальне вокруг кровати. Так они и проснулись, как в сказочном саду, среди ароматов роз.

Поезд Прага-Москва.

В 1991 году, как раз во время так называемой павловской реформы, когда наш народ в очередной раз был ограблен собственным правительством, я на комсомольский счет решил съездить к друзьям в Прагу. Тогда я на некоторое время, неведомо как, оказался секретарем комсомола физиолого-биохимического отделения биофака. Должность была очень нудной, но зато давала возможность приложиться к комсомольской кормушке. Потом я с этой должности сбежал.

Итак, я сам себе придумал какую-то несуществующую конференцию по обмену опытом с чешской молодежью и поехал. В Праге я жил у наших чешских друзей, знакомых еще по Кубе. Днем бродил по городу, сидел в библиотеках или музеях, пил пиво со шпикачками и отдыхал от советских кошмаров. У меня было всего-навсего 50 долларов, но мне их хватило не только на пиво, но даже на поездку в Чешские Будейовицы и покупку зимних ботинок.

На обратном пути в купе поезда Прага-Москва я, как в плохом анекдоте, оказался в компании с литовцем из Каунаса, негром из Лондона и его подружкой с Украины. Негр все время молчал и улыбался; подружка, вцепившись в него мертвой хваткой, все разговоры сводила на Лондон («Шо там исть, так у вас и ни бачили»), а мы с литовцем вели политическую дискуссию. Главной ее темой была недавно обретенная Литвой независимость от России. Литовец с пеной у рта доказывал мне, что все беды его родины от оккупации ее русскими, и что уж теперь-то они развернутся вовсю.

Я, в общем, не возражал, но заметил, что Литву мы завоевали в честной борьбе, а свою независимость они получили из наших же рук, так что должны быть нам за это благодарны. Это литовца окончательно взбесило, а украинка даже забыла держаться за негра и стала кричать про «незалижность» и, что «даже у Лондоне уси громадяне так рады, так рады, шо ми от вас ызбавылися».

Тут наш диспут был прерван вторжением проводника, который объявил, что мы пересекаем границу Российской федерации и те иностранные граждане, которые желают следовать по российской железной дороге дальше, должны доплатить разницу в билетах для иностранцев. В купе наступило остолбенелое молчание, которое прервал я, сказав: «Да, дорогая штука независимость». Расстались мы с литовцем со словами: «Встретимся в окопах».

* * *

Практическая и теоретическая значимость (зрелость).

Решением
Совета в Московском гос. университете
им. М. В. Ломоносова
от 19 октября 1990 г. (протокол № 60)

Карелину Дмитрию Витальевичу

ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ

КАНДИДАТА

БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

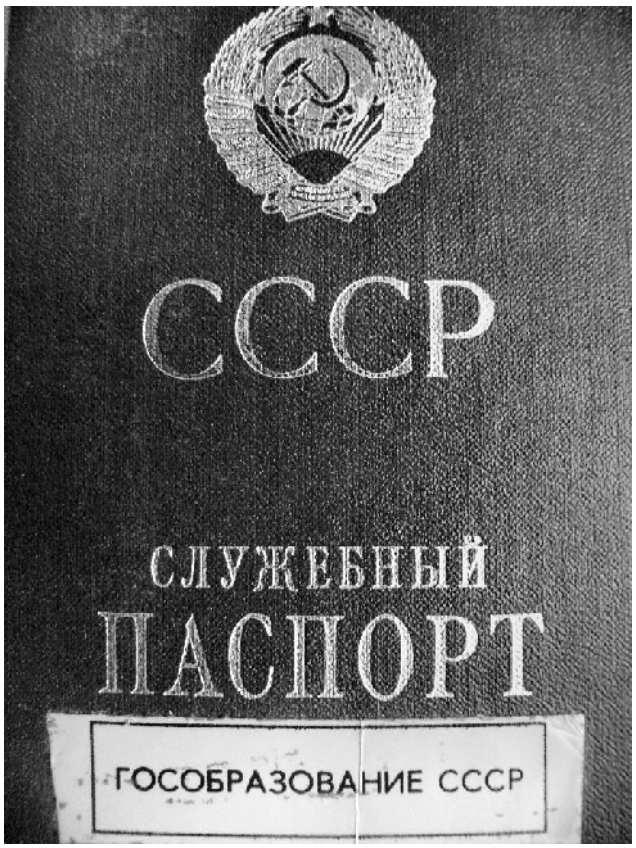
Председатель совета

Ученый секретарь совета

Однажды в Америке.

В 1991 году, через полгода после защиты, я впервые попал в капиталистический мир. Первый урок на тему «чем мы отличаемся от американцев» был преподан мне сразу по прибытии в Калифорнию. В аэропорту Сан-Диего меня встречала мужеподобная девица с мужским же именем Андрея, по фамилии Кук. Распоряжаясь по-ефрейторски, она бодро погрузила меня и багаж в грузовик и мы поехали. Проехали мы немного и заблудились, поскольку Андрея тоже приехала сюда из Мичигана только вчера и города толком не знала. Любой русский человек в такой ситуации стал бы опрашивать прохожих, но Андрея категорически отказалась прибегать к чьей-либо помощи. Пользуясь картой и указателями, она всего за какой-то час нашла дорогу, но тут у нас кончился бензин прямо посреди фривея.

Однако упрямая Андрея не стала голосовать, как, опять-же, поступило бы большинство моих соотечественников, а ушла пешком искать бензоколонку. В дальнейшем я понял, что это не личные особенности, а характерное следствие жизни в свободной конкурентной среде. Во всех аварийных ситуациях, в которые мы в дальнейшем попадали с моими американскими коллегами, они всегда старались решить проблему самостоятельно, и только когда все средства были исчерпаны, с видимой неохотой просили помощи. Как я понимаю, для них это, в первую очередь, означало публично признать свое поражение. А этого ни один американец вынести не может. Кстати, это объясняет, почему сами американцы всегда с готовностью предлагают свою помощь другим.



Еще один любопытный документ той эпохи. Вот по такому паспорту синего цвета мы тогда выезжали за границу. До конца империи оставалось совсем немного...

Впервые на Аляске (1991).

За починкой генератора.

Наш полевой начальник на Аляске, с дважды воинственным именем Роммель Зулуета, любил повторять, что если чего-то нельзя починить с помощью молотка, то этого нельзя починить вообще. На английском это звучит еще категоричнее. И он был прав.

У себя над столом, Роммель, которого без конца все донимали просьбами и вопросами, в конце-концов повесил табличку: «Now serve # 67» (сейчас обслуживается номер такой-то), как это делается для организации очередей в американских учреждениях. Когда его спрашивали, почему именно 67, он отвечал: «А ваш номер - 68».

В Барроу местные эскимосы чего только не придумают, чтобы заработать. Например, они предлагают «белым» американцам искупаться в Ледовитом океане и выдают им после этого свидетельство-сертификат, за 100$, подтверждающий этот факт. Мне тоже предлагали, но я отказался. Еще чего – стану я платить за риск собственным здоровьем. Но американцы соблазнились и пришлось мне их фотографировать. Однако поскольку льдины в этот день ветер угнал в океан, песок на берегу – он и есть песок, а люди в пуховиках в

кадр не попали, то поверить потом, что эти несколько напряженно улыбающиеся на фото люди в плавках и купальниках находятся не в Калифорнии (где водичка тоже холодновата), а при ледяном ветре и 4 градусах Цельсия в Арктике – оказалось совершенно невозможно. Так, что сертификат понадобился.

Пикник на мысе Барроу – самой северной точке Нового Света. Главное успеть, пока не пришли белые медведи.

Уроки демократии.

В сауне (бане, по-нашему) на биостанции Тулик-лейк (Аляска), зажатой между горами и кочкарной тундрой, я был шокирован тем, что все научные сотрудники, независимо от пола, моются и парятся все вместе. Потом привык.

В Барроу, в столовую, где мы каждый день обедали, однажды привезли американских военных, десантников с какого-то транспорта. Тут я впервые увидел, что представляет из себя американская контрактная армия, а также до чего может довести армию демократия. Это была совершенная по репрезентативности расово-поло-возрастная выборка. Я насчитал одинаковое количество женщин и мужчин, много негров, индейца, мексиканца, и трех китайцев. Все они, на глаз, были в возрасте от 20 до 40 лет, у троих были очки, один был коротышкой, другой явно страдал ожирением, а возглавляла их женщина-сержант ростом с хорошего баскетболиста. Самое смешное, что все это правда.

Революция – дело привычное.

В августе 1991, когда я работал в экспедиции на Аляске, в России случился, как все помнят, путч. Меня, который спал без задних ног после тяжелейшей 12-часовой смены в тундре, разбудили возбужденные американцы и пытались это втолковать. Как мне потом передавали, я выслушал информацию о перевороте, сказал «It's o'kay», и снова заснул. Когда я на следующий день проснулся, путч уже кончился. Как объясняла потом всем Ким Фэрроу, наша комендант общежития: «Для русских это обычное дело. У них что ни день, то революция».

Родственные души.

В Прудо-Бее, вахтовом поселке нефтяников на северном берегу Аляски, где мы базировались, царил абсолютно сухой закон. Нельзя было не только купить спиртного, но даже выпить то, что нелегально привезено с материка. За нахождение пустой бутылки из под виски безжалостно выгоняли с волчьим билетом. Однако, все та же Ким, как человек облеченный некоторой властью, временами умудрялась заложить за воротник. Однажды я вернулся в гостиницу из тундры глубокой ночью и застал ее в комнате отдыха в более чем задумчивом состоянии. Дальше состоялся такой разговор, естественно, на английском:

Ким (мрачно): «Дмитрий, вот ты мне скажи, ты любишь негров?»

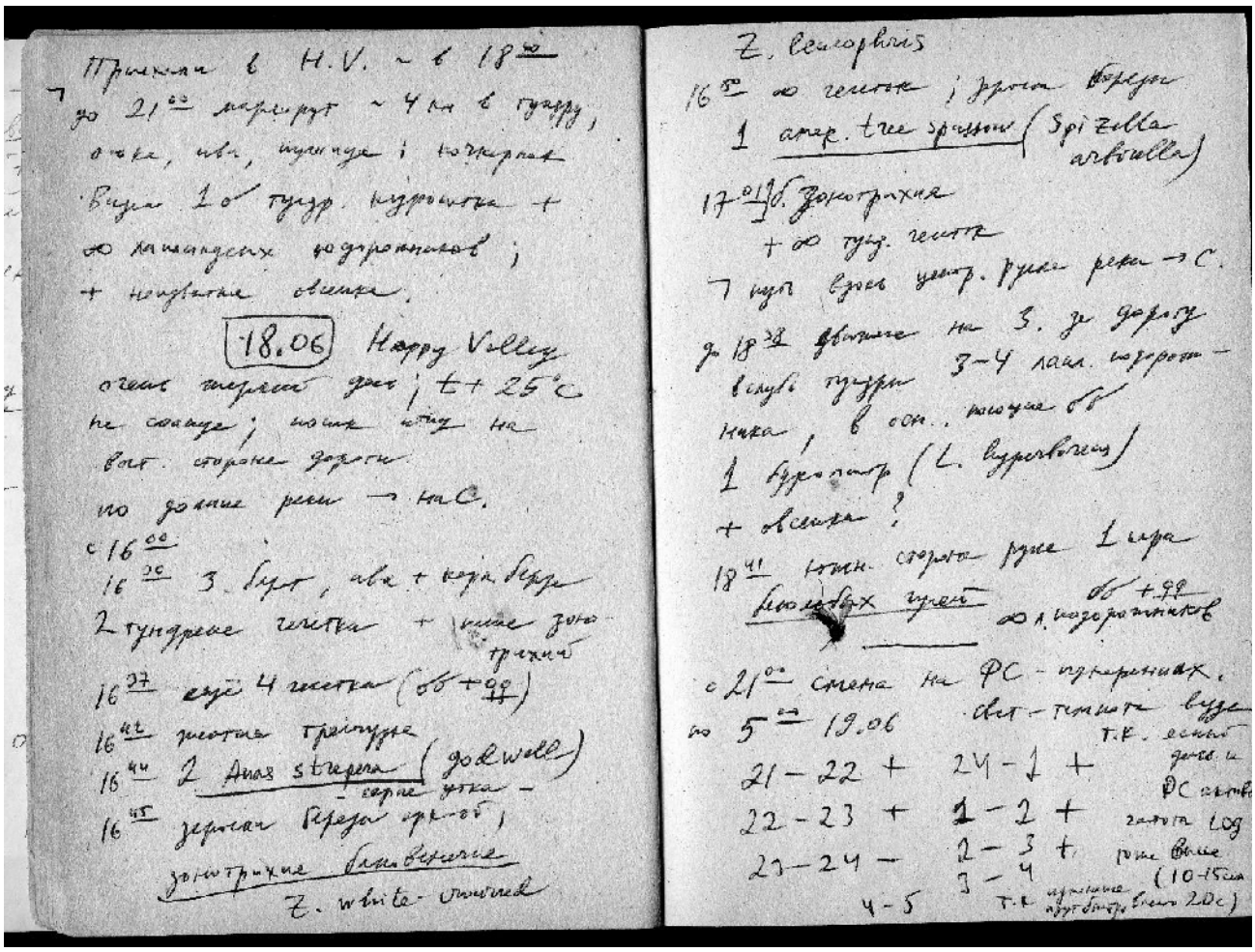
Я (несколько помявшись): «Нет»

Ким (явно обрадовавшись и с опаской глядя по сторонам): «Да?? И я тоже!» (после паузы, снова затуманившись): «А у нас их все любят. Но ты этому не верь. А вот водку я и правда люблю».

В Прудо, на двери нашей лаборатории, которую мы арендовали на мусоросжигательной фабрике, осталась надпись: «Plant engineers» - «Заводские инженеры». Это удивительно точно соответствовало тому, чем занимались мы, если использовать слово «plant» в его втором значении – «растение». Мы действительно ставили эксперименты с растениями в тундре. Вероятно, Мичурина тоже можно было считать «инженером растений». В той же лаборатории, но с другой стороны двери, висел плакат: «There is nothing impossible for the man, who doesn't have to do it himself» (нет ничего невозможного для человека, которому не нужно делать это самому).

Кто богаче?

Когда в 1991 году в Прудо-Бее мы на весь день уходили работать в тундру, то частенько набирали с собой в столовке бананов, чтобы было чем перекусить. Действительно, когда еще с бесплатными бананами в тундру пойдешь! На Таймыре было по-другому. Прежде чем выйти в тундру, мы запасались балыками из красной рыбы и осетрины, изготовленными местными рыбаками в самодельной коптильне. Так какая же страна богаче?



Разворот американского полевого дневника. Сколько же их еще будет исписано... И не сосчитаешь. Справа обращает на себя внимание раздавленный комар.

Уроки английского.

Однажды на Аляске нам с Замолодчиковым потребовалось срочно отослать свою переделанную статью в какой-то европейский журнал. При этом мы столкнулись с неожиданным препятствием. В Европе, как известно, используется формат бумаги А4, а в Америке вся бумага в быту только размера «леттер», которая несколько длиннее и шире. Обыскав весь Барроу, мы выяснили, что бумаги А4 здесь нет. Как известно, спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Пришлось нам сесть за стол и с помощью ножниц и линейки укоротить целую пачку «леттера». Угробили на это весь день. На недоуменные вопросы американцев, чем, это, мол, мы занимаемся, отвечали, что исправляем заводской брак.

В американском языке (да и в английском) есть два родственных выражения: «to take a shit» и “to give a shit”. Первое, как ни странно, означает не «брать дерьмо», а совсем наоборот, а второе – не то, что вы подумали, а используется для обозначения человека, которому на все плевать (в смысле: «he doesn’t give any shit»).

На Америке я потихоньку коллекционировал местный арго. Больше всего меня заинтриговало многообразие синонимов и выражений к глаголу «помереть». Вот некоторые наиболее виртуозные и цензурные:

To keel over – буквально: «кильнуться», «перекинуться», т.е. перевернуться вверх килем. Наиболее подошло бы для байдарочников.

His time has run out (he's run out) – его время вышло, он скончался. Мирное выражение, применяемое, если умер почтенный и пожилой человек.

He (she) bought a farm (bought the big one) – буквально: купил ферму. Мое любимое выражение на эту тему. Русский аналог совершенно неизвестен. Вероятно, в капиталистическом мире исчезновение человека на этом свете может быть оправдано только покупкой им чего-то значительного на том свете.

He is belly up – буквально: брюхом кверху. Для рыбаков и охотников.

To croak – загнуться.

To pass on (away) – что-то вроде «весь вышел» или «ушел».

To go to heaven (hell) – уйти на небеса (в ад). В зависимости от отношения к покойнику используется первое слово или слово в скобках.

To expire (expired) – пожалуй, самое американское из этих выражений: «израсходовался».

To drop dead – пал мертвым. Пожалуй, военное.

To beat the dust – буквально: «взбить пыль». Должно быть, пришло с Дикого Запада.

To kick the bucket – буквально: «пнуть ведро». Довольно сюрреалистическое выражение. Очень отдаленным русским аналогом будет, пожалуй, «сыграть в ящик». Я долго не мог понять откуда оно взялось, пока в очередной раз не пересмотрел свою любимую комедию Стенли Крамера «Этот безумный, безумный мир». Если помните, в начале фильма есть момент, когда умирающий гангстер в агонии вдруг конвульсивно дергает ногой и бьет по пустому ведру, которое валяется рядом. Вероятно и для Крамера это выражение было не меньшей загадкой, но со свойственным ему даром комедиографа он решил его употребить без слов и в буквальном смысле. Такая кинодеталь для посвященных.

Не менее замечательны американские выражения со словом «тошнить». Например, чего стоит «**to toss cookies**» (метать печенье), «**technicolor yawn**» (цветная зевота), или такой шедевр, как: «**to drive the porcelain bus**». Последнее буквально переводится, как «водить фарфоровый автобус». Смысл в том, что когда человек, мягко говоря, перебрал, то иногда в туалете ему приходится освободиться от избытков содержимого желудка прямо в унитаз (сделанный, как известно, из фарфора), держась при этом за его края, как за руль. Пожалуй, многовато натурализма, но какова метафора.

На Аляске, Андрея Кук (как уже говорилось, это девушка) однажды выдала народное мичиганское выражение «**go to b.f.e**.» (гоу ту би эф и), в смысле – «а

пошел ты на...» Выражение всем очень понравилось, только смущала аббревиатура «b.f.e.». На вопросы Андрея неохотно пояснила, что это значит «butt fucking Egypt» (в задницу траханый Египет). И с чего вдруг Египет? Странные эти американцы. Впрочем, для калифорнийцев это выражение тоже оказалось незнакомым.

Будет вам и белка, будет и свисток...

По поводу английского языка позволю себе небольшое отступление. Профессор Алексей Меркурьевич Гиляров как-то рассказал мне такую правдивую историю. На сайте российской академии наук были вывешены списки входящих в ее систему научных институтов. Все бы ничего, только решили они зачем-то перевести все эти названия на английский. Ох, лучше бы они этого не делали. Больше всего не повезло бедному пущинскому Институту Белка. Теперь он широко известен как “The Squirrel Institute” (институт белки).

Вода – она и в Америке вода.

В первый же мой вечер в городе Сан Диего в Калифорнии Стив Хастингс повел меня в ресторан. А я не то, что в американском ресторане, в наших-то тогда не часто бывал. Шел 1991 год, в Москве карточки на сигареты недавно отменили. Ну вот, носят нам всякие неведомые штуковины, пиццы, «маргариты» с солью какие-то, ничего я не знаю и у Стива постоянно спрашиваю: «а это что?», «а это что?». Наконец, не узнал обыкновенную воду в стакане. Стив терпеливо объясняет: «В Америке, мы обычно называем это водой».

Этот ответ страшно развеселил людей за соседними столиками.

Злачная жизнь.

Когда мы вернулись после полевого сезона с Аляски в Сан-Диего, я некоторое время жил у Митча Дженкинса и его подружки Терри. Митч очень любил таскать меня с собой по злачным местам города, и всем показывать как диковинную зверушку. Однажды мы были на стриптизе, где понравившимся девушкам положено класть долларовые бумажки на подиум. Денег у меня тогда вообще не было, и я существовал, так сказать, по безналу. Поэтому Митч снабдил меня кучкой однодолларовых бумажек, чтобы я не чувствовал себя чужим на этом празднике жизни. И хотя девушки мне очень понравились, эти деньги я зажал и употребил потом на сигареты.

В другой раз мы пошли в ночной бар, куда дети до 18-ти не допускались. Вход закрывала огромная тетка-вышибала, которую Митч очень верно окрестил «Fat troll» (жирный тролль). Тетка наотрез отказалась признать, что мне больше 18. Тогда я достал из кармана свой охотничий билет, в котором часть номера походила на дату рождения, и вынудил-таки меня пропустить. Митч потом веселился, рассказывая знакомым, как я прошел в бар с помощью «Russian hunting license».

Приключения охотничьего ножа.

Этот охотбилет собственно оказался у меня по той простой причне, что я зачем-то вез с собой охотничий нож и наивно думал, что на него достаточно будет нашего документа. Злосчастный нож немедленно отняли секьюрити в аэропорту Сиэтла. Там какой-то негр определил, что он длиннее разрешенных дюймов. В общем, несмотря на попытки предъявить охотбилет, ножик у меня изъяли и я с ним простился.

Но не тут-то было. Спустя пару дней, пока мы в Фейрбенксе готовили грузовик, чтобы ехать на Север, ко мне в гостиничный номер вдруг явился уже другой негр. Этот принес с собой коробку на мое имя, размером с телевизор, но подозрительно легкую. С опаской я ее открыл, в ней оказалась коробка поменьше. Открыл и эту - в ней оказалась еще одна. В конце концов осталась последняя, самая маленькая «матрешка». В ней и оказался мой нож с этикеткой «Thank you».

Уолт попросил меня прочитать лекцию его студентам в университете Сан-Диего: «Да так вообще, расскажи им что-нибудь про Россию». Я всерьез готовился к этому целый час, даже на пляж с Митчем и Терри не поехал. Ну, вышел перед студентами, и что-то минут 20 рассказывал. Были даже какие-то вопросы. Высший комплимент мне сделала Терри, которая сказала, что все было очень интересно и она даже, кажется, что-то поняла.

Почему-то за границей постоянно находятся какие-то деньги (для сравнения, почти за полвека жизни на родине я ничего существенного не нашел). Например, когда мы были на конференции в Оппдале (Норвегия) в 1994-ом, Саша Пряжников нашел в конференцзале триста норвежских крон, что по тем смутным, еще полусоветским, временам было баснословной суммой. Да, честно говоря, других денег ни у кого из нас и не было. Мы втроем потом на эти деньги ездили на такси, пили пиво в баре, да еще накупили сувениров домашним. Другие русские из нашей делегации страшно удивлялись такому богатству, но мы тайну не раскрывали. На обратном пути, Пряжников в Осло на улице нашел еще 100 крон.

В Америке я тоже несколько раз находил по доллару, а однажды в зоопарке Сан-Диего обнаружил на тропинке купюру в 5 долларов. Наш общий друг Андраник Сулейманян, насколько мне известно, денег в Англии не находил, но когда у него закончились все средства, он два последних дня перед самолетом кормился в Лондоне возле фонтана перед Британским музеем, куда туристы кидали монеты. За день, по его словам, вполне набиралось на «fish-and-chips» и бутылку вина. Видимо, вероятность найти деньги на улице прямо пропорциональна богатству данной страны.

Нелегальный переход мексиканской границы.

Митч очень хотел, чтобы первое посещение Америки запомнилось мне на всю жизнь (забегая вперед скажу, что так оно и вышло). Для жителей Сан

Диего, живущих в паре десятков километров от границы с Мексикой, любимым развлечением сужит поездка туда на уик-энд, на пляжи нижней Калифорнии. У Митча мое посещение Мексики было чуть ли не главным пунктом в калифорнийских планах и он страшно расстроился, узнав, что моя виза однократная и однажды выпустив, обратно меня уже не впустят. Увидев такое расстройство Митча я сказал, что готов рискнуть свободой. Мы стали готовиться к переходу. Мы сидели у него дома на ковре и пили пиво. Митч играл роль пограничника и коварно спрашивал у меня: «What is a country of your citizenship?» (назовите страну вашего гражданства). По сценарию я должен был ответить всего два слова: «United States». Но мой ответ никак не удовлетворял Митча. Мы пробовали снова и снова, наконец, сократили мой ответ до двух букв «US», но и это не помогло.

В конце-концов Митч сдался, и сказал, что русский акцент непобедим и сделать с ним ничего нельзя. Но это меня не должно огорчать, так как мексиканцы туда всех пропускают без разбора, а на обратном пути американский пограничник скорее всего ничего не спросит, машину и так пропустит, а мне надо лишь стараться не выглядеть, как мексиканец, и молчать. В назидание он рассказал мне историю с одним немцем, приятелем Стива, который сдуру на обратном пути из Мексики в Америку открыл рот, что-то спросил и был немедленно разоблачен как немецкий шпион. Потом ему пришлось ночью бежать через забор обратно в Америку. Ну, в общем, у нас все прошло хорошо, нас никто не разоблачил, а пока мы ждали своей очереди пересечь границу, я наблюдал много интересного.

От моря в сторону пустыни идет высокий бетонный забор, но даже без колючки поверху, так что на нем всегда сидит полным полно мексиканцев, которые свесив ноги на американскую сторону, ждут когда полицейская машина отъедет в сторону. Тогда они сразу сыпятся с забора, как горох, и бегут что есть духу в страну свободы. Полицейские с огромными пистолетами их, конечно, тут же вяжут, надевают наручники и зачитывают права. Выглядит все это как в кино, и зрители съезжаются это наблюдать со всего Сан-Диего, по-моему. Туристы фотографируют, полицейские и пойманные преступники позируют, все довольны. Пойманных мексиканцев сажают в машину и везут отнюдь не в тюрьму, а метров двести до пограничного перехода и тут же выпускают на ту сторону. Через две минуты те же чумазые лица опять, улыбаясь, сидят, болтая ногами, на заборе и оживленно обсуждают с соседями особенно удачные детали побега. Одним словом, Голливуд, или шоу под названием «граница на замке». Самое смешное, что забор этот кончается тут же в пустыне, через пару километров. Но так, видимо, интереснее.

И раз уж речь зашла о переходах границ, то следующая история будет про **нелегальный переход границы...**

...по-аргентински.

Когда мы с друзьями путешествовали по Чили в 2002 году, оказалось, что попасть на чилийскую половину Огненной земли можно по суше только через

Аргентину. Чили южнее города Пуэрто-Монт - это сплошные фьорды, ледники и горы. Поэтому все садятся здесь на автобус и больше суток едут в объезд через Анды и аргентинскую Патагонию, чтобы снова попасть в Чили. Когда мы брали билеты, милая девушка в кассе спросила нас, из какой мы страны. Проверив по компьютеру она выяснила, что России в ее списке нет. Мы стали веселиться, мол, как это так, нет одной девятой части суши! Ха-ха-ха! Бедная девушка так засмущалась, что внесла Россию в список и выдала билеты. Знали бы мы чем это нам грозит, не стали бы так веселиться.

Въехали мы в Аргентину без проблем. Но вот обратно... На границе чилийской Патагонии, когда стали проверять паспорта у всего автобуса, выяснилось, что чилийские визы у нашей троицы однократные и обратно нас пустить уже нельзя. Но и в Аргентине оставаться нельзя, поскольку аргентинских виз у нас вообще нет. В общем бюрократический тупик. Была даже, помнится, какая-то кинокомедия про человека, который родился на франко-итальянской границе и бедолагу не признавала ни одна страна. Вот и мы попали в такое же положение. Собрался чилийско-аргентинский пограничный консилиум. Весь автобус разбрелся по пампе ждать их решения, поскольку оказалось, что по закону без нас ехать тоже нельзя. Польские туристы, которые перед этим кичились перед нами своей принадлежностью в Евросоюзу и безвизовостью, как-то сразу притихли, поскольку, видно, поняли, что именно наша визовость – это ограничение для их безвизовости, а не наоборот. Вот и старина Энгельс писал, что нельзя быть свободным в обществе, где кто-то несвободен.

Володя Янко был отряжен в качестве посредника и переводчика и время от времени докладывал нам о продвижении дела. Прошло часа три. К дискуссии, по словам Володи, уже подключились высшие силы в Буэнос-Айресе и Сантьяго. В конце концов, когда казалось, что этот гордиев узел уже не разрубить, в чью-то светлую голову в Сантьяго пришла блестящая мысль просто аннулировать наш нелегальный переход границы. Так, в наших паспортах появилась экзотическая надпись «Nulo», что значит «Ничего», и мы поехали дальше. Этот паспорт я до сих пор храню как реликвию.

... по-бразильски.

Когда через пару лет наша компания оказалась в Аргентине уже на легальном положении, мы также, вполне легально, оказались в соседнем Парагвае, на границе с Бразилией, в городке со странным названием Педро Хуан Кабальеро. Граница, можно сказать, делила город пополам. Мы попали в город в крайне неудачное время, когда повсюду шел многодневный карнавал. Сегодня карнавал был на парагвайской стороне и все харчевни и питейные заведения здесь были закрыты. А есть хотелось. В очередном закрытом кафе участливый хозяин сказал нам, - не парьтесь ребята, и идите в Бразилию, там все сегодня открыто. На наши робкие возражения, что, мол, виз у нас нету,

Я и Андро на «трес-фронтерас» - в точке, где сходятся три страны – Бразилия, Аргентина и Парагвай.

хозяин долго смеялся и только руками на нас махал, как будто мы сказали что-то очень смешное. Ну что ж делать, голод не тетка, пошли в Бразилию. Где она точно, никто сказать не мог, так что шли наугад, куда-то на восток.

Наконец, на одной из улиц Замолодчиков заметил негра, который сидел в тени посреди мостовой на стуле и спал, опершись на американскую автоматическую винтовку М-16. Похоже, это и была граница. Мы тихо прокрались мимо него и вскоре уже обедали в каком-то бразильском ресторанчике, где расплатились парагвайскими гуарани, а сдачу нам дали бразильскими реалами.

Обратно мы шли тем же путем уже намного увереннее, как тут обнаружилось, что негр с ружьем уже проснулся и сидит на стуле, глядя в нашу сторону. Отступать было поздно, и мы так и прошли мимо, трое в ряд, глупо улыбаясь ему деревянными улыбками, как Трус, Балбес и Бывалый. И все бы хорошо, если бы не Замолодчиков, шедший с краю. Когда мы проходили мимо стула, он вдруг наклонил голову и заискивающе сказал негру по-русски: «Здрассьте!». Но все равно обошлось.

... и по-панамски.

Перед тем как ехать в Коста-Рику, мы заблаговременно запаслись в Москве панамской визой. Кстати, не дешевой. Но так вышло, что на пустынной горной дороге в Коста-Рике нашу машину ограбили. При этом у Саши Алферова украли все деньги, билеты и паспорт с визой. По понятным причинам поездка в Панаму сама собой отменилась. Однако вскоре мы оказались на карибском побережье в обидной близости от этой самой границы. В конце-концов, я не выдержал и дождавшись случая, когда Замолодчиков ушел ловить бабочек, подговорил согласного на все Алферова перейти границу. Пикантность ситуации заключалась в том, что у меня была и виза и паспорт, а у Алферова не то что визы, но даже паспорта не было, а было только свидетельство о репатриации, которое он, кстати, тоже забыл взять.

Приехав на границу, мы выяснили, что пограничный переход представляет собой узкий мост над рекой, по которому толпами возвращался в Панаму народ, все больше индейцы с курами, мешками и детьми. Когда-то в прошлом по этому мосту ходили по узкоколейке поезда. Но сейчас он весь зарос травой и вид у него был совершенно заброшенный. Односторонность движения объяснялась тем, что граница в 17.00 закрывалась и все кто работал или торговал в более богатой Коста-Рике должны были вернуться в свой муравейник. У нас оставалось на все про все около 15 минут. Я и пошел. Чувствуя себя не очень уютно, пересек мост, но в будке пограничников никого не обнаружил. Вскоре по надписям стало ясно, что задача выполнена и я с облегчением бежал обратно в Коста-Рику, несмотря на крики панамцев, которые не понимали куда я устремился на ночь глядя и звали меня обратно.

Саша несмотря на полное отсутствие документов расхрабрился и тоже в Панаму сходил, а в доказательство того, что посещение было, попытался даже купить у местного торговца кусок хозяйственного мыла, но валюта оказалась не

та. Расслабленность из-за отсутствия полиции чуть не погубила нас на обратном пути. Нас вдруг остановил патруль и вежливо попросил документы. Я отдал ему наш единственный паспорт и в тот момент, когда сержант собрался было попросить второй, быстро сказал: «А этот сеньор со мной».

Ночевка на пляже. Саша Алферов, Володя Янко, я и Замолодчиков. Саша прикрывается рукой от падающих кокосовых орехов (Коста-Рика, 2007).

Ограбление по-итальянски.

Раз уж речь зашла об ограблениях, расскажу о случаях, произошедших с моими друзьями в разных странах. Классической, можно сказать, историей, было ограбление Димы Замолодчикова на какой-то конференции в Риме. После завершения конференции Дима сидел на перроне и ждал поезда, чтобы он отвез его в аэропорт. Все его вещи, включая деньги, кредитку, паспорт и компьютер, были в сумке. Сумку он поставил у скамейки. В какой-то момент она просто исчезла. Исчезла и все. В совершенно убитом состоянии Дима поздно вечером пришел пешком в наше римское консульство, где на долгие звонки у ворот наконец вышел какой-то подвыпивший человек и не вслушиваясь в бессвязные объяснения повел его за собой. Оказалось, что Дима попал в момент пересменки обслуживающего персонала, где охрана, шоферы, повара и уборщицы, в общем, народ, как это у нас принято, давал отвальную. Там его

случаю нисколько не удивились, напоили, утешили и положили спать. Тем, собственно, сердце и успокоилось. Дальше было дело техники, поскольку предусмотрительный Замолодчиков все свои документы вывесил в интернете. Через несколько дней Дима был уже дома.

...по-костариканski

Если в предыдущей истории Замолодчикова обвинить, в общем-то, не в чем, а стало быть и учиться здесь нечему, то случай с Сашей Алферовым более поучителен. Путешествуя в горах Коста-Рики, мы как-то вышли прогуляться по лесу. Мы с Замом, как люди опытные, взяли все ценности из машины с собой, а Саша - нет. Дальше пусть Саша сам рассказывает. «*На 72-ом километре горного тракта мы сделали рядовую остановку - размять ноги, поснимать пейзажи. Автомобильчик слегка отогнали в сторону от дороги, за пригорок, заперли, спустились в долинку растительных красот: под ногами мох, вокруг цветущие кусты и деревья в эпифитах. Долго гулять и не собирались - надо было спешить, ехать еще было далеко. Но «у свежей рыбы всегда есть свои планы на вечер». Когда мы вернулись к автомобилю, выяснилось... То есть я не увидел своей сумки, лежавшей до прогулки на заднем сидении. Такой хорошенькой, синей, с молниями. «Адидас». Поискал за сидением, в багажном отделении. Все напрасно. Озвучил свои проблемы спертым голосом и выслушал несколько шуток со снижающимся во времени уровнем юмора. Наконец, все стало ясно - грабеж среди белого костариканского дня* (причем произошло это недалеко от высокогорных деревень с названиями «Sibir» и «Alaska» - Д.К.). *Замолодчиков попытался взять вину на себя - уходил последним и двери, дескать, не закрыл. Но царапины на левой передней дверце прояснили дело. Грабёж со взломом!*

Решено было искать отделение полиции, дальнейший путь отменился сам собой. Дело в том, что в сумке, кроме одежды, бритвы и прочей ерунды, были деньги и документы. Деньги не все, а вот документы все: паспорт, билет на самолет, театральное удостоверение и ксерокопии всего этого. В чужой стране, без документов... Тюрьма не тюрьма, но домой можно и не попасть. Армии в Коста-Рике и вовсе нет, а полиции очень немного, так что ее найти - задача. Поехали в сторону Сан-Хосе. Полицейский дорожный участок нашли минут через 20. Сотрудники всем отделением охали, ахали, не верили "в такое" и извинялись за державу. Но протокола составлять не стали и направили нас в город Картахену, в какое-то главное управление какого-то участка той дороги, на которой мы дали маху. Получив подробные инструкции по достижению цели, мы поехали.

Быстро стемнело, как будто кто-то задернул занавески. Дорога шла в горах, потому стало мрачно и мокро. Два часа, два печальных часа в длинном караване дальнобойных фур через дождевые облака добирались мы в Картахену. Еще полчаса искали уже в Картахене неуловимое полицейское управление по пять раз проезжая по одним и тем же переулкам. В управлении тоже поохали, поизвинялись за грабителей и велели куда-то ехать за снаряженным нам в провожатые полицейским "Ниссаном". Остановились

возле огромного здания какого-то, очевидно, департамента. Полицейские «сусанины» показали нам ручками на здание и уехали. На звонки у запертой двери департамента долго никто не отвечал. Наконец, явился какой-то веснушчатый молоденький полицейский, долго молча слушал карелинские упражнения в бытовом испанском и, не открыв дверей, удалился вглубь здания. Очевидно, звонить по телефонам сотрудникам учреждения домой, ибо был уже глубокий вечер - 7 часов - и большая часть служивых уже удалилась на покой. Еще минут через 15 синедрион костариканских полицейских мудрецов стал съезжаться к зданию. Когда съехался последний и молча прошел мимо, нас препроводили.

Разбирался в нашем деле господин по имени Романе без знаков различия и с внешностью мексиканского мачо, лет сорока пяти от роду. Допрашивал он, естественно, не меня, а Карелина, как единственного среди нас говоруна на испанском. Сначала господин Романе, правда, пытался вызвать переводчика из нашего посольства, но там почему-то (дело было ночью) никто не отвечал. Оказавшись на острие ситуации Карелин, как он потом признавался, почувствовал себя даже немного виноватым за этот редчайший для истории Кост-Рики, как нам пояснил г-н Романе, криминальный инцидент».

Тут я прерву Сашу, и расскажу немного о своих личных впечатлениях. Романе начал допрос обращаясь ко мне «сеньор Карелин», но только пока не дошел в заполнении анкеты до графы «должность и место работы». В испанском нет различия между словом «преподаватель» и «профессор», и мне пришлось для ясности отрекомендоваться как «professor». Услышав это, инспектор как-то весь сразу подтянулся и стал называть меня «дон Дмитрий». Это – высшее уважение в испанском. Так принято обращаться к послам и президентам. Наверное никто и никогда больше меня так не назовет. Но пусть Саша продолжает.

«Результатом сорокаминутного допросительства явился в конце концов внушительного вида трёхстраничный полицейский документ всем и всякому объясняющий, что я, Алфёров А.Л., русский артист, ограблен дочиста неизвестными лицами и с этого момента нахожусь под охраной республики Коста-Рика безвозмездно.

Документ этот по возможности буду хранить до любого своего конца. Он прекрасен! Костариканские чекисты сделали всё, что смогли. Они не стали заводить уголовное дело, открывать какое-нибудь там следствие и т.д. Зачем производить заведомо безнадёжные телодвижения? Кто и кого сможет поймать в этой благополучной стране, где ограбление, подобное нашему, происходит раз в 10 лет? Они сделали, что умели - написали подробную, пафосную бумагу. Да мы и не ожидали от них большего. Господин Романе проводил нас до порога, сделал ручкой и пожелал счастливого пути бархатным голосом.

Вернулись в хостел. Замолодчиков "засел в интернет" общаться с московскими друзьями. По его плану они должны были поехать ко мне домой, взять у соседки мои ключи, найти в квартире мой российский паспорт и через интернет прислать копию первой страницы в Коста-Рику. Зам полагал, что

без этой копии мне не дадут в российском посольстве справку для репатриации. Мы же с Карелиным кинулись в офис авиакомпании "Кондор" - надо было попытаться восстановить мои билеты в Москву. И нам это удалось! Наверное, только потому, что у меня случайно, в бумажнике, остался посадочный талон на рейс в Коста-Рику. И остались кое-какие деньги: "Операция" обошлась в 125 долларов. Попалась симпатичная кассирша. Она тоже извинилась перед нами за Коста-Рику. Затем две грустные операции: оплата штрафа за неправильную стоянку и сдача билетов в Панаму. Какая уже теперь Панама! "Горит дом, падают гвозди."

В хостеле опять нашли Зама за компьютером. Зам заявил, что адрес соседки я дал ему неправильный. И оказался прав: соседка моя живет не в 411 квартире, как я думал, а в 413-ой. Номеров на дверях в нашем коридорчике нет, сам я живу в 412-ой квартире, вот и подумал. А бедного Володю Янко (он ездил с нами в Коста-Рику, но улетел раньше), поставленного "под ружьё" Замолодчиковым, мои соседи из 411-ой квартиры стали выгонять с этажа и грозить милицией. Они, как оказалось, не знают ни меня, ни мою соседку Катю из 413-ой. Для Москвы это обычное дело. Тут мало кто знает соседей, зато много таких, которые и знать их не желают. Володя всё-таки нашел Катю в 413-ой квартире, но тут его ждала еще одна неприятность: Катя ключи мои потеряла. У неё был ремонт, все из дома выносили... и т.д. Искала и не нашла. Так что, накрылась копия паспорта из интернета большим, медным тазом. "Был замах, а удару не вышло."

Карелин позвонил в посольство. Его переадресовали в консульство в том же здании, к человеку по имени Кирилл Анатольевич. Кирилл Анатольевич пригласил, и к 15.00 мы пошли. Все втроем. Найти в Сан-Хосе русское посольство оказалось не так просто. Встречные костариканцы только пожимали плечами: "Не знаем, мол, ничего о таком не слышали."

Если бы мы не вспомнили, что видели на карте города рядом церковь Санта Терезита, не найти бы нам "русского дома" ни в 15.00, ни в 16. Про церковь прохожие знали. Вообще, в Коста-Рике мне стало казаться, что мы, россияне, очень уж преувеличиваем свою роль в мире. Из разговоров с местным населением я понял, что, очевидно, миллионы людей в этой стране живут вовсе о нас не думая, и даже ничего о нас не зная. Совсем ничего! Даже о пресловутых ракетах и медведях на улицах. И им хорошо в жизни.

Наше консульство оказалось огромным трёхэтажным домом с огромным же триколором на крыше. Вход в консульство охранялся детиной с автоматом и с таким же выражением лица. Однако имя Кирилла Анатольевича немедленно привело его в рабочий и любезный вид. Он препроводил нас в приёмную комнатенку и вызвал туда же Кирилла Анатольевича - то ли консула, то ли его помощника. Главного по соотечественникам, которые в беде.

Сначала он немного поважничал, но узнав, что я артист, - оживился и стал очень любезен. Молодой такой, длинненький, шевелюристый. И пошел он, как говорится, нам навстречу, тем более прочитав полицейский протокол из Картахены. Попросил, правда, всех присутствующих написать по заявлению,

*но никаких копий паспорта требовать не стал. Рассказал нам о русских в Коста-Рике, показал фотографии своего дяди - актера из Питера. Я даже припомнил некоторые дядины фильмы и спектакли (*это-то и послужило главным катализатором получения документа. – Д.К.*). На пике взаимной приязни написал, наконец, Кирилл Анатольевич мне бумагу о репатриации, хотя, по правилам, должен был дождаться результатов проверки в Москве. В ответ я пригласил его в свой театр: «будете в Москве, заходите», а Замолодчиков рассказал несколько подходящих к случаю анекдотов из жизни Организации Объединенных Наций».*

Спустя два месяца, в Москве, мы узнали, что консульство вместе с бедным Кириллом Анатольевичем было на сутки захвачено каким-то нашим вооруженным маньяком. А ведь как он, бедняга, радовался в разговоре с нами, что уехал с островов Зеленого мыса в такое спокойное место. Мы, что-ли, сглазили? Но так или иначе, был установлен новый мировой рекорд по получению этого документа. Саше это удалось за 2 часа, хотя обычно на это уходит несколько дней. Но этот рекорд продержался лишь несколько месяцев, пока не случилось ограбления...

...по-венесуэльски.

Летом 2007 наш общий друг, психолог Андраник Сулейманян поехал спецкором от еженедельника «Футбол» комментировать матчи финальной части чемпионата Южной Америки. Дело происходило в Венесуэле. Уже в конце чемпионата, когда он ночью ехал на автобусе из Маракайбо в Каракас, у него какой-то лиходей вытащил из сумки паспорт и деньги. Любой другой человек был бы в шоке или хотя бы расстроился. Но не таков наш Андро. Он спозаранку явился в наше консульство, всех там разбудил, и по его требованию ему за час (!) выдали свидетельство о репатриации, да еще и на еду денег дали (билет у него, впрочем, был). И все это на основании аккредитационной таблички корреспондента, которая случайно уцелела у него на шее. Чудны дела твои, Господи.

Андраник - человек уникальный. Был случай, когда он потратил все деньги в Буэнос-Айресе и за пару дней до самолета, как обычно, голодал и спал на площади. Наконец, пришел в аэропорт, предвкушая близкий бесплатный обед на борту, и вдруг выяснил, что прежде чем улететь на Родину, ему надо заплатить какой-то грабительский аэропортовский сбор, что-то около 15 долларов. В гневе от такой подлой буржуйской засады Андраник ворвался в офис ни в чем не повинной «Люфтганзы» и сверкая очами потребовал, чтобы они оплатили ему сбор или, по крайней мере, купили его швейцарский нож за 15 долларов. Самое невероятное, что «Люфтганза» заплатила. Нож, что ли, произвел впечатление.

На центральной площади Буэнос-Айреса и, правда, вполне можно жить. Только это тело не Андраника, а мое.

А вот про американские авиакомпании ничего такого хорошего не скажешь. По моим наблюдениям с начала 90-х они стремительно деградировали. Когда я впервые попал в Америку в 1991, то летел из Нью-Йорка до Сан-Диего на «Американ Вест». Была такая компания. В те счастливые времена не было никаких досмотров, провожающие целовались прямо на трапе, а в экономическом классе пассажирам предлагали чуть не ресторанное меню. На «Аляска аирлайнз» люди курили, пили, и им раздавали бесплатные колоды игральных карт.

Спустя 7 лет, возвращаясь с Аляски в Сан-Диего, мы буквально чуть не умерли с голода. За весь день непрерывных полетов нам два раза дали минеральной воды и по пачке крохотных галет с перцем. Прежде чем преодолеть тот же путь спустя еще 3 года, в 2001, умудренный горьким опытом, я заранее подготовился. Набрал бутербродов и банок с соками и чудно долетел. Никогда не забуду голодный взгляд человека, который сидел рядом со мной на рейсе Сиэтл - Нью-Йорк.

Больше я в Америку, слава Богу, не летал[9]. А вот ребята, кто продолжает эти подвиги, рассказывают, что чем дальше – тем страшнее. Сперва курить запретили, да так, что табак почти приравняли к марихуане. Бедные курильщики из аэропорта Кеннеди курить в Нью-Йорк на такси ездили. Потом за открытую банку своего пива кого-то с самолета сняли. После 11 сентября 2001 года раздевать начали чуть не до трусов. А уж более жутких и стервозных старых чучундр, чем американские стюардессы - я в жизни не видел. Нет, ребята, это не наш путь.

... и «танзанийски».

В Танзанию я попал в составе экспедиции моей однокурсницы, теперь известного антрополога Марины Бутовской (Коломийцевой). Однажды мы с ней вынуждено провели целый день в африканской деревне, ожидая пока местные «фунди» (умельцы, на суахили) закончат починку нашего лендровера.

Лендровер этот ужасно старый и все время ломается. Совершенно одурев от жары, мы с Мариной шли по главной улице сквозь толпу чернокожих людей. В этих местах белый человек («мзунгу» на суахили, что означает буквально «человек без кожи») настолько же редкая птица, как, скажем, негр в чукотском стойбище. Поэтому на нас просто пялилась вся улица. Толпы, правда, за нами не ходили, как это непременно случилось бы в Азии, но было от этого не легче.

Маленькие дети, возвращались из школы однополыми стайками в одинаковых симпатичных костюмчиках и вежливо здоровались. Одновременно они пытались применить на практике свои школьные познания в английском. Звучало это так: «Гуд э моринг, мадам». Подумав и посмотрев на меня, добавляли хором: «Энд э сэр!». Поддерживая игру, мы тоже хором отвечали как положено, и дети убегали смеясь, розовые (а не только черные) от удовольствия.

В конце улицы к нам решительно подошел негр, заслонил дорогу и сказал: «Stop! Give me one hundred». И прежде чем мы опомнились – убежал. Тут только мы поняли, что он просил у нас 100 местных шиллингов, что соответствует примерно одному рублю на наши деньги. Видимо, это была попытка ограбления.

Случай на Рапа-Нуи.

Наконец, самый недавний случай к ограблениям уж никак не отнесешь, скорее наоборот. Но страху я натерпелся... Дело было на острове Пасхи (по полинезийски - Рапа-Нуи). Попали мы туда с Замолодчиковым совершенно случайно, на обратном пути из Антарктиды. Обычно билеты туда бронируют аж за несколько месяцев, поскольку это территория Чили и попасть туда можно только по воздуху из Сантьяго. Да и рейсы не каждый день. Но нам повезло.

---

[9] Вот так откажешься от чего-нибудь, как оно тут же сбывается. Как я ни брыкался, но за последние 2 года мне пришлось туда дважды снова попасть. Но все равно, ничего там к лучшему в самолетах не изменилось. Разве что воду пока бесплатно дают. Единственное, что хорошо в Америке, так это то, что там ничего не меняется.

Этот крошечный остров, длина которого не превышает 20-ти километров, находится прямо посреди бескрайнего Тихого океана, и до ближайшей приличной суши от него несколько тысяч километров бушующего моря. Я это рассказываю, чтобы из дальнейшего было понятно, почему меня так напугала перспектива зависнуть на острове на неопределенное время. Мы провели там два чудных дня, но на третье утро, увы, надо было улетать.

Собрали вещички и пошли пешком в аэропорт. Там все рядом, и как мы умудрились заблудится в таком маленьком поселке я не знаю. Должно быть враг рода человеческого постарался, иначе дальнейшее не объяснить. Ведь говорил же я накануне Замолодчикову, что хотел бы, чтобы меня здесь похоронили. Через час все ускоряющегося бега трусцой мы поняли, что зашли непонятно куда и рискуем опоздать. Наконец, в поту выскочили на шоссе и стали ловить машины. Остановилась маленькая арендованная машинка, в которую мы еле втиснулись. Оказались польские студенты. Они любезно довезли нас до аэропорта и скрылись в клубах пыли. Подбегаем к регистрации, и тут я похолодел. На груди у меня все время болтался «кенгурятник» со всеми документами, билетами и деньгами. Теперь его не было. До меня начал доходить весь ужас положения. Если не улететь с этим самолетом, то можно и впрямь остаться если не навсегда, то надолго. А у меня еще и обратный рейс в Москву из Сантьяго, который придется покупать заново, а документы восстановить можно только в Сантьяго, и неизвестно сколько это займет времени...

В общем, все эти мысли бурей пронеслись у меня в голове и я начал действовать. Самолет уже должен был прилететь, но в ослепительно синем небе пока было пусто (потом выяснилось, что самолет этот летел с Таити и опоздал). Забрав у Замолодчикова его последние две сотни долларов, я схватил такси и помчался в местную полицию. Вся надежда была на то, что удастся улететь с этим самолетом. Билет-то был электронный. Но вот документов не было никаких. Правда Зам мог подтвердить мою личность, да и в интернете был вывешен скан паспорта, но в конечном итоге все зависело от полиции.

Полиции на острове оказалось две: обычная и туристическая. В туристической - мой сбивчивый горячечный рассказ офицера не особенно удивил. Он стал неторопливо выяснять у меня, где, по моему мнению, я потерял бумажник. Я сказал, что, видимо, в машине у поляков. Тогда полицейский стал обзванивать все прокатные конторы и спрашивать, нет ли у них поляков. Я понял, что это тупик и на двух языках стал умолять его бросить это безнадежное дело и написать бумагу, что я это я. На это офицер с радостью согласился.

Извинившись, что принтер не работает, он достал из-под стола невиданно пыльную печатную машинку и стал одним пальцем печатать с моих слов все что произошло. Причем имя и фамилию он просто записал с моих слов, ни секунды не сомневаясь в их правдивости. Пока мы печатали эту бумагу и исправляли ошибки, с грохотом сел самолет. Поставив залихватскую подпись и печать офицер стал убеждать меня не волноваться, мол улетишь ты, улетишь, и

вызвал патрульную машину. Она и доставила меня в аэропорт с сиреной и мигалкой, переполошив там всех.

Я ворвался в пустой зал и помчался к закрытой стойке регистрации, размахивая бумагой. Ко мне вышел огромный полинезиец и улыбаясь стал изучать бумагу, пока я сбивчиво ему все объяснял. Потом сказал: «Так это вы сеньор потеряли все документы?». «Это я». «Ну в таком случае идите вон к тому офицеру, у него для вас есть сюрприз». На ватных ногах я приблизился к офицеру. «Вы тот сеньор, который потерял документы?» «Ну да, это я». «Тогда идите вон к той сеньорите, она вас обрадует». Иду к сеньорите, которая с видом фокусника достает из стола мой «кунгурятник» и торжественно говорит: «Сеньор, местные жители нашли это в дорожной пыли».

Сказать, что я обрадовался – значит ничего не сказать. Я готов был схватить сеньориту в объятия (тем более, что она была довольно симпатичной) и озолотить неведомых местных жителей. Но юная сеньорита категорически отклонила злато и потребовала, чтобы я проверил по списку наличие всех найденных вещей. Больше всего меня умилило, что в списке помимо 200 евро и 83 долларов фигурировали и 22 русских рубля. Я расписался дрожащей рукой.

Тут сеньорита, слегка смутившись, сказала, что местные жители, которые нашли бумажник, просят меня оставить им свой адрес, потому что хотят со мной переписываться. Мне снова захотелось, чтобы меня похоронили на этом острове.

А был ли Паников?

Мое умение говорить по-испански неожиданно пригодилось в 1998 году в Барроу при довольно странных обстоятельствах. Мы все жили рядом с лабораторным фасилити в одноэтажном отеле, который больше напоминал длинный изогнутый барак с одиночными камерами. Отелем владел, как ни странно, эмигрант из Чили. И вот к нему на заработки приехала сестра с ребенком. Звали ее Алисия. Это была очень добрая и услужливая девушка, работавшая у брата уборщицей, но к сожалению, совершенно не знавшая английского. Мы с нашим американским шефом, профессором Уолтом Ошелем и Димой Замолодчиковым ждали приезда великого микробиолога Николая Паникова. Что-то он нам там должен был сделать. А поскольку самолеты на севере всегда опаздывают из-за погоды, то мы его встречали-встречали, да и упустили.

Стали Алисию допрашивать: прилетел, мол, мистер Паников? Прилетел говорит. А где он? Не знаю. А может не прилетал? Может и нет, сеньор. Ну и так по кругу. Бедный Уолт давай вспоминать испанские слова, какие он в школе учил. Но кроме «буэнас диас» ничего вспомнить к случаю не смог. Зам пытался нарисовать самолет и Паникова, но и это не помогло, поскольку, как выглядит последний, он успел позабыть. Тут они оба посмотрели на меня и я понял, что настал мой звездный час.

Я собрался с духом и произнес свою первую речь на испанском. Сказал я примерно следующее: «Алисия, мы много ожидать один ученый омбрэ. Он – русский омбрэ – летать туда-сюда, чтобы жить тут. Может быть понедельник, вторник, сегодня. Ты и он встречаться сегодня вместе?». Невероятно, но Алисия меня поняла и сообщила категорически, что никакого Паникова к ней не поступало. Оправдания ради скажу, что это была моя первая самостоятельная фраза спустя несколько лет после окончания курсов.

Из грязи - в князи.

Работая в Прудо-Бее, я подружился с одним рабочим все с той же мусоросжигательной фабрики. Через некоторое время знакомства он, видимо убедившись в моей лояльности открыл мне страшную тайну – в молодости он, оказывается, был шпионом и работал на ЦРУ, плавая на подводных лодках в полярных широтах. «А теперь я сжигаю мусор», - гордо заключил он.

Наблюдая за жизнью американских рабочих на Аляске я пришел к выводу, что они отличаются от наших работяг прежде всего тем, что гордятся тем, что они заняты физическим трудом. Поэтому они после работы сразу не переодеваются в цивильное, а так и ходят в робах и комбинезонах. А наши после работы стараются как можно быстрее переодеться в чистое, чтобы никто не заподозрил, что они занимались тяжелым физическим трудом. У нас это стыдно, у них – почетно.

В Прудо-Бее.

Прудо-бей – режимный поселок на краю Ледовитого океана. Как-никак, здесь добывают почти всю собственную американскую нефть. Въехать и выехать оттуда просто так нельзя. На въезде и выезде посреди тундры стоят «Check points», где проезжающие в машинах должны предъявить свои права. На шее у всех нас висели «бэджи» с личным номером и остановившись перед контрольным окном надо было четко и ясно выкрикнуть этот номер офицеру и ответить на его вопросы. Тогда я был там единственным русским и один из офицеров любил развлекаться, делая вид, что ничего не понимает из того, что я говорю. Приходилось несколько раз орать одно и то же по слогам. Обозлившись на все это, я как-то подговорил моего коллегу Джорджа Волрайтиса поехать со мной, спрятаться за сидением водителя и громко и внятно отвечать на вопросы офицера, как суфлер. Я же, как в мапет-шоу, только рот раскрывал. Офицер был так поражен этой внезапной лингвистической метаморфозой, что после только рукой махал, чтобы я быстрее проезжал, и вопросов больше не задавал.

Belts on, glasses on, lights on!

Эта магическая формула означает: «Ремни, очки, фары!». Так ездили по Прудо-Бею. Если первое и последнее требование поддается объяснению, то зачем водителю нужно одевать пластиковые защитные очки – совершенно неясно. Причем мои собственные очки не засчитывались, и приходилось ездить, надев на нос обе пары, как крыловской мартышке. Из-за этого я ничего толком не видел.

Прудо – поселок машин, где пешеходов нет вовсе. Это и не удивительно, поскольку по улицам там свободно разгуливают бурые медведи, а их задницы часто торчат из помоек. Хватает там и других животных, например, оленей-карибу и песцов. Но еще веселее в этом отношении в Барроу, где поселок терроризируют белые медведи. Я однажды видел, как белая медведица с медвежонком спала прямо перед супермаркетом на главной улице, а полицейская машина охраняла ее покой с мигалкой (но без сирены, чтобы не будить спящего зверя) и пускала всех в объезд.

Так что, если какой-нибудь иностранец спросит вас, правда ли, что в России по улицам бродят белые медведи, можете смело отвечать, что такое возможно только в Америке.

Когда я в полном одиночестве работал в центре п-ва Сюард (Аляска) летом 2001 года, американские власти почему-то запретили мне использовать ружье, которое предполагалось для защиты от медведей, однако патроны к нему оставили. Видимо, следуя логике американских бюрократов, русский человек с ружьем посреди Аляски – это начало гражданской войны за отделение полуострова, но лишение боеприпасов – это уже нарушение демократических прав. Так я и остался посреди остервенелого зверья без ружья, но зато с горстью патронов. Для самообороны, кроме перцового спрея, купленного по случаю в Номе, и фальшфейера, ничего не было. Когда надо было идти до полевой базы пешком, то часть пути, около двух километров, я шел вдоль реки, по медвежьей тропинке среди густых ивовых зарослей высотой больше двух метров, где видимости не было никакой. Чтобы хоть как-то предупредить нашу встречу и не напугать зверя, я привязал к станине рюкзака самодельный колокольчик. Но напряжение осталось, тем более, что я понятия не имел какой эффект произведет этот нехитрый ямщицкий инструмент на американского медведя.

Эскимос поневоле.

Расскажу о мотовездеходах - «фо-выллерах» (от «four wheeler» - четырехколесник). Эти своеобразные машины – помесь автомобиля и мотоцикла с ужасным норовом, хорошо известны теперь и у нас. С одной из них у меня связана история, после которой я с подозрением отношусь ко всему, имеющему ручные тормоза и мотоциклетный руль. Во время моего первого посещения Аляски в 1991 году мы оказались на мысе Барроу – самой северной точке Штатов. Чтобы добраться от поселка до мыса на песчаной косе,

выдающейся в Ледовитый океан, есть единственный способ – вездеход. На мою беду, тогда еще не успели ввести запрет на их трехколесную модификацию из-за ее выдающейся травмогенности. Вскоре я испытал это на себе.

Отсутствие мотоциклетных рефлексов привело к тому, что вместо ручного торможения я применил ножное (нормальный рефлекс автомобилиста) и со всего размаха врезался в стену какого-то склада. В результате были супротивно сломаны рука и нога, о чем позднее сообщил мне прилетевший из Анкориджа врач. От мотоцикла тоже мало что уцелело. Но все это не помешало мне вместе со всеми добраться на мыс Барроу, скакать там по льдинам и фотографировать (издалека) белых медведей. По возвращении все тайное стало явным, и в местном госпитале подвыпившим ренгенологом мне были кое-как наложены гипсы. На одном из них мой друг и коллега Митч Дженкинс написал фломастером: “Ralph Nader was right!” Он имел в виду, что этот политик баллотировался тогда в конгресс США как раз под лозунгом: «Запретить к чертовой матери трехколесники!». Впрочем, вскоре он добился своего, и хочется верить, что в его успехе (относительно недавно он участвовал уже в выборах президента) есть и мой скромный вклад.

Вот он, этот страшный мотоцикл. Правда, уже о четырех ногах.

Правоту Найдера я осознал уже в госпитале, когда увидел десятки собратьев по несчастью. Кстати сказать, по вине коллег-американцев, у меня не оказалось медицинской страховки.

Спас меня, во всех смыслах, прилетевший из Анкориджа врач-травматолог, доктор Пейтон, который недавно стажировался в Иркутске, и еще не успел забыть горячего русского гостеприимства. Узнав, что я из России и без страховки, он спросил меня – не принадлежу ли я к какому-либо национальному меньшинству у себя на родине. Услышав, что, к сожалению нет, вздохнул и со словами «А запишу-ка я тебя эскимосом», нарек вашего покорного слугу Диком Киком. Теперь я на полном основании мог лечиться за счет ничего не подозревающих американских налогоплательщиков. Наутро местная газета вышла с моей фотографией под сенсационным заголовком: «Русский приезжает в Барроу и разбивается о стену».

Звериный оскал капитализма.

На этом злоключения с гипсами не кончились. Когда мы вернулись на самолете в Прудо-Бей, нехорошие люди в белых халатах из местной клиники заявили, что поскольку у меня, дескать, страховки нет, то и гипсы мне придется снимать самому. Спустя три недели я так и сделал – сел в тундре на камень и с помощью долота и кровельных ножниц срезал гипсы.

Перед тем как снять гипсы, я совершил в них беспримерное «гинесовское» (в смысле книги рекордов, а не сорта пива) восхождение на гору высотой более 2000 метров. Свидетелем этого беспримерного подвига и его вторым международным участником стал длиннющий и очень обаятельный норвежец Андерс, недавно присоединившийся к нам с целью изучения растений.

Для восхождения я выбрал самую пологую из гор хребта Брукс. Поскольку на ногу в огромном гипсе подобрать обуви я не смог, то просто примотал к гипсу скочем толстую подметку. В трудных местах подъема я помогал себе костылем. Андерс был восхищен. После успешного восхождения он сказал мне, что я первый человек в мире, совершивший это в двух гипсах. Получить одобрение от соотечественника Амундсена и Нансена было, признаюсь, приятно. Еще Андерс любил повторять на норвежско-американском диалекте: «Если ты, собака, не приедешь ко мне в Норвегию, то ты – дохлятина (dead meat)».

Ночной гость.

Поскольку все наши почти постоянно находились на работе в поле (тундре), то обслуживал себя в Прудо-Бее, несмотря на два гипса, я сам. Вскоре я уже настолько наловчился, что неплохо управлялся с машиной, давя на акселератор гипсом, ездил встречать людей в аэропорт и на заправку. Костыль мне сварили из нержавейки знакомые рабочие на фабрике по сжиганию мусора.

Однажды глухой ночью я приехал заправлять машину. На единственной в Прудо бензоколонке, как обычно, не было ни души и царило полное самообслуживание. Система была очень простой: надо было самому залить в

бак бензин и записать в замусоленную тетрадочку свою фамилию и количество галлонов. Я настолько привык, что никто этого не контролирует, что не сразу заметил постороннего.

Им оказался полицейский, который смотрел на меня в полном ступоре. Тут только до меня дошло, с каким зрелищем этот бедолага столкнулся в два часа ночи. Представьте, как на территории, где добывается стратегический запас нефти США, из подъехавшей машины вылезает человек в спортивном костюме, на одной ноге которого гипс по колено и больничный тапок, а другая обута в зимний сапог. Левой, тоже загипсованной рукой, он придерживается за дверь, а правой достает огромный сварной костыль из кабины и опираясь на него начинает заливать бензин. На робкий вопрос полицейского, что случилось и кто я такой, я бегло пояснил, что я русский, который разбился на днях в Барроу. Неужели он, мол, не слышал? Извинился, что опаздываю, и быстро уехал. Замечу, что ни о какой проверке документов и речи не было. Как можно человеку не поверить.

Эхо былого.

История с аварией долго аукалась в веках. Когда я снова приехал в Барроу в 1999 году, там оказался на стажировке Гена Зеленский из Лаврентия (Чукотка). Как единственные на тот момент русские в поселке мы, конечно, познакомились и часто общались. По рабочим надобностям я постоянно ездил на нашем служебном вэне (род микроавтобуса) и никак не мог взять в толк,

Гена Зеленский со своим любимым джипом в Лаврентия. Уж здесь-то никто не пересадит его на велосипед.

почему Гена, приписанный к далеко не бедной американской околонаучной организации, – ездит на велосипеде. В ответ на мое недоумение Гена сказал с печалью, что он неоднократно поднимал этот вопрос, но несколько лет назад какой-то русский раздолбай умудрился врезаться здесь в стену, и с тех пор все что имеет больше двух колес – для русских табу. Я сочувственно промолчал.

Обыкновенный коммунизм.

В Прудо-Бее я наконец-то попал в давно обещанное нам коммунистическое будущее. Всем аккредитованным в поселке нефтедобытчиков организациям, за счет нефтяных компаний предоставлялось бесплатное житье со всеми удобствами да еще и питание в ресторане. И какое питание! Ведь это был голодный 1991 год, когда в Москве в очередной раз ввели карточную систему. На прудобейский ресторан даже американцы с материка диву давались. А я первое время настолько ошалел от обилия незнакомой, одуряюще пахнущей разноцветной пищи, что набирал всего на несколько тарелок с горкой, так что сразу не мог унести. Все это, конечно, оставалось несведенным, но мой желудок еще долго не мог поверить в такое счастье и требовал запасов. Это было как в рассказе Джека Лондона «Любовь к жизни», столь любимом В.И. Лениным. Как известно, там главный герой после своего спасения из голодной тундры, еще долго прятал на корабле еду под свой матрац.

Лишь спустя полмесяца я, наконец, стал есть как все, и до самого конца пребывания отказался сперва от хлеба, а потом и от супа. Это напрочь разрушило нами же придуманную легенду о том, что русские ничего не могут есть без хлеба, и за стол без супа не садятся. Оказалось, что это не наша национальная особенность, а всего лишь результат хронического недоедания (что, впрочем, тоже можно считать национальной особенностью). Самое приятное в прудобейском образе жизни было даже не полное отсутствие денег в быту, а круглосуточно открытый ресторан. Люди там работают на вахтовой основе, круглые сутки, отсюда и такой приятный режим. Войти в ресторан, рассчитанный одновременно человек на триста, можно было совершенно свободно, разрешений никто никогда не проверял. Да и откуда тут, на краю Света, случайный человек?

Помню в какой тупик впервые поставил меня вопрос повара-негра, который всего-лишь спросил: «How would you like your steak, sir?». Когда коллеги-американцы объяснили мне, что он всего-лишь спрашивает: «Как Вы бы хотели Ваш стейк, сэр?», т.е. интересуется желаемой степенью его прожаренности, я чуть не расплакался от умиления. Возможные варианты ответа: with blood (с кровью), medium (средне), well done (хорошо прожаренный) я вскоре знал назубок, и выдал бы даже разбуженный среди ночи. Никогда, говорил я себе, никогда больше никто не спросит меня о том, каким бы я хотел свой стейк! Клубника со сливками вообще была дежурным блюдом. Натуральные соки лились просто из крана. Несколько автоматов с мороженым, горы салатов.

На день независимости, 4 июля, повара превзошли самих себя. В числе прочих блюд нам был подан черепаховый суп и ноги камчатских крабов, разрезанные вдоль, на льду, под лимонным соком. Свет при этом приглушили и сделали нежно-розовым (может быть они читали рассказ Станислава Лема «Альбатрос»?). А огромный торт со свечами ввезли в полной темноте.

После такого обеда мы долго не могли встать, чтобы дойти до стоянки. В нашей гостинице была еще и собственная круглосуточная столовая, комната отдыха с телеэкраном во всю стену, бильярд, пинг-понг, всякие настольные игры, гимнастический зал, сауна, джакузи и, кажется, что-то еще. А в каждом номере был телевизор с парой десятков каналов. И все это совершенно бесплатно. После возвращения с Аляски «на материк», в Сан-Диего, мы долго не могли привыкнуть, что за бензин, еду, стирку и ночлег надо платить долларами. Как человек несколько месяцев проживший при коммунизме, авторитетно заявляю: это хороший строй и зря его ругают.

Когда я три недели был в гипсе, то целый день один-одинешенек работал на компьютере или мерил на хроматографе привезенные ребятами из тундры пробы метана. Ночи в гостинице я любил проводить так. В нашей столовой, где ассортимент был почти как во «взрослом» ресторане, я набирал соков, делал себе попкорн (научился), наливал из автомата огромный бумажный стакан кока-колы, засыпал в него льда из другого автомата, набирал мешок сэндвичей и пирожных из холодильного шкафа и шел к себе в трехкомнатный номер смотреть, вообще-то, платный (но не для нас) канал HBO (Home Box Office), по которому круглые сутки шли невиданные американские фильмы. Чего я только тогда не посмотрел! Сказки Шахерезады! Ведь я и видеомагнитофон-то впервые увидел только за год до этого.

Пошутил.

В 1998 году на Аляске вышел такой случай. Мы должны были лететь на маленькой, 7-местной «Сесне» из Барроу в Аткасук – эскимосское поселение в тундре. А в Штатах неважно на чем ты летишь – все «палочки должны быть попендикулярны» и раз пилоту положено рассказать пассажирам о правилах пользования воздушным судном, значит без этого – никак. Пилоты на таких самолетиках обычно делают это с видимым небрежением и страшно быстро. И вот, пилот вполоборота к нам, привычным речитативом проборматывает стандартную кашу из английских слов, где можно разобрать только отдельные слова «belts.., do not.., oxygen mask..., welcome.., altitude.., see again..». Я слушал, слушал, да возьми со скуки и скажи: «А теперь повторите все это, пожалуйста, на русском». Пилот, который до этого момента, продолжая усыпляюще бормотать, мирно готовился к полету, аж подпрыгнул в своих ремнях: «Так тут все русские, что-ли??» Оказалось, что это наш русский авиатор из Ташкента, который давно летает на Аляске. Никогда не видел, чтобы человек так удивился. После мы с ним подружились и даже играли в футбол против эскимосов.

Барроу в начале июня. Детали снеговичка мы с Клеем сделали из маслин, принесенных из столовой.

Наш научный интернационал на фоне сугроба (Барроу, июнь 1999).

Кореянка Хьюджин, японка Киоко, калифорниец Клей, племянник Уолта и я, во время подъема упавшей измерительной башни (Барроу, 1999).

Братья-блюз.

Пищу в Аткасуке, в местном фасилити, нам с Замом готовила удивительно глупая толстуха, которая узнав, что мы русские, стала относиться к нам с большим подозрением, видимо, опасаясь, как бы мы чего не сперли. Сперва она почему-то напрочь игнорировала наши попытки говорить с ней по-английски, но на третий день, собравшись с духом, вдруг спросила: «Are you brothers? (вы братья?)» На это ей было отвечено, что, к счастью, нет. Надо сказать, что спутать нас с Замом затруднительно: он весит килограммов 120, а я – только 80, зато выше его на полголовы. Общими у нас были только национальность, акцент и наличие очков. Вот они-то, видать, и ввели американскую бабку в заблуждение.

В тундре тоже бывает жарко. Слева направо: тень Замолодчикова, я, Уолт Ошель, Роммель Зулуета и Стив Хастингс (Аткасук, 1998).

Экосистема, как она есть.

В сезоне 1999 года, в Барроу на Аляске, помимо основной работы мы были вынуждены довольно много времени отрабатывать «на барщине», т.е. помогать американцам в проведении их экспериментов. Для этого приходилось часами по очереди дежурить на анализаторах в тундре, записывая измерения. Дело для нас это было рутинное и, прямо скажем, скучное. Каждый развлекался при этом, как мог.

Я, например, от нечего делать, в перерывах между замерами делал записи фломастером на широких досках-мостках, по которым мы ходили, чтобы не повреждать тундру. Я представил себе, что это деревянное полотно под моими ногами – книга отзывов американских обывателей, которые попали сюда впервые, и неожиданно столкнулись с понятием «экосистема».

В частности, один из моих гипотетических посетителей (разумеется, я излагал все на английском) писал: «Уважаемые господа! Мы с моим сыном и женой с большим интересом ознакомились с Вашей Экосистемой. У нас в Вайоминге экосистем еще нет, поэтому для меня и моей семьи было приятно узнать, что Вы достигли здесь столь выдающихся успехов и всецело находитесь на пути американского прогресса. Да поможет Вам Бог!». Подписано:

«преподобный Джон Болл, эсквайр». Другой спрашивал: «Джентльмены! Я внимательно прочитал все, что смог узнать по поводу вашей т.н. «экосистемы», однако так и не выяснил, служит ли эта организация благому делу, или является католической. В последнем случае, я требую вернуть мне заплаченные мной 3 доллара и 20 центов за вход в вышеозначенную экосистему, поскольку вот уже тридцать лет принадлежу к протестантской церкви. С уважением, Йон Йонсен из штата Висконсин».

Следующая запись: «Здрасьте. Я канешна чилавек не очень та граматный но и дурачить себя никаму ни пазволю как я есть всеми уважаимый у нас в гораде и никто у нас там слыхом не слыхивал про эти ваши дурацкие икосистемы а ежели кто у нас такое устроит так иво и на шисте пракатить недолга как эда макбейна в прошлом годе. С совершенным почтением Чимбалайя Дупельхаус».

«Господа! Я студент, изучающий юриспруденцию и меня чрезвычайно восхитила Ваша Экосистема. В частности, я хотел бы стать ее членом и готов платить посильные взносы, чтобы приносить таким образом пользу нашей Великой стране. Прошу срочно сообщить мне по прилагаемому адресу, могу ли я надеяться стать ее официальным членом. Сердечно Ваш, (подпись неразборчива, адрес тоже)».

Пока я все это сочинял, то хохотал на всю тундру, пока вдруг не вспомнил, что у Антона Павловича Чехова есть рассказ «Станционная книга», где уже было что-то подобное.

Приключения Стива в России.

На Таймыр мы попали впервые в 1993 году, сопровождая Стива Хастингса. Стив, в свою очередь, впервые попал в Россию. Он был в диком восторге. Первый рекогносцировочный перелет на биплане АН-2 через весь Таймыр поверг его в состояние шока. Пилот Саша решил показать американцу русскую удаль и, сидя в шлепанцах, как Чкалов, вел самолет на максимальной скорости на высоте около 10 метров от земли. После этого перелета Стив смог только выдохнуть: «Где вы взяли столько земли??».

Если с землей у нас в России и, правда, вроде бы ничего, то денег тогда было маловато. У Стива же денег, по тем нищим российским временам, было невероятно много. Достаточно сказать, что только на свой гонорар гида-переводчика и координатора я мог купить по тем временам комнату в Москве. Стив также оплачивал вертолет Ми-2, на котором мы летали по всему западному Таймыру целый месяц. Сейчас такое по карману разве что Абрамовичу.

Стив привез с собой ящик растворимого кофе и ящик сигарет. Главной моей задачей было не дать его споить самогонкой, что не всегда удавалось. Однажды мы приземлились в поселке Кресты и поселились в доме местного метеоролога Гамова. Когда я вернулся после рекогносцировки из тундры, то застал их уже совершенно тепленькими. Они сидели напротив друг друга, а на столе между полупустыми бутылками самогона в свете керосинки стоял наш единственный ноутбук. Общались они знаками. Увидев меня оба страшно обрадовались и стали орать на разных (но одинаково заплетающихся) языках: «Да скажи ты ему, что я не могу это принять! (это метеоролог), «Скажи ему, что если он это не возьмет, то я обижусь!» (это Стив). При этом оба тыкали в сторону нашего единственного ноутбука. Я было очумел от такого дара, пока не понял, что тыкают они не в компьютер, а в маленький складной ножик. Недоразумение было быстро улажено.

После этого Стив, который абсолютно не держался на ногах, решил идти со мной в тундру, на измерения. Уговоры не помогали и, в конце-концов, плюнув со злости, я ушел в тундру не оглядываясь. Стив еще какое-то время плелся за мной по синусоиде, но вскоре зацепился за кочку и куда-то провалился с криком «Stepan!!!» (так, кажется, звали хозяина нашего вертолета). Где-то через час, я отошел от гнева, пошел назад и понял, что дело обстоит скверно. В тундре не то что лежать, а и сидеть-то долго не рекомендуется, поскольку можно все отморозить или промочить. А тут пьяный американец где-то пропал. Тогда я применил метод подобия, то есть стал двигаться тоже по синусоиде и, слава Богу, на каком-то повороте заметил краем глаза красную куртку Стива, который мирно спал, обняв кочку. В общем все обошлось, но на следующий день я с ним не разговаривал. Виноватый Стив заискивающе носил за мной приборы, как Киса Воробьянинов за Остапом, и убито вздыхал.

На следующем стойбище, на реке Пуре, мы жили у местного охотника Зырянова. Здесь, по счастью, царил сухой закон. Зырянов жил среди тундры с женой и сыном. Мы на них тоже буквально свалились с неба безо всякого

предупреждения, но они очень нам обрадовались и полюбили Стива, как родного. Нас троих, как дорогих гостей, поселили в фанерном сарайчике с нарами, причем Стив, все еще мучимый комплексом вины, наотрез отказался спать на кровати и залез под нары.

Семья Зырянова, узнав, что мы собираемся стоять суточную смену в тундре, носила нам туда свежеиспеченные сибирские шаньги, пироги с брусникой и красной рыбой, и оладьи. Зырянов даже дал нам пострелять из своей винтовки, причем Стив нас всех неожиданно победил. Тогда его, в виде премии, нарядили в красноармейский шлем и шинель, а Замолодчикову выдали треух. Экзотический вид товарищей навел меня на мысль снять на видеокамеру сюжет под названием «На страже Родины».

Зырянов и Замолодчиков встали по краям, а Стив в центре. Замолодчиков в очках и треухе с красной партизанской лентой, стоял с трехлинейкой за плечом, а Зырянов в телогрейке, тельняшке и валенках держал двустволку. При этом, грудь его пересекали крест на крест патронташи, как у революционного матроса. Стив в своем буденовском шлеме и шинели, проникновенно глядя в камеру, произносил речь. «Мы, - говорил Стив (естественно, на английском), - находимся здесь, чтобы охранять нашу священную землю (широкий жест в сторону бескрайней тундры). И пусть враг (тут Стив угрожающе заглядывал в камеру) не думает, что мы (жест в сторону неподвижных, как стражи революции, Замолодчикова и Зырянова с выпученными глазами) сдадимся легко. Нет! У нас хватит пороха и патронов, чтобы разделаться с проклятыми империалистами». Эта запись потом долго ходила по всему Норильску, затмевая по популярности американские порнографические фильмы.

Вертолетчики на Севере – первые после Бога на земле, потому что другого транспорта там попросту нет. Публика эта, говоря откровенно, совершенно ненадежная, заевшаяся и наглая. В 1993 нас с Замом на «Ми-2» забросили на озеро Ламу, да там и забыли. Хорошо еще, что до Норильска там всего каких-то сорок километров. Поэтому перед нами потом даже не извинились. Когда кончилась еда и табак, и мы скурили весь чай, то сели подкарауливать на берегу «Ракету» с туристами и грибниками, в толпе которых и прокрались тайно на борт.

В 1994 году на Западном Таймыре нас забросили для работы на дикое озеро Ая-Турку в горах Быранга. Там тогда жил только рыбак Валера с подружкой Викой. Забрать нас должны были через пять дней. Но ни через пять, ни через 10 дней никто за нами не прилетел. Прошло две недели. Мы, четверо мужиков, быстро съели все запасы Валеры и осталась только рыба и сахар. Зато этого было очень много. В конце-концов нам надоело глазеть в небо и ждать проклятый вертолет, не имея возможности отойти от избушки, и мы снова стали работать в тундре. Вертолет прилетел как раз в середине очень важного измерения, так что ему пришлось ждать пока мы не закончим. Возмущению пилотов не было предела: «Как! Две недели прошло, а вы все еще не собрались?!!».

Водку на Таймыре никто не пил, а пили только американский питьевой спирт. Про водку говорили с презрением: «Чего воду в тундру возить, ее там и так полно». Продукты на Тарею нам забрасывали вертолетом. Вертолет зависал на несколько секунд над лужайкой перед избушкой и из него небрежно вываливали разные ящики и коробки. Но к спирту отношение было святое даже у вертолетчиков, и каждая пластиковая литровая бутыль была аккуратно упакована в буханку хлеба, вместо вынутого из нее мякиша.

На северном Таймыре в районе Усть-Тареи нам показывали огромных размеров полузаброшенные туннели, прорытые заключенными в мерзлой породе речных обрывов еще в сороковые годы. По их дну были проложены рельсы и стояли вагонетки. Здесь всегда царит холод, почти как в морозильной камере: -14 градусов. В свете лампы-переноски стены сверкали ледяными кристаллами, как пещера Али-бабы. В боковых карманах под охраной ледяных сталактитов грудами сокровищ лежали промерзшие туши сибирских осетров, гольцов, белорыбицы, сига, омуля и муксуна, наловленные местными рыбаками. Нам, в знак уважения перед московской наукой, разрешалось пользоваться всеми этими сокровищами в любое время суток, но мы вскоре настолько обленились, что перешли на питание исключительно готовыми балыками.

600 верст по реке.

На Тарею, Замолодчикова, как нашего начальника, быстренько забросили на вертолете, а вся остальная экспедиция во главе со мной застряла в Норильске. Наконец, нас загрузили вместе с экспедиционным скарбом на баржу и мы отправились по реке Пясине на север, через весь Таймыр. По концентрации событий и опасностей, с которыми нам пришлось столкнутся, это трехнедельное путешествие напоминает романы Майн Рида.

Ехало нас четверо, да с нами еще двое ребят, Валера и Денис, везли стройматериалы на Диксон. Баржу на длиннющем тросе тянул старенький буксир, на котором были только капитан и его помощник. Связи у нас с ними не было, что часто приводило к непредвиденным ситуациям. Река в этих краях течет на север через ровную тундру и по большей части совершенно пустынна. Можно увидеть только одинокого оленя, глядящегося в воду, или бредущего на берегу мишку. Временами мы садились на мели и это вносило некоторое разнообразие в монотонное плавание. Жили мы в каюте на носу баржи, а готовили на палубе.

Поскольку буксир от нас был далеко, мы скоро забыли о его существовании и делали на барже все, что хотели: ловили рыбу, разводили спирт, играли в «козла», загорали и даже купались. Особенно это любил Володя Зеленев, которому вообще для купания было достаточно, чтобы вода была жидкой, а ее температура роли не играла. Но однажды капитан увидел в бинокль Володьку, нарезающего круги вокруг баржи, и страшно разозлился. Он

матерился и кричал в мегафон, что если увидит это еще раз, то всех нас высадит на необитаемый остров.

Баржа в этих краях выполняет роль речного трамвая. В достопамятном поселке Кресты, где я в прошлом году чуть не потерял Стива, к нам подсадили долганку с целым выводком, которая ехала в какое-то стойбище вниз по реке. Сажавший ее на баржу не очень трезвый муж смотрел на нас, шестерых, подозрительно и недобро. Должно быть в его воображении уже рисовались картины адюльтера одна другой ужасней. Но покуситься на эту долганку мог только человек после многолетнего воздержания, или начисто лишенный обоняния. От нее благоухало рыбьим жиром так, что мы все немедленно выскочили из каюты и перебрались на палубу, где и поставили палатку. А Миша Глаголев и вовсе поселился отдельно от всех в трюме, за что получил кличку «машиниста». Только Денис какое-то время продержался в каюте, отслеживая наши ценности. Но и он, наконец, не выдержал и вылетел оттуда пробкой, весь зеленый. По его словам последней каплей стало кормление долганкой детей сырой рыбой.

После этого баржа быстро превратилась в помесь бордингхауса (ночлежка для отставших от судов матросов) и плавучего сортира. По всей палубе бегали дети, которые орали, жгли костры, и повсюду гадили. Кучки кала и полупереваренной рыбы покрывали палубу. В конце концов мы построили на палубе со стороны кормы границу из досок и отгородились от этого кошмара. В довершение, в одно прекрасное утро нас догнал на моторке ревнивый муж.

Он мне и в первый раз не очень понравился, но когда на палубе появился пьяный мужик с ножиком и стал нам угрожать и всячески поносить, требуя «не трогать его бабу», - терпение лопнуло. Мы схватили его за шиворот и выкинули обратно в лодку, а веревку перерезали отнятым у него же ножиком, который потом бросили в воду. Осыпаемые проклятиями, мы медленно скрылись в тумане, наблюдая за тем, как мужик безуспешно пытается завести мотор. Последним, что мы слышали из тумана, была угроза вернуться всем поселком и нас перестрелять. Нельзя сказать, чтобы это очень обрадовало. Как выразился Валера, «нам еще только морского боя здесь не хватало». Пришлось установить круглосуточное дежурство на корме, чтобы нападение «пиратов» не застало нас врасплох. Была слабая надежда, что мужик до поселка не доберется. Но, добрался, все-таки, скотина.

Однажды днем дежурный забил тревогу и все мы высыпали на корму. Из-за поворота реки показалась стая из нескольких казанок. На передней лодке размахивал ружьем и матерился наш главный враг, алкавший мести. Мы уже мысленно простились с родственниками и приготовились к последнему бою. Разобрали доски, чтобы сбрасывать лезущих на абордаж аборигенов и стали ждать. Рев моторов медленно приближался. Но когда они приблизились на дистанцию стрельбы, неожиданно, словно в романах, пришло спасение.

Оказалось, что на буксире, о существовании которого мы совершенно забыли, капитан все это время наблюдал за происходящим в бинокль и в решающий момент вмешался, как засадный полк в Куликовскую битву. Нас вдруг со страшной силой дернуло вперед так, что мы чуть не повалились, и

баржа начала быстро удаляться от преследователей. Буксир теперь шел полным ходом, рассекая волны, как гордый «Варяг». Поднявшееся волнение поставило казанки боком, и кто-то там у них заглох. Тут уже пришел наш черед торжествовать победу. Скоро мы избавились и от остальной части долганского народа, и наша палуба снова стала неотъемлемой частью Российской империи и засияла чистотой. На Тарею мы пришли через три недели после выхода из Норильска, «ощипанные, но непобежденные». Можно было приступать к работе.

На полуострове Сюард на Аляске забрасывал меня в тундру старый «воздушный волк» Эрик, который поднимал и сажал свой маленький вертолет по совершенно баллистической траектории, от которой перехватывало дух. На мой вопрос, зачем он это делает, Эрик лаконично объяснил: «привычка с Вьетнама».

Все полевое оборудование работало от прожорливого генератора на бензине, а доставлять его в тундру надо было на себе. В конце концов, мне это надоело и я вызвал по спутниковому телефону Эрика. Он прилетел на своем геликоптере из Нома и сбросил в тундру, на разложенные мной флажки, несколько бочек бензина. Странная сноровка, с которой он это сделал, наводила на ассоциации с напалмом.

Гуд бай, Эрик!

В Номе, на Аляске, по местному радио иногда передавали совершенно фантастические новостные сообщения, способные ошарашить неподготовленного слушателя. Как-то раз передали о столкновении самолета с китом в районе поселка Коцебу. Вероятно, это был первый случай в мировой истории. Одна дама летела на одноместной «Сесне» вдоль берега океана и увидела стадо гренландских китов. Решив рассмотреть их получше, она снизилась и стала барражировать над водой на высоте всего нескольких метров. Внезапно прямо перед ней выпрыгнул из воды огромный кит. Самолет разбился вдребезги, дама катапультировалась, кит уплыл. Испытать такое, это будет, пожалуй, посильнее «Моби Дика».

Стишов, много лет проведший в заповеднике на острове Врангеля (находится в Ледовитом океане чуть повыше и левее Чукотского п-ва), рассказывал, что на стене туалета в аэропорту города Певек на Чукотке была надпись: «Господи, как же холодно в этом далеком уголке Украины».

На острове Врангеля.

Остров Врангеля и соседние островки, по уникальности – это своего рода Галапагосы Арктических морей. Чего там только нет. Тут и «родильный дом» белых медведей, и единственное гнездовье белых гусей, овцебыки, моржи, розовые чайки, да всего не перечислишь. Попали мы туда с Мишкой Ворониным в 1989, в последний год великой империи, выполняя задание одной мадам из нашей лаборатории по сбору фитомассы и почвенных образцов для ее диссертации (к слову, она нам даже спасибо за это не сказала). Набрать такие образцы можно было гораздо ближе. Но я за это радостно ухватился, поскольку давно мечтал попасть на легендарный остров, а денег на это не было.

Денег надо было немало. Билет на самолет Москва - Певек стоил в те баснословные времена 187 рублей (в один конец), а зарплата моя, как старшего лаборанта, была 120 руб. Это был самый дорогой билет внутри СССР. Да еще от Певека надо было лететь до мыса Шмидта, а потом на вертолете километров двести до столицы острова – поселка Ушаковское. Общая сумма наших командировочных зашкаливала за 1000. На эти деньги можно было купить подержанный «Запорожец». Средства выбили, как обычно, из бездонного проекта «Фотосинтетическое использование солнечной энергии».

Все небольшое население острова обитало в поселке Ушаковское. Основной народ был представлен эскимосами, но вот с властью вопрос был запутан до чрезвычайности. С одной стороны, вроде был поселковый совет, но официально никто не мог выйти за пределы поселка без разрешения заповедного начальства, поскольку остров-то был заповедником.

С другой стороны, была и третья власть в виде погранзаставы. Но их власть начиналась и заканчивалась проверкой документов у прилетевших на вертолете. Т.е. можно было прилететь с командировочным удостоверением и погранштампом, но дальше околицы никуда не попасть. В дозаповедные

времена существовал еще оленеводческий совхоз. Да и полярную станцию не стоило совсем сбрасывать со счетов. Эти потерявшие власть структуры еще помнили о былом величии.

Рассказывают такую историю. Как-то на погранзаставе сидели офицерики, выпивали и со скуки фантазировали. Вот, мол, хорошо бы захватить власть, сельсовет с магазином, отделиться от СССР и провозгласить независимость. Был при этом в гостях человек с полярной станции, который воспринял все это всерьез и в панике побежал давать радиограмму на материк: «Срочно примите меры - на заставе вооруженное восстание!». На материке страшно всполошились, подняли боевые вертолеты и устроили захват изумленной заставы воздушным десантом.

Но сейчас первую скрипку играл заповедник. Новый начальник охраны заповедника, некто Ковалев, просто упивался своей властью, играя в какого-то арктического шерифа. Увешанный с головы до пят оружием, биноклями, и рациями, вместе со своими подручными и сворой собак он носился по острову на грузовике ГАЗ-66 и что-то искал. Впрочем, ясно, что искал он внешнего врага. Но американцы на остров все не высаживались. А тут приезжаем мы с Мишкой, как по заказу.

В образ врага мы вписывались идеально, поскольку все время пытались выбраться вон из поселка на заповедные земли. Совсем запретить нам выйти он не решался, но и с короткого поводка не отпускал. То, что я был приятелем Стишова, зама по науке, скорее говорило против нас. Отделы охраны и науки были, как это случается в заповедниках, в не очень приятельских отношениях, и мы попали меж двух жерновов. Только к концу пребывания взял нас, нехороший человек Ковалев, с собой на объезд территории острова, да чуть не заморозил совсем в полуоткрытом кузове.

В поселке был единственный магазин, который поразил нас чуть не до столбняка. В то время, как в Москве или ничего не было, или было по карточкам, здесь на полках царило просто неприличное изобилие. Одного только мяса было пять сортов: говядина, свинина, баранина, оленина, да еще и, словно этого мало, издевательская кенгурятина из Австралии. Картошка была какая-то невиданная, американская, не гнилая, круглая и крупная.

Спиртных напитков тоже хватало, но полусухой закон острова разрешал выдачу огненной воды только раз в неделю, по субботам, и не больше двух бутылок в руки. Это диктовала жизнь, иначе эскимосское население могло выйти из-под контроля. Чтобы никто не приходил снова, у дверей магазина дежурил сотрудник заповедника, знавший всех в лицо. Несмотря на все меры, эскимосы все же умудрялись надираться, резали друг дружку, и кого-нибудь время от времени отправляли на вертолете в тюрьму. «Белых» эскимосы обычно не задирали, побаивались, доставалось только бедному киномеханику, которого исправно били каждую субботу после кино.

Набор фильмов, действительно, был довольно странный. Самый раз для эскимосского поселка на краю света. Например, несколько дней подряд в

пустом клубе шел один из самых интеллектуальных фильмов Френсиса Форда Копполы «Разговор». Правда, в клубе было холодновато, но зато можно было курить и пить. Вместе со мной и Мишкой в зале находился только пьяненький эскимос, который мирно спал на полу. Мишке фильм страшно понравился и он потом еще несколько раз на него ходил, благо бесплатно и смотреть никто не мешает.

Черный доктор.

На Врангеля с нами прилетел новый доктор Степанов, бывший врач скорой помощи из Москвы. Был он законченный алкоголик, но при этом - лекарь от Бога. Когда он вылез из вертолета, то лыка не вязал совершенно и сразу растянулся на земле. Встречавший его народ из заповедника сразу определил: «Наш человек!». Тут же его и повезли в бухту Сомнительную спасать Толика Кочнева, который во время разгрузки уронил себе на палец бочку с горючим. В состоянии алкогольной интоксикации доктор умудрился сделать Толику операцию и фактически спас и его и палец. Мне он тоже вылечил обширный ожог на ноге простейшим способом, который я всем рекомендую - зубной пастой.

Доктор привез с собой несколько канистр со спиртом и замечательно проводил время. С надоедливыми пациентами он был крут. Как-то я зашел к нему в медпункт, как вдруг из дверей, явно под действием пинка, вылетела с визгом какая-то баба. Выйдя на крыльцо, доктор закурил, сплюнул, и сказал: «Заходи, не бойся. Симулянтов развелось на острове. Я как раз спирт развел. Будем кардиограф на тебе проверять».

К вопросу об организации колхозов на Аляске.

Одна из самых странных историй про Чукотку связана с организацией там колхозов в 30-е годы. Когда коллективизация докатилась, наконец, и до этих Богом забытых мест, тамошние комсомольцы и коммунисты решили отличиться. Что такое колхоз никто толком не знал, но согласно инструкции всех надо было туда записывать, и чем больше, тем лучше. Чтобы за чукчами и эскимосами по тундре не бегать, объявили, что за запись в колхоз будут каждому давать по бутылке водки. Слух о том, что в поселках дают огненную воду даром, только за то, что ты расписываешься в какой-то бумаге, быстро облетел всю Чукотку.

В анадырский центр стали сплошным потоком прибывать на нартах с курьерами списки новообращенных колхозников. Начальство радостно потирало руки, рапортуя о сплошной коллективизации, пока вместо привычных списков, состоящих из Василиев, Николаев и Иванов (местные обычно принимали помимо национальных и русские имена) с крестами вместо подписей - вдруг стали приходить списки с непонятными Джимами, Джеками и Стивами. Оказалось, что слух о бесплатной водке быстрее ветра достиг другой стороны Берингова пролива. Там у наших эскимосов полно родственников, и не успели все оглянуться, как на Аляске было организовано несколько колхозов.

Если у американцев главное орудие имперской политики – деньги, то у русских есть средство и подешевле.

Чтобы почувствовать, что такое Север, и развернуть, выражаясь словами А. Солженицына это «бородино», мало своих рассказов. Ниже я привожу правдивые истории северных людей, услышанные и пересказанные моим товарищем по экспедициям Димой Замолодчиковым.

Трактор – наше секретное оружие.

На Чукотке, где мы проработали несколько сезонов в тундре, постоянно что-то случается. Нам рассказывали такой случай. Пошли как-то мужики на тракторе из Лаврентия в Инчоун[10]. Дело было в апреле, пошли, естественно, по морскому льду, потому что иной дороги туда нет, везде сопки. А лед уже весенний, не крепкий. И в одном месте трактор провалился. Это дело, здесь, в общем-то, обычное. Народ говорит, что под Анадырем, где чтобы попасть в город из аэропорта надо переплыть залив, - лиман весь в тракторах да автомобилях. Но здесь случай был особый. Провалился трактор не полностью, труба (загнутая такая, наверху) из воды все же торчала. Дело в том, что под первым слоем льда была вода, а уже под ней - основной, толстый лед. Наледь, короче. Трактор, понятно, жалко, приехали за ним на вездеходе, пытались тянуть, ничего не получается, сидит крепко. Взяли тогда пустых бочек железных, которых на Чукотке валяется везде немеряно, и по бокам привязали, вроде понтонов. Мол, когда море вскроется, мы его на них назад в Лаврентия отбуксируем.

Ну ладно, море вскрылось, приходят они по весне на катере в те места, а трактора-то и нету. Уплыл на своих понтонах в сторону Аляски[11]. Проходит некоторое время, и тут у пограничников начинается суета. Мол, американские подводные лодки в наших водах, всякие вражеские происки и так далее. А оказалось, вот что. Трактор, как во льду по трубу сидел, так и поплыл. А труба загнута, на перископ похожа. Ну, явно подводная лодка плывет. Ладно, вызвали сторожевик, тот пришел, стал глубинные бомбы уже готовить, а подводная лодка себе тихо дрейфует. Решили все же выяснить, чего она такая наглая, может, своя. Подходят ближе, и видят, что это трактор. Ну погранцы все же наши, и не такое видали, сразу все поняли, взяли трактор на буксир и в Лаврентия пригнали. Спрашивают мужиков - ваш, те говорят - наш, спасибо, мол, родной пограничной армии. А я вот думаю, что если бы американцы его первым заметили. Представляете, подплывают, а там трактор с перископом. Небось, решили бы, что это новое секретное оружие русских. Мне сразу вспомнился бородатый анекдот по мирно пашущий советский трактор, на который напали китайские агрессоры, а он открыл огонь из всех бортовых орудий и улетел в стратосферу, или что-то в этом роде.

---

[10] Лаврентия и Инчоун – национальные чукотские поселки на берегу Берингова пролива.

[11] Расстояние между западным берегом Чукотки и восточной Аляской в тех местах не превышает 100 км.

Рис. А.Керимова

Геннадий Зеленский (глава национального чукотского объединения «Наукан»).

Рассказ о том, как по улицам «Гринпис» водили.

В начале 1980-х годов «Гринпис» проводил на Чукотке акцию, то ли против промысла китов, то ли еще чего-нибудь против. Недалеко от Диомида встал их корабль, спустил на воду два «Зодиака» (это такая большая надувная лодка). И пошли эти «Зодиаки» в Мечигменский залив. Погранцы их проморгали, близость перестройки чувствовалась. Дошли гринписовцы до Лорино, вылезли на берег, обвешанные камерами, первым делом на поселковую свалку, где кости и черепа китовые валяются. Ходят, фотографируют. Ну, нашелся бдительный чукча, звонит на погранзаставу, мол, американцы приехали, ходят, свалку китовую фотографируют. А дело все ж при совке еще, американцев на Чукотке никто видом не видывал (разве что в бинокль на острове Диомиде). Погранцы посоветовали чукче меньше пить и больше опохмеляться.

Гринписовцы осмелели, в поселок вошли, ходят, с народом общаться пытаются. Ну, бдительный чукча снова звонит на заставу, говорит, непорядок, американы что хотят, мол, то и творят. На заставе не выдержали, послали солдатика выяснить, что там происходит. Солдатиков пограничных многие из нас видели. Чудо такое, в громадных кирзовых сапогах, живущее по принципу "солдат спит - служба идет". Дотопал он до поселка, смотрит, и вправду американы. Потопал назад в своих кирзачах, приходит, докладывает: "Товарищи командиры, информация подтвердилась".

Командиры встрепенулись, фига себе, потенциального врага проморгали, повскакивали на вездеходы, или «Уралы», кому места не хватило, и бегом нарушителей ловить. Но за это время нарушители уже сели на «Зодиаки» и назад, в направлении американских территориальных вод.

Погранцы все же решили не отступать. В то время у них в Лаврентия вертолет стоял. Отстучали по рации, тот в воздух и в погоню. Догнал, предупредительную очередь дал, но гринписовцы останавливаться не хотят, лишь газу дают. На лодках надписи такие аршинные – «Greenpeace». Ну явно не вторжение, боевое оружие применять как-то стремно. Случай с южнокорейским боингом еще свеж в памяти. Пилот вертолета, к счастью, крутой ас был, в Афгане успел повоевать. Он крутой вираж заложил, вертолет накренил и воздушным потоком от винта обе лодки перевернул. Затем десант прямо на воду высадил на надувных плотах. Те гринписовцев подобрали из воды и в Лаврентия привезли. Их даже по улице Дежнева провели, в наручниках, как немцев во вторую мировую по Москве. Весь Лаврентия на них сбежался смотреть.

Рисунок А.Керимова.

История оките, и заложенном в нем динамите.

Наш здешний (в поселке Лаврентия) ангел-хранитель Гена Зеленский по долгу службы временами мотается в США. Визу получает во владивостокском консульстве. Приехал он как-то во Владивосток, пошел получать визу. И встречает там своего американского знакомого, биолога, специалиста по китообразным. Он, оказывается, теперь при этом консульстве служит каким-то торговым представителем. Пошли они в консульство кофе пить, и рассказал ему этот знакомый следующую историю. Жил он в то время в Сан-Франциско. И как-то раз на городской пляж выбросило тушу кита. Кит до этого уже пару-тройку недель дохлым проплавал, запах от туши соответствующий. Непорядок.

Собрались всякие чины из муниципалитета, руководят уборкой туши. Бульдозеры не тянут, всякие веревки-захваты соскальзывают, ничего не получается. И тут кто-то из чинов вспомнил, что живет в Сан-Франциско

замечательный ученый-китовед. Пригласили его на консультацию. Он приехал, неудобно же отказывать и говорить, что он, в общем-то, специалист по живым китам или свежедобытым.

Я сам помню, как в Барроу, на Аляске, эти самые китоведы вытащенных эскимосами китов обследовали. Измеряли, кусочки разных частей на пробы отбирали. Сами важные, в чистых разноцветных комбинезонах. А эскимосы и прочие зрители смиренно ждали и с благоговением наблюдали, как ученые священнодействуют. А тут грубая реальность, лежит кит и воняет. Ну и пришла ему в голову гениальная идея. Заложите в кита взрывчатку, говорит, его на несколько кусков разорвет, вы их спокойно и оттащите. Идея всем ужасно понравилась, бросились реализовывать.

Однако то ли они со взрывчаткой переборщили, то ли всякие выделяющиеся из кита газы в реакцию вступили, но рвануло почти как ядрёной бомбой. Куски тухлого кита, большие и не очень, разлетелись в разные стороны на расстояние до километра. Одним из кусков проломило стену стоявшего сравнительно неподалеку частного владения, другим разбило проезжавшую мимо машину. Обошлось, к счастью, без жертв. Куски кита ровным слоем покрыли весь городской пляж, его потом месяц убирали и отмывали: тухлый китовый жир очень въедлив. А ученый предпочел не только из Сан-Франциско, но и из Штатов на время убраться, и нашел себе вакансию в одном из заштатных зарубежных консульств (догадываетесь в каком).

Рисунок А.Керимова.

М.А. Зеленский (глава администрации Чукотского района, отец Г.Зеленского).

Ехал как-то Михаил Александрович Зеленский с одним приезжим чиновником из центра на вездеходе по оленеводческим бригадам. В одну заезжают, там чукчи свежие огурцы едят. Их в теплицах на горячих ключах выращивают. Приезжий удивляется, откуда. Зеленский говорит, это дикий чукотский огурец, оленеводы собирают и едят. Тот не верит, ну Зеленский говорит, с утра поедем, соберем. С утра несколько задержались, за огурцами ехать вроде времени не хватает. В другую бригаду приехали, там тоже огурцы. Гость так обрадовался, надо же, и здесь растут, ну, значит, точно соберем!

Женя Ейнечейвун (житель поселка Лаврентия, охотник на морского зверя).

Скучная гонка.

Важным культурным событием в жизни Чукотки является гонка на собачьих упряжках «Надежда». В том году она проходила в апреле по маршруту Лаврентия-Лорино-Яркинот-Провидения[12]. Сама гонка проходит так: сначала идет пара «Буранов»[13], расставляют вешки. Через некоторое время идут собачьи упряжки в сопровождении еще двух «Буранов». Наш знакомый чукча Женя Эйнечейвун был таким сопровождающим. Далее приводится его рассказ от первого лица.

«Пошли мы от Лорино до Яркинота. Перед выходом звонит женщина из Яркинота, говорит, не выходите, у нас пурга сильная. А главный по гонке говорит, нет, выходите, это она так сказала потому, что встречу не успела подготовить. В Лорино погода хорошая, видно и в Яркиноте так же. Ну, поехали, сначала было все хорошо, а поближе к Яркиноту как задуло, как запуржило, в двух шагах ничего не видно. А у меня, как назло, Яркинот в GPS не забит, то есть надо по вешкам идти. Вешек не видно, пришлось нам взад-вперед ездить, вешки искать. Пока найдешь, все упряжки потеряешь. Потом кого встретишь, начинаешь следующую вешку искать. Так мы километров пять шли. По идее, к Яркиноту должны приближаться. Да только чувствую, вешки не туда ведут. Должен быть пологий спуск, а вроде путь на подьем идет. Потом выяснил, что «Бураны», которые вешки расставляли, сами в пурге заблудились. Ушли сильно вправо. Как поняли, что не туда идут, бросили вешки расставлять и в Яркинот ушли.

Ну, мы тоже стали дорогу на ощупь искать. Насилу в Яркинот вышли, с нами всего две упряжки, остальные в пурге потерялись. Мы их потом два дня искали. Кто сам смог приехать, тот приехал. Один парень без собак, пешком пришел, других - в тундре обнаружили. Одного молодого парня на льду нашли. Он запургован метрах в 10 от кромки льда, повезло, еще чуть-чуть, и воду бы

[12] Прибрежные поселки на Восточной Чукотке.
[13] Широко используемый на крайнем севере России отечественный мотовездеход.

свалился. Вряд ли бы тогда нашли. А так все нашлись. А нам, чукчам, что. Кукуль[14] на нартах есть, в снег зарылся, пургу переждал, потом дальше поехал.

А гонку один старик из Нешкана выиграл, он всегда ее выигрывает. ДА И ВООБЩЕ, СКУЧНАЯ ГОНКА БЫЛА, НИЧЕГО ОСОБЕННОГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ. НА СЛЕДУЩИЙ ГОД НЕ ПОЕДУ, ПОЖАЛУЙ».

Рисунок А.Керимова.

К вопросу о голубизне собачьих глаз.

У многих чукотских собак голубые глаза. Одни говорят, порода такая, другие - результат близкородственного скрещивания. Поехали, как-то зимой, китобой Женя с одним гостем охотиться на зайцев. С ними такая собака была. А зайцев фарами высвечивают и стреляют. Женька говорит - ты только на собаку не свети. Ну пару раз все же посветили. Наутро гость смотрит на собаку, а у нее глаза голубые. Ой, говорит, а что это с ней? Женька отвечает, ну я же говорил тебе, не свети, вот ты ей глаза и испортил. Гость очень переживал и извинялся.

Иван Васильевич Вуквун (замечательный пожилой чукча, много сезонов работал у нас в экспедиции сторожем. Фамилия «вуквун» означает в переводе с чукотского «камень»).

Ехали они все на вездеходе. Вездеходчик зайца увидел, ружье под боком, прямо из кабины стрельнул, попал, но подранил. Заяц между камней залег. Вездеходчик пошел с ружьем, но надо добить, раненый заяц штука опасная (и правда, задними лапами может сильно ударить и даже серьезную рану нанести).

[14] Национальный чукотский спальный мешок, шьется из оленьих шкур мехом внутрь.

Патроны жалко, взял ружье за ствол, размахнулся и вместо зайца врезал по камню. Приклад вдребезги, а заяц убежал.

Как спастись от медведя при ловле бабочек.

Поскольку Дима Замолодчиков очень любил на досуге ловить бабочек в тундре, чукча Иван Васильевич Вуквун неоднократно давал ему советы по поводу техники выживания. Вот один из них. Если на тебя вышел медведь – не

Иван Васильевич Вуквун.

пугайся. Медведь - он зверь трусливый. Особенно голого человека боится. Чукчи, если без оружия, так от него и спасались. Встретит медведя, встанет и кухлянку с себя скинет. Медведь как увидит, так сразу пугается и бежать.

В этой связи мне (Д.В. Карелину) вспоминается стенд, который я видел ранней весной 1998 году на конференции в Болдере, штат Колорадо. В свободное от конференции время мне нравилось бродить среди заснеженных кактусов в ближних горах. Однажды я встретил на тропе огромный плакат с инструкцией, как надо себя вести при встрече с пумой. Оказывается, если вы встретили зверя, надо ни в коем случае не убегать, а замереть и не двигаться. Если он все равно не уходит, надо громко закричать. Если же и это не помогает, – продолжая кричать, следует высоко прыгать на одном месте. Если снова не помогает – закрыть голову руками и начать молиться.

Как чукчи гусей ловят.

Дело было в Инчоуне. Пошли как-то трое чукчей охотиться на гусей. По пути надо было переправляться через небольшую речку. Весна, снег тает, вода высокая. Охотники в болотных сапогах, стали переходить. Ружья повесили на грудь, чтобы не замочить, идут, руками голенища сапог придерживают. Кто в болотниках ходил, тот знает, чтобы глубокую воду перейти, надо голенища повыше подтянуть и постоянно придерживать, иначе вода зальется. Один охотник первым перешел, смотрит, двое отставших по самому глубокому месту бредут, вода почти у края голенищ плещется. Он как крикнет: "Гуси!!!!". Двое отставших: "Где???!!!!", а сами, понятно, за ружья схватились. Тут им вода в сапоги и полилась. Шутник смеялся до упаду, но только пока те двое из ручья не выбрались...

Анекдот про чукчу от чукчи.

Почему у чукчей в советские времена глаза шире стали? В старые времена чукча вареную оленью ляжку двумя руками держал, мясо кусал и от удовольствия щурился. А в советские времена ложкой по супу водит и удивленно спрашивает: "А где тут мясо?" Видели бы вы, как этот анекдот Вуквун рассказывает со всей сопутствующей мимикой. Он просто феерически жмурится, представляя себе кусание оленьей ляжки.

История из жизни И.В. Вуквуна, рассказанная им самим.

Шел я как-то по Нешканской тундре, оленей пас. Капюшон на голову надвинул, чтобы комары поменьше кусали. И тут, видать, олень на осиное гнездо наступил. Чувствую, сзади по капюшону - «шлеп». Думаю, чего такое? И тут меня оса как в нос ужалит! У меня все лицо раздулось, больно, глаза узкие-узкие стали. Пару дней болел, потом прошло. Пошел снова оленей пасти. И тут снова по капюшону: «шлеп». Я как испугался, как побежал. А это просто дождь начался, крупный и редкий. Очень похоже на осу по капюшону шлепал.

Александр Иванович Лакосин (начальник пожарной части поселка Лаврентия).

История о том, как Александр Иванович дважды подполковником стал.

Есть в поселке Лаврентия пожарная часть. А возглавляет ее душа-человек Александр Иванович Лакосин. Должность начальника ПЧ майорская, и был Лакосин долгое время майором. Понятно, каждый майор надеется стать подполковником. В исключительных случаях, за беспорочную службу, звание подполковника присваивают и занимающим майорские должности. А тут Лакосину и 50 лет исполнилось, ну самое время подполковника получить. Начальник округа составляет соответствующую бумагу и пускает ее по инстанциям. Сначала в Дальневосточный региональный центр МЧС, оттуда она должна уйти в Москву.

Бумага ушла, месяц проходит, ответа нет, два проходит, три, полгода, ответа нет. В силовых структурах отрицательных ответов не дают, если нет ответа, значит, прошение не удовлетворили. И решил окружной начальник своими силами этот вопрос решить. Назначил Лакосина своим заместителем по расследованиям, а это уже подполковничья должность. Затем своим приказом присвоил звание, а Лакосин через 2 месяца заявление написал о переводе назад, в начальники ПЧ. Понятно, все кадровые перемещения Дальневосточный центр отслеживает. Им там все это не понравилось, мол, как вы с должностями и званиями там на Чукотке обращаетесь. Хотели даже служебное расследование начать. И тут приходит в Дальневосточной РЦ депеша из Москвы, а там приказ Шойгу о присвоении Лакосину звания подполковника. Понятно, раз министр приказал, значит, точно подполковник, расследование закрыли, а подчиненные теперь к Лакосину "Товарищ дважды подполковник" обращаются.

Константин N., главный врач больницы Оганера (поселок-спутник Норильска).

В начале 80-х работал я врачом в Архангельске. С продуктами в то время были проблемы, в столовых меню однообразное – котлеты с гарниром из тушеной капусты. У меня от такой диеты стала изжога мучить. Спасался пивом. Но случилось несчастье – сгорел Архангельский пивной завод. Пиво стали возить из Сольвычегодска. В день в город приходило две машины, одна с бутылочным пивом, другая – с разливным. Та, которая с бутылочным, приходила в один из гастрономов города, каждый раз другой, и потому вычислить, где будут пиво продавать, было невозможно. А вот разливное стабильно поставлялось в ларек на рабочей окраине. Потому к открытию ларька всегда выстраивалась очередь из страждущих.

В этой очереди можно было быть вторым, простоять весь день и пива так и не получить, поскольку первым всегда был какой-нибудь дядя Вася, получавший банки из рук многочисленных друзей и знакомых. Возмущаться было бесполезно – на рабочей окраине народ простой и свободно за возмущение могли надавать по репе. Но дня через два какой-то мужичок из толпы меня узнал: «Доктор, а ты чего в очереди маешься? Ну-ка, давай свою канистру». С тех пор у меня проблем с покупкой пива не было.

Врачебная смекалка.

Поехали мы как-то в один из дней с приятелем за пивом. Взяли пластмассовую канистру на 10 литров, затарились пивом, едем назад. На автобусе минут сорок тащиться. День был жаркий, пива жуть как хочется. А канистра так устроена, что из нее никак не хлебнешь, только обольешься. Да и в автобусе набитом особо не развернешься. И тут меня осенила светлая идея. У меня с собой фонендоскоп был. Я с него мембрану снял, трубку в канистру засунул, а из ушных трубок мы с приятелем пиво и тянули. Пока доехали, полканистры уговорили. Хороший фонендоскоп был, любимый. У меня его потом в Оганере украли.

Учился я в Питерском мединституте. Был у нас на курсе некто Валентин. Видный крупный парень, со светлыми вьющимися волосами, и хорошо поставленным оперным голосом. Ходил в институт в длинном черном пальто и развевающемся белом шарфе. Артистическая натура, в общем. Едем мы с ним в институт на троллейбусе. Как полагается студентам, билетов не берем. Доезжаем до нужной остановки, начинаем выходить, а там контролер поджидает. Первым Валентин шел. Контролер ему говорит: «Ваш билет». А Валька своим оперным голосом его спрашивает: «А тебе зачем?». Тот слегка опешил и не нашел ничего лучше, как ответить: «Посмотреть». «Ну так купи и смотри». После этого ответа контролер впал в полную прострацию, так что не только Валька, но даже и я успел спокойно выйти.

Диме Замолодчикову и самому есть, что рассказать поучительного. Вот несколько его историй от первого лица, я лишь кое-что изменил и добавил, по праву соучастника.

Эту историю рассказали мне вертолетчики с Валька (Валек – Норильский аэропорт малой авиации). В авиации, если что где случается, информация

проходит по всем авиаотрядам, чтобы меры принять и подобного не допустить. И вот в начале 80-х прошла информация о случае на Байкале.

А дело было так. Возвращались пилоты в порт приписки на МИ-8 после грузового рейса. Дело было в августе, лето стояло жаркое, верхний слой Байкала хорошо прогрелся. Захотелось экипажу искупаться. Ну, тут проблем нет. Опустились над водой, зависли, спустили лестницу, одного оставили в кабине, а остальные с лестницы попрыгали в воду. Плавают, наслаждаются. оставшемуся стало завидно, он вертак на автопилот поставил и тоже в воду прыг. Поначалу было все нормально, но тут слабый вертикальный ветерок подул, вертолет на пару метров-то и поднялся. До лестницы уже не дотянуться. Вот они так за лестницей 4 часа плавали, все надеялись, что вертолет опустится. Опускаться он стал лишь когда топливо кончилось. Тут уж им, наоборот, пришлось во все стороны расплываться, чтобы под вертолет не попасть. А вертолет так в Байкале и утоп.

Криминальное чтиво по-чукотски.

В Лаврентии полно всякого достойного народу, в том числе есть и свой криминалитет. Классическое ограбление по-чукотски: вломиться ночью, желательно в пургу, когда никто ничего не видит, в магазин, найти водку, выпить прямо в магазине пару бутылок и прямо на месте отрубиться. Милиция утром приходит и берет тепленьким. Как ни странно, таких ограблений в среднем 4-5 за год бывает.

Есть и свои автоугонщики. За угон автомобилей уже три раза судили. Что самое интересное, ездить на машине можно лишь в Лорино, 42 км по грунтовке[15]. А в сторону никуда - тундра, чуть с дороги съехал, сразу застрял. То есть в принципе машину угнанную не скроешь, абсурд ее угонять.

Есть свой вор-домушник. Боря называется. Подросток еще, лет 13. Натуральный клептоман. Тащит все подряд из квартиры - дамские сумочки и сапожки, безделушки и т.д. Его одно время начальник местного отделения соцзащиты прикармливал, жалел парня, мол, мать пьяница, потому и ворует, а если покормить, не будет. Тот ходил-ходил в соцзащиту, а сам все смотрел, где начальник ключ от сейфа прячет. Оказалось, просто в стол. Ну в один момент начальника срочно куда-то вызывают, он дверь в кабинет на ключ закрыть забывает, Боря в кабинет, открывает сейф, берет оттуда 39 тысяч рублей, идет в магазин и накупает себе всяких конфет и сникерсов. Начальник возвращается, обнаруживает кражу, звонит в милицию, те идут к Боре и отбирают остаток денег. Борю берут в милицию, он там пишет объяснительную: "Я украл деньги из сейфа соцзащиты. Что осталось, возвращаю. А что потратил, вернуть не могу. Извините".

---

[15] Неисповедимы пути Господни. Расстояние по единственной дороге между поселками Лаврентия и Лорино составляет ровно 42 километра 195 метров (марафонская дистанция). Как это получилось – Бог его знает. И приходится теперь бедным чукотским школьникам каждый год бегать марафон (прим. автора).

Его иногда берут для профилактики, просто в милиции запирают, не в кутузке, он им там полы моет. Иногда менты его подначивают, мол, Борь, когда придешь мою квартиру брать? А он гордо так отвечает: "Я у своих не беру". Глава администрации как-то вызвал Борю и еще одного парня, такого же жулика, для воспитательной беседы. Мол, плохо воровать, не надо и все такое прочее. Второй парень действительно проникся, устроился к морзверобоям, работает и совсем исправился. А Боря пошел и через два часа квартиру обобрал.

Еще один кадр, Эдик из Инчоуна по прозвищу Карлсон. Карлсон он потому, что живет на крыше. Больше ему жить негде, отовсюду его гонят, так как достал. С этим кадром я знаком достаточно тесно, он всех приезжих вычисляет и пытается их раскрутить на деньги, продукты, хлеб и т.д. Например, идешь по улице, навстречу Карлсон, тебя увидит, тут же прибежит и начинает какую-нибудь историю плести, по которой выходит, что ему нужно что-то дать. Причем вид у него весьма приличный, сам плотный, щеки красные, по-русски говорит без акцента, ну явно человек, заслуживающий доверия.

Меня он в прошлом году классически сделал. Димуля Карелин пошел на пирс, хотел рыбы купить, а я дома остался. Тут приходит Карлсон (а я его до этого не знал) и начинает быстро рассказывать, что там Дима, мол, насчет рыбы, вот мы, мол, на барже, мы уходим, рыбы много, хлеба нет, нужен хлеб, будет рыба и т.д. Короче, у меня складывается цепь, что Димуля договорился насчет обмена рыбы на хлеб, и я отдаю Карлсону пару буханок. Димуля возвращается, рыбы нет, я рассказываю про парня, который за хлебом приходил. Димуля сразу и говорит - а, это Карлсон, его в шею гнать надо. Так я после этого и делал. В этом году он в июле часто приходил, но сейчас уже не ходит, видимо, дошло, что больше не обломится.

По тундре аки посуху.

Вчера[16], несмотря на погоду, пошел работать на мерзлотную площадку, мерил оттайку и влажность. Провозился часов пять, по дождю и ветру. Вечером иду назад к балку, уже темнеет, пелена дождя, несу на плече мерзлотный щуп длиной почти 2 метра с перекладиной-ручкой. В балке наш сторож Сабуров, пожилой мужик с очень своеобразным видением мира. Говорит мне, смотрю, идет Иисус Христос по мокрой тундре аки посуху и крест свой несет. Очень мне это сравнение понравилось.

Один день Дмитрия Геннадьевича.

Как-то поехали мы (я, Лакосин и Олег Томилин) на охоту на Лакосинском уазике. Эта машина заслуживает описания. Она старенькая, и у нее проблемы во всех частях. Например, постоянно выбивает третью скорость, и она сама собой переходит на нейтралку. У нее почти не работает стартер, ее приходится заводить ручкой. И еще кое-какие проблемы, про которые я потом упомяну.

[16] Дело, естественно, происходит далеко не вчера (прим. автора).

План поездки был: рыбалка (на речке Горячая), охота и посещение ключей. Мы взяли 2 бутылки водки, но не учли, что у Лакосина с собой тоже была одна.

Начали ехать. Выехали из Лаврентия, и стало ясно, что будет непросто. Почти ураганный ветер, на него опираться можно, как на стену. Доехали до «Трех братьев» (эта такая сопка), там полагается выпить (это такая традиция). Налили, выпили. Поехали дальше.

Сначала попробовали рыбу ловить. Там речка мелкая (в сапогах можно перейти), но бурная. Однако голец из моря не поднялся, потому рыбалка потерпела полный провал. Смешно было с ветром бороться, поплавок, как леску из воды вынешь, ни за что не поймаешь. Леска совсем горизонтально по ветру лежит. Вернулись к уазику, сели, выпили, поели. Взяли ружье (Лакосин) и карабин (я), пошли на сопку на охоту. Но, в общем-то, могли и не ходить. Зайцев, если они есть, обычно с дороги видно. А тут ни одного не было. Они, видимо, еще из тундры не спустились. Но тем не менее, ощущение приятное. Идешь себе по тундре, карабин то за плечами, то на плече, то наперевес несешь. Ощущаешь себя неким Рембо.

Ходил я ходил, и так ни одного объекта, по которому стрельнуть можно, не увидел. А вот выстрелы Лакосина услышал. Он раз шесть стрелял. Оказалось, по куропаткам. И двух-таки подстрелил. Стал я к нему пробираться. Дошел. Смотрю, Лакосин ходит и чего-то ищет. Спрашиваю - говорит, нож потерял. У него номерной, на охотбилет записанный. Такой очень плохо терять. Я ему стал помогать искать, где-то с час елозили. Не нашли.

Я потихоньку в сторону слинял, еще дичи поискал. С тем же успехом. Вернулся к машине. Там Олег дремал. Первое, что я увидел, был лакосинский нож. Дело в том, что Олег, как Лакосин куропаток подстрелил, тоже к нему поднялся. В это время на дороге четверо чукчей появились. Олег скорее назад, машину охранять (их здесь на ключ не закрывают). Перед этим у Лакосина на всякий случай нож попросил, мало ли что, чтоб какое оружие было. Лакосин отдал и про это забыл. Вот потом мы его и искали. Я пошел вверх, Лакосину про нож сказать. Но он уже и сам отчаялся, стал спускаться. Вернулись, допили водку, закусили.

Стали ехать на горячие ключи. Машину завели ручкой. Лакосин поехал, но по синусоиде. Ему явно хватило. А дорога здесь почти горная, с насыпями, одним серпантином, узкими мостиками и кучей ям. Чуть проехали, заглохли. Не заводится. Тут навстречу МАЗ-бензовоз. Водитель посмотрел, как мы пытаемся уазик завести, трос достал и нас потащил, чтобы завести. Завелись, поехали дальше.

Повернули на горячие ключи. Там дорога совсем разбитая. Выбило скорость, машина накатом вниз, чуть в кювет не свалились, заглохли. Не заводится. Сзади уазик, тоже с такими же хорошими, как мы. Пытался нас объехать, не совсем получилось. Остановился бампером об сопку. У него тормоза не работали. Вышли мужики, все вместе под уклон толкнули. Завелись, правда, при этом Лакосин чуть не упал в речку вместе с машиной.

Доехали до ключей. Вот это был самый приятный момент. Ветер сильный, холодно, сопки вокруг, на них снег кое-где, закат красивый, а ты в теплой

водичке сидишь и на это все смотришь. Кайф почти неземной, этакий пароксизм блаженства. Ну просто трудно описать, как хорошо.

Выкупались, пофотографировались, поехали назад. А у Лакосинской машины еще электропроводка хреново работает. Фары погорят десяток секунд и гаснут. Мне дали фару-переноску, и всю оставшуюся дорогу я сидел, высунув руку из окна, и светил на дорогу. А Лакосин по-прежнему выписывал синусоиды, но уже в темноте. Один раз я (да и Олег) думали, что точно крантец. Опять на уклоне передачу выбило, машина разогналась, Лакосин стал руль крутить, нас в болтанку, туда сюда, справа обрыв вниз, уже туда выкинуло, но на самом краю машина как вкопанная встала.

От ключей до Лаврентия чуть больше 20 км. Ехали мы около трех часов. Рука правая, которая фару держала, ну ничего не чувствовала уже. Еще посмеялись перед самым Лаврентия. Там дорога спускается от коренного берега на косу, где поселок. При этом делает поворотик направо. Его Лакосин не заметил, и совсем было с дороги уехал. Я кричу, стой! Он успел остановиться. А так ехал прямо к месту, где чукчи ездовых собак привязывают. Ну ладно, постояли, разобрались, где дорога, с трудом спустились. В Лаврентии, правда, пытались в море уехать, но это уже мелочи.

Праздник кита.

В прошлую субботу в Лаврентии был праздник кита. К сожалению, я на эту охоту не ездил, так как на нее ходили старший Зеленский и два американских корреспондента. Потому места не осталось. Но и на берегу было забавно. Объявление о празднике появилось на доме культуры еще в среду. Гладков (наш новый почвовед в экспедиции) - смешной, еще к Чукотке не привык. Часов в 11 говорит, пошли, да пошли. А я - ну и иди, если хочешь. Пошел он на причал, там народ слегка кучкуется, но ничего особенного не происходит. Короче, он еще раза три ходил, без изменений. А ведь все очевидно, ну какой праздник кита без кита? А кита ведь еще поймать надо. Я же все это время сидел на компьютере, писал статью и страшно ругался.

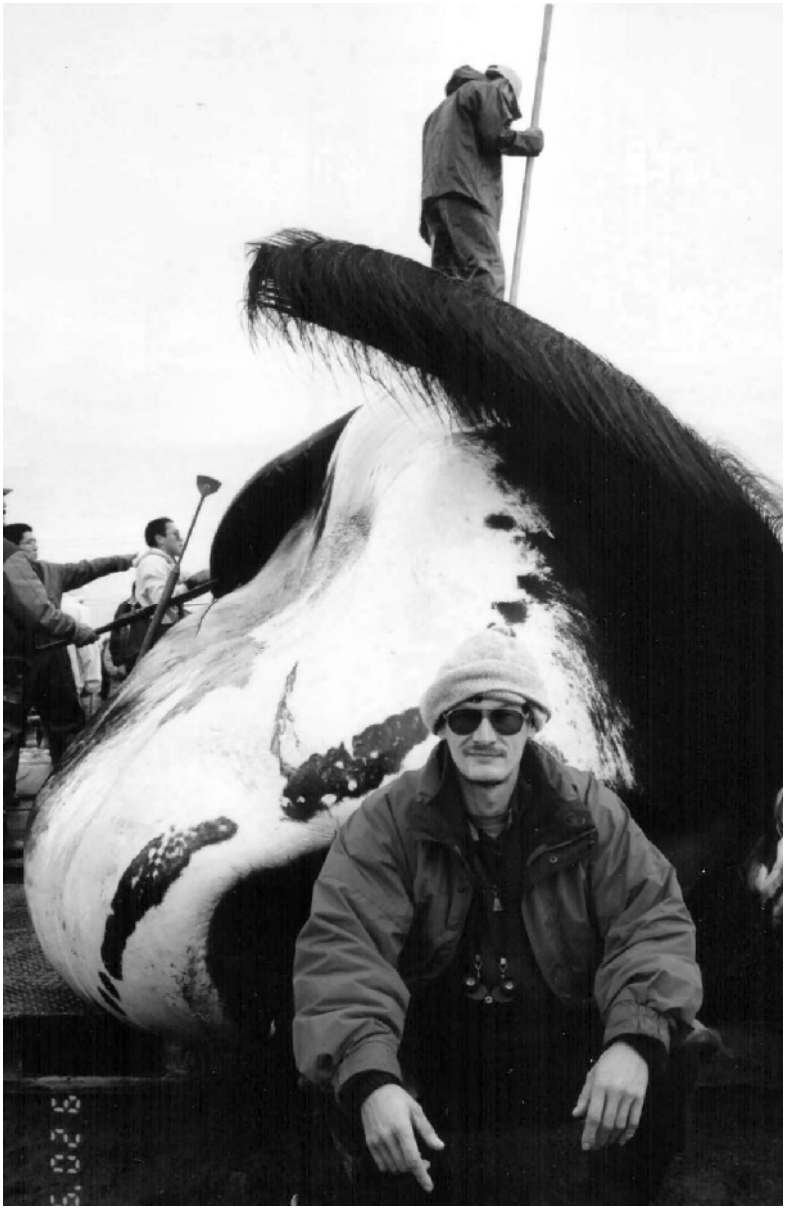
Часа в три понял, что мозги от интеллектуальной активности и нецензурной брани несколько задымились, и пошел на причал устраивать праздник кита. Встретил там Гену Зеленского, который сказал, что кита поймали и тащат. Зашли в его балок на причале, у его было с собой пиво, стали ждать кита. Гена обложился всякими баночками, пакетиками, ножиками и прочим инструментом, пробы кита брать и паспорт на него заполнять. А я стал размышлять о китовых судьбах. Это же надо, чтобы паспорт получить, надо обязательно помереть.

Тем временем пиво кончилось, сходили за портвейном. Тут и кита притащили на катере. Народ весь к причалу стянулся, все с ножиками, ведрами и мешками. Прицепили кита к бульдозеру, стали на берег вытягивать. Удалось с пятой попытки, трос все время лопался. Забавно, ведь все время китов тягают, ну неужто нельзя трос потолще сразу взять? Как никак, все же праздник.

Как кита вытянули, стали пытаться ритуал организовать. Рынтеймит (это не ругательство, а наш знакомый чукча из администрации) ходил с мегафоном и все кричал: "Отойдите от кита, отойдите от кита, подождите!". На некоторое время народ сдержали.

Сначала симпатичные чукчанки в национальных одеждах кита водой окропили, потом охотникам воды и хлеба поднесли (я тоже причастился, хоть на охоту и не ходил), потом в бубен побили и попели. Но вот дальше казус вышел. Охотники первые должны были кита резать начать, часть мяса женщинам дать и что-то там дальше по ритуалу. Но народ как увидел, что кита уже режут, так сразу и навалился со всеми своими ножиками и ведрами. Отогнать мегафоном не удалось, и потому окончания ритуала я не увидел.

Уже через полчаса от кита, можно сказать, один хребет остался. Гладков грозился тоже мяса отрезать, но как эту кучу-малу видел, не рискнул. Пришлось мне постараться. Я, правда, проще поступил. Увидел знакомого охотника, говорю: "Коль, отрежь кусочек". Он мне и отрезал. Мы этим кусочком еще долго питались.



История с кубом.

Гена Зеленский купил нам железный ящик, куб размером 1.25^x1.25^x1.25 метра. В нем один чукча моржа хранил. Мы в это ящик собирались оборудование перенести, чтобы оно зимой в нем работало. Да и самому туда можно залезть, чтобы оборудование проверять. Так вот, ящик на замок был закрыт. Гена спрашивает у бывшего хозяина, где ключ. Тот отвечает, потерял. Ну, а делать что? Тот говорит, пилить, наверное. Гена приходит с ножовкой, пилит-пилит, распиливает, и лишь потом обнаруживает, что замок вообще не был заперт, лишь дужка для вида в тело замка была засунута. А в ящике действительно морж лежал. Причем давно. Перетащили мы этот ящик к пожарке, и дальше его пожарная машина полдня промывала, со всякими моющими средствами. Однако запах моржа и пару лет спустя чувствовался, особенно по жаре. Этот запах и мухи чувствовали и в этот ящик все время лезли. Приходишь, дверь открываешь, а оттуда рой. Больше всего они ноутбук (компьютер) полюбили. Он же теплый, на нем погреться можно. Загадили так, что экрана видно не было.

Сохраним морских коров!

Освоение Ванкорского нефтяного месторождения с прокладкой нефтепровода Ямал-Диксон является одним из наиболее масштабных проектов в современной России. Внимание проекту придается очень большое, хотят все сделать по уму. Где-то с месяц[17] назад в Роснефти (обладающей правами на Ванкор) проходило совещание, посвященное рассмотрению проекта, с приглашением представителей природоохранных организаций. Один из таких представителей в своем выступлении сказал, что надо очень внимательно рассмотреть экологические последствия строительства нефтепровода, чтобы не получилось так, как с морскими коровами (напомню, морская или Стеллерова корова была открыта в 1741 году, а к 1765 успешно выбита российскими зверопромышленниками). В стенограмме совещания фраза звучала уже несколько по другому: «чтобы не случилось чего с морскими коровами».

Забота об экологии Российской Арктики, включая ее уникальное животное население, показалась руководству Роснефти крайне важной в пиаровском отношении, и потому стенограмма совещания активно использовалась при подготовке выступления гендиректора Роснефти г-на Богданчикова на коллегии Минэкономразвития. В этом выступлении (я сам видел документ) было сказано: «На острове рядом с Диксоном живут уникальные морские коровы, не встречающиеся больше нигде в мире. При строительстве нефтепровода это место следует обойти стороной». Доклад был встречен коллегией Минэкономразвития «на ура», в том числе и забота о морских коровах.

В результате оперативно готовится документ за подписью уже г-на Грефа, посвященный, естественно, охране морских коров. Этот документ официальным образом поступает в администрацию Таймырского автономного

[17] История происходила в 2005 году.

округа и содержит требование разработать комплекс мер по сохранению и приумножению поголовья морских коров. Документ регистрируется в аппарате губернатора и отправляется на исполнение, то бишь в отдел по экологии. И вот только начальник этого отдела оказывается грамотным человеком, и он понимает, в какую неприятную историю попал.

Документы всех вышестоящих организаций свидетельствуют о существовании морской коровы. Не принять меры к охране значить нарушить директивы. А если принять, то рано или поздно будет проверка из Центра, обнаружат, что коровы исчезли, и, естественно, все шишки за их вымирание падут на отдел охраны природы. Но тут у начальника отдела рождается в голове светлая мысль, и он пишет официальный запрос о состоянии дел с морской коровой в Институт сельского хозяйства крайнего севера. Мол, они ученые, пусть и придумывают, что делать. И вот застаю я двух ведущих специалистов этого института, которые думают, какой же ответ давать в администрацию. Что корова вымерла, они прекрасно знают, но ответственность за ее вымирание тоже брать не себя не хотят. Я им говорю, мужики, надо писать как есть, мол, корова вымерла, но при этом обязательно сослаться на уважаемый литературный источник. Идея эта им ужасно понравилась, в результате родился официальный ответ института со ссылкой на Большую Российскую энциклопедию. Теперь он пошел по инстанциям в обратном порядке.

Да-а, не было Грефа на российских зверопромышленников в XVIII веке. Глядишь, и корову бы сохранили…

Хлеб или батон?

Как известно, значения слов в разных местах могут несколько различаться. Вот, казалось бы, такое простое слово, как хлеб. Его можно делать в разных формах, и тогда получается булка, батон, буханка, каравай. Можно сделать из хлеба лаваш или лепешку. Но, как оказалось, это сугубо московское представление о хлебе. В Норильске, например, хлебом называется только булка, причем булкой называется буханка (хлеб в форме кирпича). В результате в магазинах со мной часто возникали комичные ситуации. Стою у прилавка, взял овощей, колбасы, вслух размышляю: «Что-то мне еще надо. О, хлеб забыл взять. Дайте-ка мне лаваш». Продавщица дает лаваш и спрашивает: «А хлеба вам сколько булок?». То есть для нее лаваш никак хлебом быть не может. Через пару дней: «Дайте мне пожалуйста, батон хлеба». В ответ недоуменный вопрос: «Так вам батон или хлеба?»

Где живет Чингисхан.

Это скорее случаи, а не истории. Первый случай произошел в далеком 1998 году в аэропорту города Анадырь. Наша экспедиция возвращалась из тундры, жили полтора месяца в палатках, я попытался отпустить бороду. Борода у меня растет своеобразно, получается нечто татаро-китайского вида. Подхожу я к кассе, просовываю в окошко три паспорта и говорю: «Три билета до Москвы». Девушка в кассе, не глядя на меня, берет паспорта, заполняет бланки билетов

(тогда в Анадыре их еще вручную выписывали), называет сумму, я просовываю в окошко деньги, она отсчитывает сдачу и, отдавая мне, наконец поднимает взгляд. Вдруг глаза у нее расширяются, челюсть слегка отвисает и с благоговейно-изумленной интонацией она произносит: «Ой, Вы так похожи на Чингисхана!». От удивления я тогда забыл спросить, а где же она его видела.

Второй случай позволил дать ответ на этот вопрос. Поехал я в Дудинку. Это столица Таймырского автономного округа. Реальная функция города – порт на Енисее при Норильском комбинате. Приехал я туда довольно рано, прогуливаюсь по улицам. Идет мимо какой-то мужик и спрашивает: «Эй, ты чего тут гуляешь?». Я честно отвечаю: «Музей краеведческий ищу» (учитывая раннее утреннее время, мой ответ звучал почти как классическое «Скажите, как пройти в библиотеку»). Тот удивляется «А ты что, там никогда не был?» «А как я мог быть, если только что из Норильска приехал?» Тот удивляется еще больше: «Надо же. А нас здесь совсем такой же как ты ходит». Так что я теперь точно знаю, что Чингисхан живет в Дудинке.

Третий случай имел место в Норильске. После очередной, не самой удачной, попытки найти что-нибудь интересное (*Дима очень любит на досуге ловить бабочек. – прим. автора*), спустился я с Хараелахских гор. Вполне выбритый, но с длинными волосами, собранными в хвост. На голове охотничья камуфляжная шляпа «Hunter», ниже камуфляжная куртка военного образца и штаны от противоэнцефалитного костюма, к моему удивлению, спокойно прокусываемые комарами. Захожу в продовольственный магазин в поселке Талнах. И натыкаюсь на испуганно-удивленный возглас продавщицы: «Ой, вы совсем как моджахед!». Да, как то понизился у нас уровень образования. Чингисхана с моджахедом народ путать стал…

(*дальше подхватываю выпавшее знамя рассказчика снова я, то есть автор*).

Апокалипсис сегодня.

Когда мы работали в районе чукотского поселка Провидения в 1997 году, там стояла полнейшая разруха. СССР уже кончился, а Россия все не начиналась. На краю береговых утесов стояли пустые дзоты, на сопках валялись горы брошенной военной техники. Голодные солдатики-недомерки, стреляющие курево. Пьяные эскимосы и чукчи. Проституция за бутылку водки. Из Провидения лучший народ бежал на материк толпами. Худший – оставался.

Скоро мы это почувствовали на себе. Половину лета мы прожили в заброшенном пионерском лагере на горячих ключах на берегу моря. Все хозяйство и дома были уже до нас разнесены или сожжены местным населением не хуже, чем вражеской авиацией. Для себя мы приспособили последний полуразрушенный дом, покрыли крышу остатками шифера, заклеили разбитые стекла, соорудили печку из кирпичей. Каждые выходные

Это вовсе не омоновец, а Андрей Иванович Иващенко на смене в тундре (1998).

наезжали толпы отдыхающих из Провидения на вездеходах и грузовиках, пьянствовали и оставляли груды бутылок. Жить на помойке не хотелось. Поэтому помимо основной работы мы работали чистильщиками.

Пока мы там были, местные нас в общем не трогали, но как-то раз приехал на вездеходе пьяный сынок местного прокурора с девицами и, как танком, начал крушить все подряд. Чувствуя, что скоро придет черед и нашего домишки, я взял ружье, зарядил оба ствола пулями, и демонстративно сел на крыльце. Видимо увидев, что я настроен решительно, «танк» отступил. Но те секунды, пока он «размышлял», жизни мне не прибавили. Впоследствии он все-таки добился своего: кто-то его обстрелял и взял в плен.

Когда мы вернулись в конце лета в Провидения, то застали там полный апокалипсис и кавардак. Во всяком случае ночью выходить из дома не стоило. Мы и не выходили. Накануне отъезда устроили отвальную, как водится выпили и легли спать. Но как потом выяснилось – не все. Год спустя, когда Замолодчиков стал пересматривать видеозаписи, он с изумлением обнаружил видеолетопись похождений Андрея Иващенко той ночью.

Оказывается Андрею стало скучно и он решил прогуляться перед сном по ночному поселку. А поскольку своей видеокамеры у него не было, то он прихватил замовскую. Камера висела у него на шее и все снимала.

По силе художественного воздействия эта документальная лента могла бы поспорить с «Броненосцем Потемкиным» Эйзенштейна, или «Ведьмой из Блэр». У зрителей просто дух захватывало. Чего стоил, например, один только эффект присутствия, когда прямо в камеру наносились удары нападавших на Андрея врагов, все смешивалось, земля и небо, а потом, когда камера поднималась снова, перед очарованными зрителями появлялось поле боя, на котором валялись поверженные эскимосы и спокойный голос Андрея, который никогда не забывал про комментарии, говорил за кадром: «Вот так проводят свое время жители поселка Провидения».

Термальная жизнь.

На следующий год, после ужасов Провидения, мы попали в совершенно замечательную экспедицию в долину горячих ключей Гильмимвеем, в центре Чукотского полуострова. Там мы жили в палатках, в полном одиночестве, и после того, как нас забросили туда вездеходом, людей почти не видели. Зато в первое же утро моего дежурства на меня из тумана вышел здоровенный медведь. Увидя меня он так удивился, что встал на дыбы. Что было делать? Я тоже встал и стал орать на медведя матом, чтобы он убирался. Медведь убежал в туман и больше я его не видел.

Ребята мне не поверили, но стали ходить на дежурства с моей двустволкой. А после того, как я рассказал им, что читал, будто медведи очень любят сбрасывать камни с горы, они полезли на кручу, под которой мы поставили палатки и сбросили с нее все камни, которые там были, чтобы медведи не нашли. Замолодчиков все удивлялся: «И чего они только не умеют!».

Вскоре жизнь стала налаживаться, а помогли нам в этом горячие ключи. Температура в них бывает разная, но приятно то, что она всегда постоянная. Если, например, она равна +98С, то так всегда и будет. Первое, что мы сделали, это начали мыть горячей водой посуду, что согласитесь, невиданная в экспедиции роскошь. Дальше – больше. Вскоре сделали в земле бассейн, в котором смешивали воду из холодного ручья и ближнего горячего источника, доводя ее до любой потребной температуры. Я, например, любил температуру +36.6С.

Из-за солей, использовать горячую воду в пищу было нельзя, но мы поступали так: у дежурного всегда была закопана в 60-градусном ручье канистра с ключевой водой. Эту воду он и ставил в кастрюльке на примус, быстро доводя до кипения. В результате к концу лета мы на сэкономленном бензине смогли переехать на лодке знакомого рыбака все озеро Иони и увидеть загадочные источники «Бабушкины очки».

Другим полезным изобретением оказалась сушилка. Мы закопали старую железную бочку из-под горючего в самый горячий из ключей, положили в нее камни и вывели трубу из пустых консервных банок, слепленных скочем. Мокрую одежду клали в бочку и закрывали крышкой. Сырая телогрейка высыхала в ней полностью через несколько часов. В том же ключе Андрей варил потом сгущенку, опуская почти в кипяток обвязанную веревкой банку.

Дневной дозор (озеро Иони).

Рыбак Леша Бисеров, к которому мы ходили на озеро Иони за 18 километров, был нашим единственным соседом. В первый раз мы пошли к нему, когда у нас кончилось курево. Надо сказать, что я тогда еще курил, и взял запас сигарет на себя, как обычно. Но не учел, что двое остальных членов экспедиции решили бросить курить. Об этом они известили меня еще в Лаврентии. Однако не прошло и нескольких дней, как они стали без зазрения совести стрелять мои сигареты и вскоре моему запасу настал конец. Откуда же я мог знать, что мне придется содержать на своем табачном запасе еще двоих, бросивших курить.

С Лешей Бисеровым связи никакой не было и мы с Замом (Иващенко с ружьем остался в лагере на хозяйстве) нагрянули к нему нежданно. Леша так обрадовался, что безропотно отдал нам свое единственное сокровище – трехлитровую банку окурков, собранных за год. Правда, потом он всем жаловался, что «пришли из тундры московские ученые и все бычки скурили».

«Бабушкины очки». Я стою на их переносье.

В 1996 году мы все лето проработали в тундре под Воркутой, и я получил от жены письмо следующего содержания: «...меня тут на почте приняли за жену какого-то ссыльного (или декабриста). Ну как-же: «Воркута – до востребования». Все смотрят на меня с сочувствием».

Там же у нас работал молодой сотрудник института микробиологии, некто Леша Скичко. Леша был в полевом отношении человеком совершенно зеленым.

Всему его приходилось учить. Но он отплатил нам сторицей, сделав под конец лучший комплимент за всю нашу экспедиционную жизнь. Он сказал: «Я думал, что в экспедициях все время пьют, и только в последние дни что-то судорожно делают. А у вас все наоборот: вы все время работаете, а в последний день судорожно пьете».

Кандидаты в бомжи.

Замолодчиков любит историю, приключившуюся с нами в Воркуте на заре наших туда экспедиций. В конце полевого сезона надо было отправить в Москву грузо-багажом по железной дороге что-то из оборудования. Но тогда ничего не принимали в незашитом виде. Пришлось нам пойти в соседний магазин, купить там бязи, ниток, и вооружившись иголками, сидеть и зашивать в воркутинском багажном отделении наши ящики и коробки. Сидели мы на полу, да и вид после полевого сезона был соответствующий. Вдруг в открытые ворота багажного склада вбегает весь запыхавшийся проводник поезда и кричит нам: «Бомжи есть? По десятке на брата». Они их обычно нанимали вагоны убирать. Замолодчиков, мерно помахивая иглой, говорит: «Нет. Есть только кандидаты наук». Надо было видеть физиономию проводника.

Проводы в Воркуту. Андрей Иващенко, Ольга Колосова (жена Замолодчикова), я, Андраник, моя жена Ольга Волкова (выглядывает из-за плеча Андро) и сам Замолодчиков судорожно пьем пиво перед отъездом (Ярославский вокзал, 1995).

Реквием Хальмер-Ю.

В 1995 году нам удалось раздобыть экспедиционных денег только на то, чтобы добраться по железной дороге до Воркуты. Нам нужна была тундра. К слову, это единственная железная дорога в мире, которая заканчивается прямо в тундре. От Воркуты тогда шла на север еще и узкоколейка, длиной километров 60, до шахты и одноименного поселка Хальмер-Ю. Поселок поразил нас картиной полной разрухи. На фоне синевшего на горизонте хребта Полярного Урала, посреди холмистой зеленой тундры высились плотной толпой жилые пятиэтажки, дом культуры, кинотеатр, магазины, и все это было брошено на произвол судьбы. От былого населения в 3000 осталось едва 400 человек. Все было разбито и разворовано. В большинстве домов стекла были выбиты и по пустым коридорам гулял ветер. По улицам бродили стаи из породистых разнокалиберных собак, которых бросили хозяева. Ходить по пустым улицам было страшновато.

От горного управления нас опекал главный инженер шахты. Он-то и поведал печальную хальмерюсскую историю. По неисповедимой мудрости ельцинского правительства все северные шахты закрывались, как нерентабельные, а людей выселяли на материк за компенсацию или квартиру. Но, оказывается, по словам главного инженера, шахту собирались заливать не водой, что позволяло ее при надобности быстро расконсервировать, а бетоном, что делало поступок уже необратимым. Сама марка местного коксующегося угля была уникальной и известна в мире под собственным названием «хальмерюсской». Вместо него собирались закупать уголь за большие деньги, не то из Германии, не то из Франции.

Все это напоминало хорошо рассчитанное вредительство. Рассказывая, инженер чуть не плакал. Чтобы хоть как-то утешить бедного инженера, которому некогда было бегать по тундре, мы натаскали ему полную ванную грибов. Набрать грибов в тундре – это настолько не проблема, что гастрономический и спортивный интерес к ним уже не возникает. Но в Хальмер-Ю это был год, когда мы, чертыхаясь, ежедневно очищали свои рабочие площадки от грибов, а на следующий день они зарастали ими снова. Местное население днем и ночью вывозило их из тундры мотоциклами с колясками, но они не кончались.

На следующий год шахту все-таки залили бетоном, поселок закрыли, а узкоколейку разобрали. Дома стоят там посреди тундры до сих пор, и теперь их используют как ракетный полигон. Недавно студенты показывали мне вывешенный в интернете снимок взрыва тамошнего дома культуры. Говорят, что автор этого меткого попадания ракетой - лично господин премьер. Он ведь любит все сам пробовать...

До Воркуты очередь пока не дошла. Со студентами и волонтерами на 67-ой параллели (Воркута, 2000-е годы).

Спартак-Бордо.

Примерно к этому времени относится одна из первых наших с женой поездок в Европу. Осенью 1999 года, я как человек неизлечимо больной футболом, решил поехать в город Бордо на ответный матч кубка УЕФА между Спартаком и одноименным французским клубом. Ехать решили на автобусе, вместе с фанатами. Ехать надо было через Польшу, Германию, Бельгию и Францию. Как потом сказала Ольга, если бы она знала что ей предстоит, ни за что бы не поехала.

Для начала все, конечно, напились, да так, что навсегда сломали автобусный туалет. После этого наш вожатый Валера поделил автобус невидимой чертой пополам на «первый класс» и «галерку».

В «первом классе» ехали три семейные пары, в том числе и мы. У нас нельзя было курить, пить и ругаться. И спали мы с комфортом, поперек салона. Зато на галерке можно было все и много чего еще. В Германии одного из них мы просто забыли на бензоколонке. В Париже нас поселили в дешевой гостинице на Пляс-Пигаль, куда водили своих клиентов проститутки. Временами они ошибались и пытались войти в наши номера. Один из наших, некто Серега, который пил вообще без просыпу, и обычно валялся у всех в автобусе под ногами, чуть не упал с эйфелевой башни. По улицам «галерка» ходила толпой, в спартаковских «розах», скандируя лозунги, и тащила все, что плохо лежит.

Так мы и двигались постепенно на Запад, как гунны, приводя в ужас цивилизованную Европу. В Бордо, куда мы, как ни странно, все же доехали, нас всех по указанию предводителя расписали красно-белой гуашью и выпустили

на арену. Потом я с ужасом обнаружил нашу общую фотографию в еженедельнике «Футбол», но, слава Богу, из-за боевой раскраски меня там было не узнать. Больше я с фанатами на футбол не ездил.

«Красно-белые» страсти на улицах Бордо.

* * *

Основные защищаемые положения и апробация работы (окончательная зрелость).

Решением
Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации
от 2 июня 2006 г. № 24/g/27
Карелину Дмитрию Витальевичу
ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ
ДОКТОРА
биологических наук
Председатель
Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки
Российской Федерации

Правильный подход.

Дима Замолодчиков, на вопрос ученого секретаря нашего диссертационного совета, милейшей Натальи Васильевны Карташевой, о том, как идут дела с написанием моей докторской, ответил, что все в порядке и по его сведениям я написал уже 300 страниц. Карташева сказала: «Ну и хватит».

Парадоксы бюрократии.

Уже после того, как я защитился, выяснилось, что в ВАКе (Высшей Аттестационной Комиссии) из-за организационных проблем давным-давно нет никаких бланков дипломов и людям поэтому на руки вот уже год выдают справки. Для получения справки следовало подать заявление по форме на имя недавно ставшего председателем ВАК академика М.П.Кирпичникова. Подписывать эту бумагу должен был, соответственно, руководитель подразделения, где работает заявитель. Но проблема для меня заключалась в том, что Михаил Петрович недавно стал и деканом нашего биологического факультета. Однако делать нечего. Пришлось мне писать заявление на имя М.П.Кирпичникова и относить его на подпись в приемную декана факультета, т.е. ему же самому.

А это защита докторской самого Замолодчикова, несколькими годами раньше. После защиты я нарядил Диму в полные врачебные доспехи, включая стетоскоп, перчатки, и хирургический костюм. На его груди написано: «Doctor of tundra”(кафедра гидробиологии, 2003).

Как кот остепенился.

Про профессора Вадима Дмитриевича Федорова («В.Д.»), заведующего кафедрой гидробиологии и председателя нашего защитного совета, ходит много историй. Просто человек такой неординарный. Но мое воображение особенно поразила одна. Рассказывают, что вроде бы однажды В.Д. поспорил с известным биохимиком, профессором Скулачевым (тогда еще членом-корреспондентом РАН), что защитит кандидатскую диссертацию своему любимому коту, Касперу. Ну, поспорили на бутылку коньяка и Скулачев про это вскоре забыл. Но В.Д. - человек слова. Сказано – сделано. Благо он был председателем диссертационного совета. Долго ли, коротко ли, написал он диссертацию вместо кота, оформил как положено отзывы оппонентов, подписал их, разослал автореферат, ну и все, что следует. Протокол защиты оформил и отослал все документы в ВАК.

Проходит положенный срок и приходит ему на домашний адрес открытка, что, мол, диссертация Каспера Федоровича Кота утверждена Высшей

Аттестационной Комиссией и можно за дипломом являться. За кандидатским дипломом может и секретарь Совета приехать, так что проблем с этим не возникло. Повесил В.Д. диплом кота на стенку в рамочку и Скулачева в гости зовет. Скулачев пришел, увидел, и весь позеленел от злости. Большой говорят в ВАКе скандал был, когда пришел Скулачев и стал требовать, что раз коту профессора Федорова степень кандидата дали, то его коту чтоб дали не меньше доктора, поскольку его хозяин - член-корреспондент (сейчас, правда, уже академик). Будучи в гостях у Федорова я как-то не удержался и спросил, есть ли в этой истории хоть капля правды. В.Д. отмолчался, а у Каспера я спросить не посмел.

Про котов ученых.

Относительно котов в научной среде ходит много разных правдивых историй. Например, слышал я, как один из наших биологических академиков, который работал в биограде Пущино, развелся с женой, и отсудил себе любимого кота. Но поскольку дома с ним сидеть было некому, а кот одиночества совершенно не переносил, пришлось на все ученые советы возить его с собой. По словам очевидцев, приезд академика выглядел так. К институту подъезжала черная «волга», открывалась дверца и первой появлялась рука академика с корзинкой, в которой сидел кот. На самих заседаниях он выпускался на волю и ходил по аудитории, или спал на руках хозяина, а после увозился обратно все в той же академической корзинке.

Другой известный кот принадлежал Всесоюзному Институту Охраны Природы и заповедного дела (сокращенно: ВНИИОПИЗД). Тот сам приходил на все заседания ученого совета института, ложился на стол, покрытый зеленой скатертью, и спал. Может быть это напоминало ему лето и травяную лужайку. Говорят, что рыжий кот на зеленом фоне смотрелся очень эффектно, как на полотнах импрессионистов. В конце заседания просыпался и уходил вместе со всеми.

У Замолодчикова была снежно-белая персидская кошка по имени Шейла, которую он почему-то звал «котом». «Кот» был завзятым охотником. Зная, что хозяин неравнодушен к бабочкам (он один из самых крупных коллекционеров в Москве), и часто расправляет их на своем столе, Шейла вцеплялась когтями в настенный ковер, висела в этой засаде и ждала, когда в комнату с улицы залетит какая-нибудь бабочка. Как только неосторожная бабочка приближалась, Шейла мгновенно цепляла ее лапой, приносила в зубах Замолодчикову и клала на стол.

Зависть.

Однажды я был в гостях у моего давнего приятеля и одноклассника Леши Кляшторина («Кля») и он продемонстрировал мне своего нового серого кота. Кот поразил размерами, солидностью и выражением полного счастья на усатой морде, даже когда Кля крутил его держа за хвост вокруг своей оси. Вскоре

выяснилось, что его недавно кастрировали. Да, подумал я, а ведь это и правда решение многих проблем. Вот только жаль, что сами мы на это никогда не пойдем.

К вопросу о языкознании.

Раньше, если спрашивали, сколько языков я знаю, говорил, что знаю два языка: английский и испанский. Но в последние годы, после общения с современными студентами, стал говорить, что знаю три языка: английский, испанский и русский.

Потрясение.

Мой однокурсник, известный океанолог А.В. Гебрук, который участвовал в экспедиции «Академика Келдыш» по поиску «Титаника», показал нам как-то хранящуюся у него насквозь проржавевшую заклепку от его корпуса, которую по собственному признанию утаил после одного из глубоководных подъемов фрагментов судна на палубу. Эту экспедицию финансировал Д. Камерон при съемках всем известного одноименного фильма. Сидя на московской кухне и держа на ладони этот небольшой, но увесистый предмет, я испытал настоящее потрясение. Впрочем, на присутствовавшего при этом Буяновского, как человека лишенного воображения, это не произвело никакого впечатления.

Проверка на сообразительность.

Наш Центр по проблемам экологии и продуктивности лесов арендует часть этажа в колоссальном здании ИКИ – института космических исследований. Подъезды там выполнены в виде двух длинных рядов стеклянных дверей, так что открываться из них может теоретически каждая. Руководство института не дает сотрудникам расслабиться и открытыми держит каждый раз другие комбинации дверей. Поэтому можно часто видеть, как сотрудники бьются очками о стекло там, где еще вчера был вход. Чтобы разгадать этот тест надо проявить недюжинные способности к экстраполяции.

Нам с Васей Грабовским, как выпускникам кафедры зоологии позвоночных, это напомнило лабиринт, который применяют для изучения высшей нервной деятельности у крыс, бия их током при неправильном решении и давая еду в случае успеха. Вася, правда, заметил, что у крыс это получается лучше, чем у научных сотрудников.

... и проверка на дорогах.

То, что мы арендуем часть этажа в институте космических исследований однажды сослужило мне неожиданную службу. Несмотря на то, что многие организации-арендаторы огромного здания ИКИ не имеют никакого отношения к космосу, пропуск на служебную стоянку при институте у всех одинаковый. Это запаянная в пластик довольно внушительная штуковина с надписью «Институт космических исследований РАН». Я обычно держу ее под лобовым стеклом машины. Как-то еду по минскому шоссе к себе в деревню, и проезжаю пост ГАИ перед поворотом на город Гагарин (Гжатск, в прошлом). Меня

останавливает инспектор и заявляет, что у меня ремень не пристегнут. Я обращаю его внимание на пропуск и говорю, что послан институтом на родину первого космонавта с важным заданием. Гаишник, посмеиваясь, отпускает, но замечает, что Гагарин-то, небось, ремень в космосе пристегивал.

Здесь я позволю себе отвлечься. Меня бессчетное множество раз останавливали наши гаишники, и почти никогда – полиция за границей. Исключение составляет только черная Африка, что лишний раз подтверждает мою давнишнюю мысль о единой сущности населения России и Африки. Но в случае, о котором я хочу рассказать, сходство на том и закончилось.

Однажды в Танзании мы возвращались обратно в Дар-эс-Салам. За рулем нашего старенького экспедиционного «лендкрузера» был я. Вдруг на шоссе нас останавливает полицейский за превышение скорости. После обычного обмена приветствиями на английском и вежливых вопросов о цели нашего путешествия, полицейский говорит: «Вы сэр, знаете ли, нарушили правила. Извольте заплатить штраф». Однако я вижу, что радара при нем нет и решаю идти в отказ до конца. «Нет сэр, - говорю, - не нарушал». «Нет нарушили, сэр». «Никак нет, не нарушал».

В конце концов этот диалог, напоминающий выдержку из «Похождений бравого солдата Швейка», полицейскому надоел и он говорит: «Так вы, сэр, будете платить 10 тысяч шиллингов (что-то около 150 рублей) или просто извинитесь?». «Просто извинюсь». «Ну ладно. Спасибо, сэр. Добро пожаловать в Танзанию!». На английском этот сюрреалистический диалог с полицейским выглядит еще лучше: «Sir, would you pay ten thousand shillings or just say sorry?”. “Say sorry”. “Okay. Thank you, sir. Welcome to Tanzania”.

Как известно, в России две главные беды: дураки и дороги. В Москве к этому добавляется еще и третья: тополя (не считая труб на горизонте и люков на дорогах). Побывав в Нидерландах и Дании, я понял, что оказывается беды могут быть и в этих вполне благополучных странах. Это велосипедисты.

Если европейские дороги можно условно считать двухмерными, то есть обладающими только длиной и шириной, то российские – трехмерными, так как в России к этим двум измерениям добавляется еще и третье - глубина. Следить одновременно за тремя измерениями куда сложнее, поэтому у нас и аварий больше. К тому же в нашей стране, в каком-то смысле, существует еще и четвертое дорожное измерение, роль которого выполняет милиция.

Так вот, оказывается, кто первый посадил меня за руль! А если учесть, что это произошло в зоопарке, то вообще многое становится на свои места.

Славянская загадка.

В свое время я никак не мог уразуметь, в чем же заключается т.н. «славянская загадка» с точки зрения западного человека. Потом понял, что ее можно сформулировать в нескольких словах: «Белые, а живут как негры».

За этим скрывается поразившее меня в свое время открытие. Оказывается между русскими и негритянскими народами существует необъяснимое мистическое сходство. Например, и те, и другие патологически не любят работать, подозрительно относятся к людям с другим цветом кожи, доверчивы, склонны к халяве, ленивы и нелюбопытны. Это дает нам несомненное преимущество в Африке, как людям, всю жизнь прожившим в очень похожей среде. Попав туда, я довольно быстро понял, что во всех обстоятельствах надо действовать так, как привык в России, и тогда все будет в порядке. В частности,

ни в коем случае нельзя полагать, что если ты заплатил деньги, то работа будет выполнена. Нет, работу вам, скорее всего, придется сделать самому, но деньги заплатить все равно придется. В свою очередь, западные люди в России испытывают аналогичные проблемы только до той поры, пока не поймут, что там надо действовать так же, как в Африке.

На африканских дорогах, как и в России, может случиться все что угодно. Так, что расслабляться нельзя. Между Дар-эс-Саламом и Арушей в Танзании есть участок пустыни, километров 200, на котором обычно ничего не происходит. Едешь себе, и едешь.

Как-то раз, я на скорости километров 80 в час (быстрее наша машина не ехала) проезжал мимо сельского человека, который шел впереди нас по обочине, неся что-то на голове. Когда я с ним поравнялся, тот вдруг начал поворачиваться, чтобы перейти дорогу, и я с ужасом понял, что это было длиннющее бревно. Бревно начало перегораживать мне дорогу, как шлагбаум. Сделать уже ничего было нельзя, и бревно начисто снесло нам зеркало, едва не прибив пассажира. На самого же человека это не произвело никакого впечатления. Он помахал нам рукой и с улыбкой продолжил свой путь с бревном.

К вопросу о точности.

Доктор биологических наук А.Н. Кузнецов, больше известный как «Кузя», однажды отправил сам себя в экспедицию в Аргентину, чтобы найти там следы древнего человека. Человека он не нашел, но время провел с пользой, о чем и делал по приезде подробный доклад с показом слайдов на квартире у нашего однокурсника, антрополога Андрея Маурера («Рера»), с которым он туда и ездил. Присутствует довольно много народа, в основном, зоологи и палеонтологи. Кузя рассказывает про район исследований: «Раскопки показали, что 5 миллионов лет назад здесь упал метеорит, потом через 1 миллион лет в этом месте снова упал метеорит, и около 100 тысяч лет назад - еще один».

Комментарий Аркадия Савинецкого: «Кучно клали».

Склиф.

Когда моя жена, Ольга, по поводу серьезной травмы попала в институт скорой помощи Склифософского («Склиф»), я ходил туда почти каждый день и частенько не успевал в часы посещений. Тогда мне приходилось проникать туда со служебного входа, через сад. Все проходило без проблем только если я не нарывался на одного охранника с очень противным выражением лица, который всегда меня злобно прогонял, не слушая никаких жалостных объяснений. При этом он меня знал как облупленного, поэтому это была уже не похвальная бдительность, а простая вредность. Однажды, напоровшись на него в очередной раз, и получив отлуп, я не стал как обычно жалостно ныть, а уже уходя, сказал в сердцах: «Ну и вредный же ты мужик!». Эффект был совершенно неожиданный: «Ладно, проходи». Я долго думал над этим

психологическим феноменом и решил, что видимо это потому, что для русского человека в любом деле главное – это правда.

Как-то в Склифе я ждал свою жену на площадке перед лифтами. Рядом со мной громко орал что-то по сотовому весь перебинтованный негр. Я уже привык, что в Склифе основной контингент - это самоубийцы, алкаши, или те кого били, но недобили, и поэтому ничему особенно не удивлялся. Продолжая оживленный монолог на неведомом африканском наречии, негр вдруг пояснил невидимому собеседнику: «Дали по морде», и снова перешел на родную речь.

Сицилианская защита.

Я попал на Сицилию, в общем-то, случайно, сопровождая делегацию студентов нашего факультета на российско-итальянский форум в Палермо. Форум вышел скучный, в городе стояла чудовищная, прямо-таки, библейская жара, и первые дни мы ничего кроме заседаний не видели. Перед закрытием форума был назначен футбольный матч «Сицилия – Россия». Замечу, что, видимо, это был первый и последний матч между такими государственными образованиями. Перед началом выяснилось, что играть за Россию некому,

Наша команда перед матчем.

Кубок наш!

поскольку в российской делегации в футбол кроме меня никто толком не играл. Чтобы избежать позора, срочно была сколочена преподавательско-студенческая команда, состоящая, почему-то, только из москвичей и казанцев. Должно быть, в этом выразилось русско-татарское единство перед лицом внешней угрозы.

Итальянцы выдали нам какую-то странную «жовто-блакитную» форму, больше приличествующую украинцам, хотя сами облачились в традиционные синие цвета «скуадры адзурры». Кроме того, ввиду некомплектности состава, нам был выдан (с возвратом) один итальянец, который стыдливо признался, что его отдали нам лишь потому, что он с Севера, и потому сицилийцем считаться не может. На ворота встал Витя N., преподаватель из Казанского университета. Скажу сразу, что если бы не он, счет мог быть и двузначным не в нашу пользу. В день матча было снято поле в самом центре Палермо, с судьей. Все выглядело абсолютно серьезно. Собралась публика. Судья свистнул и началось.

Только тут я понял, во что ввязался. Против нас оказалась блестяще сыгранная команда университета города Палермо. Они комбинировали, блистали техникой, наносили чудовищной силы удары в створ ворот. Сделать мы ничего не могли, и нам накидали уже целую кучу голов, пока случайно не выяснилось, что Вите забыли сказать, что вратарю можно хватать мяч руками. С этого момента все волшебно переменилось. Теперь Витя брал все. В конце концов, с трибун даже начали раздаваться овации в адрес новоиспеченного

«черного паука», а мы воспряли духом. Стояла жуткая жара. Сам я сдох уже через две минуты и только слабо переползал в своей штрафной площади, оставляя за собой лужи пота и пытаясь хоть как-то перекрыть ворота своим телом. В конце концов Вите это надоело и он прогнал всех нас в центр поля, чтобы не мешали. Такая тактика неожиданно принесла плоды, поскольку вывела противника из равновесия. Схема игры теперь выглядела так. После того, как Витя отбивал очередной удар, он отправлял мяч мне в центр поля, где я, спокойно стоя на месте, решал кого из студентов отправить в атаку.

Студенты попались в футбольном смысле довольно бестолковые, зато старательные и бегали, как заводные. Итальянцы занервничали. Во втором тайме нам не забили ни одного мяча. Более того, в одной из атак какого-то особо ретивого студента сбили и судья назначил пенальти, который, к моему изумлению, тот сам и реализовал. Матч мы проиграли со счетом 8:1, но мне за него не стыдно. Публика была в восторге и проводила всех овациями. Форму, правда, так и не подарили. Игроки противника пожимали нам руки и вспоминали полуфинальный матч чемпионата Европы 1988 года СССР - Италия, который наши выиграли 2:0. Выходило, что это был матч-реванш.

История эта завершилась, когда в открытом ресторане на храмовой горе Монреале с видом на ночной Палермо, где праздновалось закрытие форума, - ректор университета торжественно вручил участникам матча памятные медали. На тяжелых бронзовых кругляках рядом с фигуркой футболиста была выбита только дата матча, а счет дипломатично указан не был. Это было приятно, особенно, если учесть, что раньше мне никогда не вручали медалей за поражение. И тогда, на храмовой горе Монреале под ночным небом под джаз в пляс пустились все, и вспомнился почему-то булгаковский ресторан «у Грибоедова».

Лед и пламя Сицилии.

Я никогда не думал, что бывает такая жара, какая стояла в том июле на Сицилии. Но это оказалось такой же неожиданностью и для сицилийцев. Похоже, что беззаботность - это одна из тех черт южно-италийцев, которые роднят их с нами. Отсутствие кондиционеров – мелочь, их не было нигде, удивительнее оказалось полное отсутствие льда. Как-то раз я наивно спросил у дежурного по нашему хостелу, где в Палермо можно купить льда. Любой, кто хоть раз был, например, в Латинской Америке знает, что лед там продается в любом магазине или на бензоколонках. Здесь же мой вопрос поставил дежурного в тупик. Но как истинный сицилиец, он не мог просто признать свое поражение.

Начались звонки друзьям и девушкам, приезжали на мотороллерах какие-то люди, снова уезжали, приезжали на машинах уже другие, и все это сопровождалось размахиванием рук, криками и клятвами. Я наблюдал как завороженный, не веря, что это происходит всего лишь из-за замерзшей воды, в просторечии именуемой льдом. Наконец, дым сражения рассеялся, толпа расступилась, и передо мной выступил дежурный. Абсолютно твердо, без тени сомнения, как человек обладающий всей полнотой информации, каждый бит которой оплачен лишь ему известной ценой, он сказал мне, что льда на

Сицилии нет. Лицо его при этом выражало не сожаление, и не печаль, а лишь полное недоумение.

Другая зарисовка касается посещения горы Пеллегрино, возвышающейся над Палермо. В недрах горы, возле вершины есть храм, устроенный прямо в пещере. Пока мы там бродили, вдруг тихо приехало множество огромных черных машин. Из них молча вышли совершенно одинаковые мрачные люди в черном, построились в ряды и двинулись в церковь, словно массовка в экранизации поэмы Сергея Есенина «Черный человек», или ожившие детские страшилки. Признаться я решил, что мы попали на похороны мафиози, безвременно павшего от пули. «Тонтон-макуты» образовали коридор и замерли. Затем дверь черного лимузина растворилась и оттуда вышло пышно-белое создание. Создание двинулось в церковь, а под ноги ему все стали молча кидать цветы. И только тут мы поняли, что стали свидетелями всего лишь свадьбы. Старая сицилийская традиция проявляет мудрую экономию, объединяя свадьбу и будущие похороны жениха.

На кафедре зоологии позвоночных памятен случай, как профессор кафедры Феликс Янович Дзержинский (внук того самого железного Феликса) руководил практикой студентов на Беломорской биостанции МГУ, но перед самым отъездом в Москву неожиданно оказался отрезанным на станции Пояконда из-за ремонта железной дороги. Феликс Янович пошел на телеграф и составил телеграмму следующего содержания: «Выехать не могу тчк разобраны пути тчк дзержинский». Текст отправили только после того, как он показал свой паспорт.

Почвоведам памятна близкородственная этой история о том, как на какой-то из зоналок молодые преподаватели этого факультета Шоба, Гава и Балапко пошли отправлять с местной почты телеграмму, подписанную всеми их фамилиями, в Москву. Согласно преданию телеграмму на почте не приняли на том основании, что «кличками не подписываются». Один из этой тройки впоследствии погиб, другой стал заведующим кафедрой, а третий – деканом.

Однажды к профессору Игорю Васильевичу Бурковскому, который летом жил на стационаре в Черной речке, пришли местные беломорские мужики. Мужики уважительно стали выяснять у него, как делают «калгановку», т.е. крепкую настойку на калгановом корне. Бурковский обстоятельно все им рассказывал, а мужики ловили каждое слово, пока он не сказал: «Ну вот. А потом заливаете все это спиртом». Мужики аж подпрыгнули: «Как спиртом?? Так еще и спирт нужен??!». И плюнув, раздосадованные ушли.

Заря Смоленской губернии.

У нас есть дом в деревне Заря, Смоленской губернии, где за последние годы все местные жители постепенно повымирали от пьянства. Осталось

человека два, не больше, а остальные - московские жители, сбежавшие сюда от ужасов лужковского капитализма. Но такого колоритного народа, как прежде, уже не встретишь. Например, был такой дядя Леня-словотворец, который в минуты гнева крыл всех москвичей без разбора «песами-барбосами», «лягардами» (некий гибрид олигарха и аллигатора), и еще «гомошельдами» (сложное производное от гомосексуалиста, ротшильда и сейшельских островов), а в ответ на «Здрасьте, дядя Леня!», говорил с нарастающей угрозой в голосе: «Чяво-о???».

Был еще дед Митя, служивший при немцах в деревне старостой. Говорят, старостой был хорошим, и своих не обижал, за что и был посажен уже нашими. Он обычно жил от пенсии до пенсии, получив которую, немедленно запирался в избе и пил сутками напролет, пока все у него не кончалось. Тогда бегал по деревне и кричал, что прилетели инопланетяне. Помер от пьянства в запертой избе, где был съеден собственными голодными котами. Нашли его только весной.

Еще был мой друг Сеня Крупенченков, тоже алкоголик, добрейшей души человек, которого отправили на лесоповал за то, что он утопил в болоте своего отчима. Сеня все делал изуродованными руками, на которых не хватало отмороженных по пьянке пальцев. Одинаково орудовал что бензопилой, что косой, и делал хорошо. Бывало, когда неделями деревню обходили дожди, а райцентр Угру, в 10 километрах, заливало, Сеня, глядя в ясное синее небо говорил: «Не деревня у нас, а Бермудский треугольник». Очень я его любил, а за что и сам не знаю.

Охотничьи страсти.

Однажды ко мне в деревню напросился Кузя со своим другом Сашей Савинецким (брат Аркадия Савинецкого), математиком и программистом. По их словам они там собирались охотиться и вести исключительно здоровый образ жизни. Я отвез их туда и уехал. Вернувшись через пару недель я обнаружил, что картошка не копана, электричество не починено, весь дом заставлен пустыми бутылками из-под самогона, охотничья собака спит в тоске под забором, а надувная лодка даже не надута.

В ответ на мои гневные обличительные речи они стали малодушно сваливать вину друг на друга, а Кузя нагло заявил, что я их обманул, мол, они объехали на соседском джипе всю округу и теперь точно знают, что здесь дичи нет. Этого я уже не вынес, взял ихнее ружье, собаку и Савинецкого (Кузя со мной идти отказался категорически) и повел их всех на ближайшую пустошь. Там мы с собакой тут же подняли двух тетерок, одну из которых я и добыл.

Кузя был пристыжен настолько, что накачал лодку и мы с ним поплыли с ружьями вверх по реке Угре за утками. Уток мы не нашли, но на обратном пути увидели редкое зрелище. Поперек реки перед носом лодки плыла здоровенная гадюка. До этого я никогда не видел, как это происходит. Оказывается гадюка набирает воздух и буквально ползет по поверхности воды, как посуху. Увидев нас, змея свернулась на поверхности воды, как водяной удав, и зашипела. Тогда мы отошли на веслах на несколько метров и шарахнули по ней картечью. Змея,

Деревня Заря и ее обитатели. По этим двум картинкам получается, что главная беда нашей деревни - это переедание.

вопреки всем законам физики, взлетела перпендикулярно вверх метров на десять и чуть не шлепнулась в лодку.

Вернувшись мы загадали Савинецкому загадку: кого мы застрелили в реке? На наш взгляд отгадать было практически невозможно, но хитрый Савинецкий подошел к вопросу как настоящий программист: он стал отбрасывать сразу целые классы живых существ, пока не вышел на рептилий, ну а дальше было просто.

Солнечный круг, небо вокруг.

Однажды 1 мая мы с друзьями-соседями по деревне Иваном Никитовичем Хотинским-Сибиряком («Ваня») и Камилем Эмильевичем Кульбарисовым («Кам»), глубоко возмущенные тем, как эстонцы нехорошо обошлись с бронзовым памятником нашему солдату-освободителю, прошли маршем по шоссе до соседней деревни с самодельным плакатом: «Нацистскую Эстонию - вон из нашей солнечной системы!». Но поскольку все же был праздник, на обороте написали: «Мир – труд – май».

Андраник, Камиль и Ваня Хотинский выглядят на этом снимке как перед расстрелом (Заря, 2006).

Национальный вопрос.

Наш общий друг, кандидат биологических наук Василий Исаакович Грабовский своими руками построил дом в полувымершей деревне Шилово,

Костромской области. Вася очень любит эти отдаленные места и проводит там все свободное от Москвы и работы время. Его сосед, простой русский мужик Палыч, любит приходить к нему по делу, а чаще просто насчет выпить на дармовщинку. Однажды Палыч пришел задумчивый, не стал заходить в дом и начал молча курить на крыльце. Наконец, видимо, решившись, сказал: «Слушай, Василий, а ты, люди бают, иврей?». Вася не стал отнекиваться и прямо признался: «Да, Палыч, еврей я». Палыч потрясен: «Ну ты подумай, я-то тя за соседа диржал, а ты оказыватса иврей!». С тем, потрясенный, и ушел.

Кстати, о евреях. Наш общий с Васей знакомый и всем известный зоолог (сейчас уже доктор наук) «Тюша», рассказывал такую историю. В бытность свою по научным делам в Израиле он как-то решил зайти в местный бар выпить пива. В очереди перед ним стояли два израильских солдата. Вдруг один из них говорит другому на чистом русском: «Слушай, Миша, а ну ее к черту, эту израильскую мочу! Пойдем, там за углом «Туборг» продают».

Как лучше запомнить птичек.

Чтобы легче запомнить песню какой-нибудь птицы, для новичков обычно прибегают к ритмической рифмовке. Получаются стишки, которые сразу запоминаются. Есть среди них вполне безобидные. Вот, скажем, певчий дрозд:

СПИРИДОН, СПИРИДОН,
ПОЙДЕМ ЧАЙ ПИТЬ
ЧАЙ ПИТЬ
С СА-ХАРОМ,
СА-ХАРОМ.

Или вот перепел (тут, правда, уже проступает что-то родное):

ПИТЬ-ПОЛОТЬ,
ПИТЬ-ПОЛОТЬ
ПИТЬ-ПОЛОТЬ.

Но наш человек за что ни возьмется, у него или автомат Калашникова получается, или матерные частушки. Вот, например, профессиональные орнитологические частушки из коллекции Васи Грабовского. Под коростеля :

ЗЯТЬ, ЗЯТЬ
СЕЛ СРАТЬ
ПОД ПНЕМ
С РУЖЬЕМ.

Под соловья еще и того хуже:

ДЕВ-КУ ДЕВ-КУ
ЗА-ЖЖ-АЛ
ЗА-ЖЖ-АЛ
В УГОЛ
В УГОЛ
Е.Б Е.Б Е.Б Е.Б Е.Б

Война миров.

Там же, недалеко от Шилово есть деревенька Никитино, в которой рядом с Васей много лет соседствовали Марина Арсеньевна Тарковская, сестра великого режиссера, и ее муж, тоже известный в прошлом кинорежиссер, однокурсник Андрея Тарковского – Александр Витальевич Гордон. Всеядный Палыч любил посещать и их тоже на предмет алкоголя. Как-то пришел он к Александру Витальевичу и сидит. Тому, человеку интеллигентному, в конце-концов, стало неудобно, он и говорит: «Видите-ли, Николай Павлович, не знаю как и быть. У меня тут есть водка и немного пива. Вы что предпочитаете?». Ответ Палыча был просто великолепен: «А вот это, Виталич, уже твои проблемы». Есть в этом что-то от бессмертного «Винни-Пуха», не правда ли?

Разговор.

Палычу, как и русским людям вообще, свойственна не только тяга к алкоголю, но и стремление к высокому. Его ближайшим соседом по деревне был простой голландский орнитолог по имени Крис. Удивительного в этом на самом деле мало. Просто еще в советские времена в Мантуровском районе институтом эволюционной морфологии и экологии животных была основана биостанция, на которой перебывала масса ученого люда, в том числе иностранного. Крису эти места понравились, он купил себе дом и по сию пору проводит там каждое лето.

У Криса Палыч алкоголя просить не решался, да и не мог, поскольку оба языками не владели. Но приходить общаться считал своим долгом. По словам Васи, происходило это так. Сначала выбиралось какое-то понятное обоим слово, например, «картошка». Начинал обычно Палыч: «Картошка в этом годе, однако, не уродилась совсем». Крис: «Ja, Ja, naturlich, nicht kartofel». Палыч: «А все потому, что сколь ее ни окучивай, все жук ваш колорадский пожрал!». Крис: «Ja, nicht kartoflya, donnerveter!». Так и общались.

В Костромской области встречаются подчас очень странные названия деревень. Например, можно составить такую логическую последовательность: Гуляевка, Любилки, Палкино, Похмелкино, Ломки, Выползово. Деревня же Аносово (разумеется, переименованная местными учеными-биологами в «Анусово»), располагается в непосредственной близости от деревни Шилово, как ей, собственно, и положено в соответствии с известной поговоркой.

А тот конец деревни Шилово, где живет Вася, меж людьми зовется Мылово.

Фиаско.

Вася, как человек активный, добывает средства к существованию в том числе через собственную фирму по защите сооружений и людей от птиц. Как ни странно, эта деятельность имеет спрос, и не маленький. Как-то раз хозяева шведского торгового комплекса МЕГА наняли его для борьбы с воробьями. Те просто-таки затерроризировали посетителей этого гигантского сарая, какая им в чашки и склевывая еду. Воробьи поселились на пластмассовых пальмах и

уходить никуда не желали. Чего Вася только не делал за шведские деньги – и альпинистов на них насылал, и ястребов, и яды сыпал, хитрые ловушки вешал, птичьим клеем мазал – все бесполезно. Воробьи только насмехались. Пришлось с позором ретироваться. Позднее Вася признал, что иногда лучшее средство борьбы с воробьями - это сто китайцев с палками.

Эхо войны.

Один из дней рождения Юрика Андреева (КЮБЗовская кличка: «Вредный») проходил в лесу, где-то возле Ярославского шоссе. Все сидели вокруг костра, пели под гитары, выпивали. Вдруг из леса вышел какой-то человек иностранного вида и сел у костра. Представился он немцем, послушал песни и на ломаном русском стал просить исполнить что-нибудь революционное. Ничего такого мы вспомнить не смогли и он ушел обратно в лес. Тут кто-то сказал: «Надо же, сколько лет как война кончилась, а они все по лесам бродят».

Сталевар, уборщица и кастрированный кот.

Когда мы с моей женой Ольгой путешествовали по Европе на машине, однажды пришлось заночевать в кемпинге, где-то в арденнских горах, в бельгийской Валони. Европейцы путешествуют не так, как мы, дикари. Нам от кемпинга всегда было достаточно зеленой лужайки, воды, туалета и электричества, а ночевали мы прямо в машине. Это приводило наших комфортолюбивых соседей по кемпингам в тихий, невыраженный ужас. Сами они дружно ездят семьями на «караванах» - настоящих домах на колесах со всеми удобствами. На этот раз соседями по «каравану» оказалась очень общительная чета фламандцев из-под Брюгге. Узнав, что у нас нет даже стульев (!), они принесли нам пару, угостили вином и пивом, и познакомили со своим, недавно лишенным достоинства, котом, сидящим на поводке. Больше всего меня поразили их профессии. Я живо представил себе нашего сталевара, женатого на уборщице, и их отпуск. Про кота и не говорю.

Социализм с нечеловеческим лицом.

Всему миру известен шведский социализм. Однако социализм он только для своих, а к приезжим оборачивается совсем другим местом. Шведу для повседневного существования не нужно иметь денег, а достаточно нескольких карточек или даже знания своего социального номера. Нигде я не испытывал столько проблем при попытке воспользоваться общественным транспортом, как в Стокгольме. На автобусе мне вообще ни разу проехать не удалось (билета не мог купить), а на метро все же удалось, но с трудом. Контролеры объяснили, что билет можно купить почему-то только в каком-то подземном продуктовом магазине. Отстояв туда очередь, выяснил, что это не тот магазин. В «том» очередь была минимум на полчаса. Терпение мое лопнуло и тогда я решил воевать против звериного мурла социализма его же оружием. И нагло прошел через турникет, смешавшись с негритянским семейством, которое, пользуясь льготами, проходило бесплатно. Расчет оправдался. Политкорректность не

позволила никому из контролеров подвергнуть сомнению правомерность наличия белого в семье негров.

Проблема понимания между народами всегда актуальна. За несколько лет до этого мы путешествовали с женой по Кипру и в одной из горных деревушек у нас кончился бензин. Пока я бегал христорадничать по дворам, к Ольге, которая мирно сидела на скамеечке и ела из пакетика наворованные по дороге черешни, пришли толпой жители деревни и привели священника – классического толстого попа в черной рясе, ужасно симпатичного и веселого.

Как выяснилось, романтически настроенные жители ничего не поняли из наших объяснений и решили, что мы бежали из родной земли с тем, чтобы здесь тайно обвенчаться. Поп принес ключи от церкви, и хотел нас туда впустить, но пришлось всех разочаровать – нам был нужен только бензин. До сих пор как-то неудобно. В конце концов, трудно было, что ли, уважить деревенский народ? Ну и обвенчались бы. Не в первый раз, в конце-концов.

Неукротимая Майорка.

Несмотря на все попытки последних лет сделать из этого острова непотопляемый танцпол и парк аттракционов для европейского молодняка, запаса прочности ему не занимать. Порукой тому – удивительно малогостеприимный, если не сказать, ксенофобный местный народ.

Эту особенность острова отмечала еще Жорж Санд, которая писала, что остров представлял бы собой рай, если бы не местные жители. Это кремнеподобное недружелюбие майорийцев (они относятся к каталонцам и многие принципиально не говорят на испанском) мы испытывали на себе не раз. Стоило оставить машину у обочины на минуту, как тут же являлся полицейский и неумолимо выписывал штраф. Если мы приходили в кафе за пятнадцать минут до закрытия, то к нам подходили только затем, чтобы молча согнать со стульев и перевернуть их вверх ножками.

Вообще часто возникало впечатление, что все заведения на острове или вот-вот закроются, или не откроются никогда. Однажды, в придорожном кафе (которое традиционно при нашем появлении стало немедленно закрываться) официант хотя и принес пиво, но встал рядом и не уходил, пока мы, давясь, его не допили. После чего, с выражением выполненного долга, торжественно вынес стаканы. Многим продавцам я бы тоже вручил переходящий вымпел ударников советского прилавка, настолько до боли знакомым и ненавязчивым было их обслуживание. Вот только жалобных книг на острове не отыскать, только телефонные.

Робинзон на Майорке (август 2002).

Viva Darwin!

Во время поездки по Эквадору нам посчастливилось побывать на Галапагосских островах. Уверен, это должен сделать хоть раз в жизни каждый биолог. Острова эти полны странных созданий. Но настоящим хозяином архипелага является единственная в своем роде морская игуана, численность которой уже зашкаливает за четверть миллиона. Побывавший здесь Чарльз Дарвин, который, явно не испытывал большой любви к рептилиям, описывает свое первое впечатление так: «*Это отвратительное на вид существо, грязно-черного цвета, глупое и медлительное…Некоторые достигают даже 4 футов;*

(около 1.2 метров – авт.*)…Хвост у них сплюснут с боков, а все четыре ноги снабжены неполными плавательными перепонками…В воде эта ящерица плавает необыкновенно легко и быстро, извиваясь, как змея, своим телом и сплюснутым хвостом, в то время как ноги ее неподвижны и плотно прижаты к бокам*» («Путешествие на корабле Бигль»). Эта единственная в мире плавающая морская ящерица послужила прототипом чудовища годзиллы в одноименном фильме. Однако в отличие от нее, эта игуана совершенно безобидна и, как выяснил Дарвин, питается донной зеленой водорослью. Наша первая встреча с ней на острове Санта-Крус была запоминающейся.

После утомительного путешествия через лес древовидных опунций, вдруг открылся бескрайний ослепительно-белый пустынный пляж, на котором высеченными из черной лавы изваяниями застыли игуаны. Без масштаба они показались нам огромными, и сразу будто отбросили во времена мезозоя. Самые крупные лениво реагировали на наши приставания. Более мелкие - образуют скульптурные группы на лавовых останцах, и стоит большой сноровки не наступить на какую-нибудь, так хорошо они сливаются с ними по цвету. Лавовые цапли и другие птицы абсолютно не обращают на них внимания, часто дремля в нескольких сантиметрах. Вскоре и мы привыкли к ним, как к неизбежной части пейзажа. Хотя и будучи морской, эта игуана очень неохотно идет в воду, в чем мы неоднократно убеждались. Дарвин, озадаченный этим обстоятельством, по его словам *«…несколько раз кидал одну из них…в глубокую лужу, оставленную приливом»,* но ящерица неизменно возвращалась. Мы не могли позволить себе таких экспериментов над животными, которые остались одной из утерянных свобод 19 века, поэтому удовлетворились выводом ученого о том, что, по-видимому, в воде игуаны боятся стать добычей акул. На суше они действительно никого не бояться. В поселке Пуэрто-Айорес некоторых особенно настырных игуан хозяевам магазинов приходится силой вытаскивать на улицу за хвост.

Удивительная доверчивость галапагосских птиц, которую отмечал еще Дарвин, - это наследие времен, когда человек здесь был редким гостем. В этом смысле им повезло - основной удар приняли на себя черепахи. Можно сказать, что галапагосских птиц не успели истребить, до того как напугали. Местных вьюрков, пересмешников, и лавовых чаек мы кормили просто из рук (нарушая правила заповедника), а как-то я погладил по спине пеликана, после чего он, обиженный такой фамильярностью, ушел в сторону моря. Поэтому пасторально-аллегорическое панно рядом с лодочными причалами в Пуэрто-Айорес, где главный герой галапагосского эпоса – Чарльз Дарвин - изображен среди пиратов и китобоев с вьюрком на пальце, – это чистая правда.

Дарвин оставил глубокий след в сознании островитян. Иногда кажется, что это знаменитый уроженец здешних мест, или генерал-освободитель, подобный Симону Боливару. Во время местного карнавала в кафе и барах, выходящих на набережную, можно услышать восторженные крики: «Viva Galapagos! Viva Darwin!».

Мы с Замом продолжаем мыслительный процесс, начатый здесь Ч.Дарвиным (дарвиновская биостанция, о-в Санта-Крус).

Испытание Чимборасо.

Эквадор вообще оказался местом экстремальным. Однажды мы на машине заехали на вулкан Чимборасо, известный тем, что его вершина - самая удаленная от центра Земли точка ее поверхности. Вулкан довольно пологий и грунтовая дорога поднимается по спирали почти до 5000 метров. Там мы и заночевали в приюте среди снегов. Но это было страшной ошибкой. Дело в том, что альпинисты из-за нехватки кислорода долго адаптируются перед восхождением, не меньше недели сидя на меньших высотах. Ночью у всех нас начались жуткие головные боли. Как потом выяснилось, дальше с каждым происходило что-то нехорошее, но свое.

Замолодчиков хотел ночью спуститься вниз с вулкана через снежные торосы, но слава Богу, не нашел дверь. Я всю ночь проискал таблетку анальгина, но не нашел рюкзака. А бедный Янко (он нашел дверь) выползал из домика на снег и его непрерывно рвало. Утром мы сбежали из этого страшного места, забыв там все, что можно. После, если кто-нибудь спрашивал, а где, дескать, то-то или то-то, все хором отвечали: «На Чимборасо!».

Пуп Земли – вулкан Чимборасо.

К слову, там навсегда осталась одна из трех ввезенных нами в страну бутылок водки. Судьбы этих трех бутылок оказались разными, но и в чем-то похожими. Ввиду того, что Янко тогда только что завязал, пить он ничего крепче чая не пил, но ревниво следил за нами. А пить под понукания оказалось совершенно невозможно. Поэтому в этой экспедиции мы вообще спиртного не употребляли[18]. В результате одна из бутылок осталась на Чимборасо, вторую мы вместе с салом подарили эмигрантам с Украины в Кито, а третью пришлось с позором, потихоньку выбросить в мусорный ящик в аэропорту при отлете, поскольку даже таксисты отказались ее брать. Ну не везти же было обратно в Россию водку.

Езда в Эквадоре через Анды оказалась не менее захватывающей. Мы постоянно тащились где-то под облаками в густом тумане, как танк по минному полю, постоянно рискуя свалиться в пропасть, поэтому временами кто-нибудь выходил и шел впереди машины, нащупывая дорогу. Замолодчиков сидел справа от меня и, чтобы я не скучал, временами зачитывал из путеводителя

[18] В действительности это связано еще и с хроническим высокогорьем. Всем желающим бросить пить, настоятельно рекомендую ехать с этой целью в Эквадор, Перу или Боливию. Там это пройдет быстро и безболезненно.

описания красот открывающейся перед нами панорамы, которую было совершенно невозможно разглядеть из-за тумана.

Чтобы спуститься в сельву, надо было пересечь высокий хребет. На карте было уверенно обозначено шоссе наивысшего качества. То, что оно уже лет 10 назад было смыто эль-ниньо, мы еще не знали. Поэтому очень удивились, когда асфальт вдруг оборвался и перед нами открылся хлипкий мост из эвкалиптовых жердочек. Теперь стало ясно, почему за весь путь сюда никто нам не попался навстречу. Вышли и стали спорить, ехать по нему или нет. В пропасть даже заглянуть было страшно. Янко был за то, чтобы рискнуть. Мы – против. Спор решил появившийся с той стороны таксист. Он так лихо переехал мост, что и мы решились. Янко сел за руль, мы пешком перешли мост и стали ждать, чем кончится дело. Дело кончилось хорошо, но рано мы радовались. Таких мостов в разной степени сохранности нам пришлось переехать, пользуясь той же методикой, еще не меньше пяти.

Вовик потом сказал, что это все равно куда лучше, чем ночевать на Чимборасо.

Сейчас поедем. Храбрые мы все-таки были ребята...

Еще одной не книжной, а реальной опасностью в Эквадоре оказались дети. Точнее их шалости. Во время карнавала (январь-февраль) в Южной Америке у детей принято бросаться шариками с водой. Хотя, по-моему, это на самом деле просто презервативы. Их продают специальные продавцы на улице. Ладно бы они еще друг в друга кидались, так ведь норовят, мерзавцы, в машины забросить. Это у них считается высшей доблестью. Обычно мы успевали задраить окна, но однажды, проезжая через горную деревню, я не уследил, и бомбочка влетела мне прямо в кабину на колени, залив фотокамеру и штаны. Я в гневе выскочил из-за руля и набросился на ни в чем не повинного прохожего с криком: «Qien vive en esta casa?” (кто живет в этом доме). Хотя, какая разница кто живет...

Возможно, это было запоздалое возмездие, потому что в детстве мы тоже кидались снежками в машины, и я однажды разбил проезжавшей «волге» лобовое стекло. Шофер выскочил и догнал меня по снежной целине огромными прыжками. Держа меня, рыдающего на всю улицу, за шиворот, он поволок к родителям. Но, к счастью, дома оказался только какой-то красноярский гость, который не раскололся, что он не папа, терпеливо выслушал все матюки шофера, а меня потом лишь мягко пожурил.

В эквадорской сельве человеку есть чем прикрыться.

Экватор пройден. Зам пытается с него не упасть, Янко стоит в северном полушарии, а я – в своем любимом – южном (под Кито, Эквадор, февраль 2004).

Я очень люблю Южную Америку и всегда с удовольствием туда приезжаю. Наверное потому что там какое-то удивительно удачное сочетание природы и людей.

Венесуэльские байки.

В Венесуэле мы подружились со Стефаном, немцем, осевшим здесь давным-давно и ставшим своим. Стефан – долговязый, нескладный, и очень добрый, отлично вписывался в местную жизнь и был прекрасным рассказчиком.

Узнав, откуда мы, он поведал нам историю про некую русскую делегацию, которая приехала по официальному приглашению в город Мериду. Он там работал гидом и понял, что русские остались очень недовольны. И вот почему: их повезли в горы, где снег, который они видели и у себя в России; их угощали земляникой, которой и в России полно; им не разрешали пить спиртное, а русский разве может без этого. Так что поездка не удалась.

Репортаж с петлей на шее. Стефан учит Буяновского завязывать галстук из анаконды (венесуэльская пампа, январь 2006).

Покорим венесуэльские водопады!

В Венесуэле на городских площадях обращает на себя внимание великое множество памятников Симону Боливару. Но, по словам Стефана, все это многообразие есть на самом деле шифр для посвященных. Если Боливар пеший, то это значит, что он в этом городе никогда не был. Если он конный и конь под Боливаром стоит на четырех ногах, это значит, что он здесь был проездом. Если конь стоит на трех ногах, а одну поднял, то он (Боливар) жил в этом городе. Если же конь вздыбился, как под Петром I, то это означает, что Боливар в этом городе умер.

Когда в Южной Америке начались продажи продукции известной японской фирмы «Мицубиши», производители первое время не могли понять, почему здесь никто, кроме бразильцев, не покупает очень популярные в других странах джипы «Паджеро». Ларчик-же просто открывался. На испанском арго надпись «pajero» (произносится в этом случае как «пахеро») означает онанист.

Вот именно из-за такого взгляда не каждый отважится спросить у нас с Буяновским, который час (на пути к водопаду Анхель).

Однажды приятель Стефана купил дорогую новую машину. На радостях они решили это дело обмыть и крепко выпили. Обратно приятель ехал домой ночью на своей новой машине, но видимо ехал так, что даже венесуэльская

Профессор и попугай. Из цикла «Встречи с природой». (Венесуэла, 2006).

полиция, которую трудно вывести из себя, его остановила. Полицейский попросил его выйти из машины. Тот не смог. Полицейский стал его корить, что дескать вот, как он напился, разве это достойно настоящего кабальеро, стыдно, мол, и вообще. Пытаясь поддержать свою честь, приятель кое-как открыл дверцу, да и выпал из машины.

Полицейский его поднял, установил, и попросил походить вокруг машины, чтобы тот хоть немного протрезвел. Приятель честно пытался выполнить его указания, но на втором, что-ли, круге у него закружилась голова и его вырвало. Зато он несколько пришел в себя. Тогда полицейский, у которого не было напарника, принимает такое решение: полицейскую машину они оставят, а поедут домой на машине приятеля. Но управлять новым джипом он не сумел и пришлось сажать за руль приятеля. Когда они кое-как через пару часов добрались до дома приятеля, тот уже протрезвел настолько, что вышел из машины сам. Почувствовав прилив дружеских чувств к полицейскому, который не бросил его в беде, приятель наотрез отказался отпускать его просто так, и

сломав сопротивление стража порядка, отвез-таки его назад к полицейскому экипажу.

Венесуэла позади. Мы выжили. Но не у всех осталась одежда.

Акула озера Никарагуа.

Самое интересное в Никарагуа - одноименное озеро, в центре которого находятся связанные перешейком два круглых островка Ометепе. Со стороны они напоминают торчащие из воды женские груди. На самом деле это активные вулканы Концепсьон и Мадерас, высотой около 1.5 тысячи метров. Если доплыть туда на пароме, вы можете забраться за день на один из них (или на оба) и выкупаться в кальдере, где есть небольшое озеро. Но нам больше нравилось купаться в самом озере Никарагуа. Мы делали это даже ночью.

Удивляло только полное отсутствие в воде других людей. После возвращения в Москву, чтобы побыстрее заснуть, я взял первую попавшуюся книжку со своей полки. Книжка оказалась известным в 1970-ые бестселлером Мак-Комика «Тени в море», про акул. Я раскрыл ее наугад и прочитал следующее: *«Акулы озера Никарагуа, известные ученым лишь с 1877 года, судя по всему, на редкость мерзкие твари. Весной 1944 года одна из них напала сразу на трех человек. Произошло это возле города Гранада, расположенного на берегу озера. Двое из подвергшихся нападению умерли. Туземцы*

утверждают, что, по крайней мере, один человек в год находит свою смерть в пасти акул. Очень часто жертвами акул оказываются собаки. Прожорливость и ненасытность этих акул хорошо известна местным жителям... доподлинно известно, что акул в озере такое множество и репутация их так плоха, что местные власти предложили награду за их истребление». Ничего себе, почитал на ночь...

Озеро Никарагуа. На горизонте видны вулканы Концепсьон и Мадерас (2007).

Наш провожатый на озере Никарагуа, Гектор, увидев, как мы жадно поедаем все, что висит там на ветках, всем попадавшимся навстречу знакомым гордо говорил: «Somos ladrones de mandarinas!” (мы – мандариновые воры).

Чилийский дневник.

На юге Чили, в местностях умеренных и даже прохладных, нас сперва поражало обилие на улицах самых обыкновенных “Жигулей” - до боли знакомых “шестерок”, “пятерок” и “девяток”. Во всяком случае, они встречаются там гораздо чаще, чем в Хабаровске или Владивостоке. Их несколько корявые, но такие родные профили компенсировали нам недостаток

общения с соотечественниками, которых за все время пребывания в стране мы не встретили ни разу[19]. Попав на север, в Атакаму, мы, со свойственной человеческому роду непоследовательностью, начали удивляться отсутствию “Жигулей” на дорогах. Хотя, по здравому размышлению, как раз в этом удивительного мало. Поистине человек ко всему привыкает.

Андраник и индейцы аймара. Ну до чего хорош! (Чили, 2002).

Из-за абсолютной безводности пустыню Атакаму можно смело назвать “чилийской Сибирью”. Такое сравнение приходит на ум еще и вот почему. После переворота 1973 года, когда сторонников избранного народом президента Альенде бросали в тюрьмы сотнями, здесь содержали политических заключенных. Эти заброшенные бараки стоят там до сих пор. Хозяевам не нужно было тратиться даже на колючую проволоку и большую охрану. Зачем? Ведь бежать из сердца этой пустыни еще безнадежнее, чем из Колымских лагерей; да и если бы даже был предложен такой жутковатый географический выбор, большинство бы, наверное, склонилось к Колыме.

Вероятно, молодой лейтенант Аугусто Пиночет, который служил в этих невеселых местах, вспомнил о них, когда пришло его время. Кстати, о двух президентах. Нас очень интересовало, как же сегодняшние люди относятся к тем, один из которых навеки застыл в виде монумента напротив окон дворца

[19] Дело происходило в 2002 году.

Я возлагаю цветы к памятнику Альенде на площади Ла-Монеда (Сантяго, 2008).

Ла-Монеда, где он погиб, защищая то, во что верил, а другой − доживал свой век в имении рядом со столицей под охраной национальной гвардии[20]. Пожалуй, в этом случае чилийцы почти единодушны. Обобщенный чилиец сказал бы, вероятно, так: “Во времена Альенде мы чуть не умерли с голоду, но он был избран народом, выполнил свой долг до конца, и потому достоин уважения. А во времена Пиночета жизнь стала сытнее и, наверное, этот путь более правильный, но генерал предал своего президента, узурпировал власть при поддержке янки, казнил многих соотечественников, а потому не достоин уважения“.

Чилийцы − народ с поразительным чувством собственного достоинства и справедливости. Именно поэтому на площади Ла-Монеда у подножия маленького бюста Альенде, который так правильно ошибался, всегда лежат живые цветы, а Аугусто Пиночета, который, по сути, превратил Чили в одну из самых процветающих стран Нового Света, а затем, когда понял, что с его

[20] Чилийский военный диктатор Аугусто Пиночет умер в декабре 2006 года, до последних дней находясь под судебным следствием.

народом все будет в порядке, добровольно ушел от власти − охраняют солдаты, и мало кто испытывает к нему признательность[21].

Однажды в Атакаме мы с Андро заночевали на берегу океана. Наутро, выбравшись из спальников, мы были просто очарованы нежнейшими красками рассвета. На скалах внизу расселись пеликаны, а пока Андраник делал путевые заметки, в беседку залетела крошка колибри. Здесь было чудесно, и никуда ехать совершенно не хотелось. И тут магия этого места и расслабленное состояние, в котором мы находились, чуть не сыграли с нами злую шутку. Зачем, рассуждали мы, трястись дальше по узкой каменистой дороге над обрывом, если, судя по карте, можно срезать расстояние и вернуться назад на панамериканское шоссе прямиком через пустыню по местной дороге. Судя по всему, нужно было проехать не больше 30 км. И вот, мы бодро углубились в "сердце" Атакамы. Скоро мы оказались на прямой и широкой, как взлетная полоса, грунтовке посреди жутковатого марсианского пейзажа – ровное, как соляное озеро, плоскогорье, усеянное камнями и окруженное на горизонте голыми холмами, и ни единой былинки. И так - километр за километром.

Постепенно неизменность этого песчаного океана стала наводить на мысли, что мы находимся в центре какого-то свернутого пространства, как белки в колесе, и в действительности никуда не двигаемся. 30 км были давно уже позади, однако ничего не менялось, кроме стрелки указателя топлива, которая неуклонно ползла вниз, пока, наконец, не уперлась в ограничитель. При этом странная дорога продолжала оставаться совершенно пустынной (тайна дороги выяснилась позднее). Вокруг − ни намека на близость человеческого жилья, только ржавые вагончики у давным-давно заброшенных шахт.

Наконец, когда по всем расчетам никакого бензина в баке уже быть не могло, мы остановились и стали держать совет. Было совершенно очевидно, что с картой творится какая-то чертовщина, где мы и на какой дороге − непонятно, воды нет, машина вот-вот встанет, и что делать - неизвестно. О том, что значит застрять в этой пустыне, мы начали догадываться только сейчас. В порыве отчаяния я залез на крышу машины с биноклем и стал смотреть вперед в дрожащее марево. И − о, радость! − где-то на горизонте возникла ползущая поперек зрительного поля крохотная букашка − трейлер. Как моряки, увидевшие, наконец, землю, мы бросились в машину и вскоре были на панамериканской трассе, которую хотелось просто расцеловать как родную.

После бурной радости столь банальное происшествие, как полная остановка двигателя, осталось почти незамеченным. Под уклон мы еще дотянули накатом до какого-то грузовика, стоявшего у обочины, и встали окончательно. Тут нам снова повезло. Ангел спустился с небес в образе проснувшегося в грузовике

---

[21] Показателен случай, свидетелем которого стал Андраник. Уже после поездки он был приглашен на официальный прием в посольство Чили в Москве. Во время приема одна из наших соотечественниц, представлявшая некое турагенство, не нашла ничего лучшего, как поднять тост за тогда еще здравствующего Аугусто Пиночета. У сотрудников посольства эта бестактность вызвала глубокое недоумение.

дальнобойщика Андреаса. Он мирно спал после тяжелого перегона и спросонья не сразу смог уразуметь, чего же от него хотят двое возбужденных “эстранхерос”, но потом чилийская учтивость взяла свое и, не издав ни единого стона и даже ни разу не выругавшись, он взял дело нашего спасения в свои рабочие руки. Он сам съездил за 20 км до ближайшей бензоколонки, купил там бензин и пластиковую флягу на собственные деньги, доставил все это обратно и лично залил в бак бензин.

Не взроптал этот святой человек даже когда мы расплатились с ним американскими долларами и русской водкой. Кстати, именно Андреас открыл нам тайну не нанесенной ни на одну карту прямой, как стрела дороги, которая нас чуть не сгубила. Оказалось, что это вовсе не дорога, а контрольно-следовая полоса на бывшей чилийско-боливийской границе времен тихоокеанской войны конца позапрошлого века.

На «панамерикане». До Арики еще далеко (Чили, 2002).

Хотя коммунистической корью страна уже переболела, и в Чили, скорее всего, никогда больше не будет революций, достаточно произнести: “!El pueblo unido - hamas sera vencido! (когда народ един - он непобедим)”, чтобы стать лучшим другом любого, от рабочего до мелкого лавочника. Если это произошло в местном баре, то все вскакивают, как наэлектризованные, и дело

заканчивается скандированием лозунгов, пением революционных песен и всеобщим братанием. Трудно представить, чтобы “Смело, товарищи, в ногу!” произвело такой же эффект в какой-нибудь русской пивной[22].

В баре на окраине Пунта-Аренаса (Чили, 2002).

Чилийки очень красивы, и по-детски доверчивы и приветливы к чужестранцам. Причем индейская кровь местных племен кечуа и аймара, похоже, тут ни при чем. Как-то в Арике (город отвоеванный Чили у Перу) мы ехали на такси. Таксист, поняв, что мы иностранцы, сразу решает расставить все этнографические точки над “i”. С гордостью показывает на стройную симпатичную сеньориту, идущую по тротуару: “Chilena! (чилийка)”. Некоторое время спустя улицу, причем нарушая правила, переходит довольно корявая, низкорослая и плохо одетая индианка. Таксист немедленно реагирует: “Peruana (перуанка)[23]”.

---

[22] Сегодня я в этом уже не так уверен.

[23] Эта невинная байка имела для меня неожиданные последствия. Когда в 2010 году я собрался посетить Перу, Андраник сообщил мне, что я теперь в Перу персона нон-грата, поскольку история стала достоянием интернета и дошла до сотрудников перуанского посольства. Причем обиделись они не столько на «корявую перуанку», сколько на то, что я Арику отдал Чили, тогда как на всех их картах она считается перуанской.

Объявление, вывешенное мной у входа на биологический факультет:

«31 марта 2005 г. в 17.15, в аудитории 557, на семинаре кафедры общей экологии Дмитрии Замолодчиков и Карелин представят совершенно правдивый сюжет на тему:

«Трое на реке Парагвай, или невероятные приключения на обратной стороне Земли двух русских и одного армянина, которые сумели уцелеть среди безжалостных болот Гран Чако, христиан провинции Мисьонес, преступного мира Асунсьона, инчадас «Бока Хуниорс», миллионов пингвинов и свирепых броненосцев».

«Меня до сих пор пробирает дрожь от того, что пришлось пережить этим несчастным русским. Никогда бы не подумал, что такое возможно даже в Аргентине. Я посоветовал прочитать это своей жене и она не разговаривала со мной после этого три дня».

(Уэб Мункалф, «Гардиан»).

Андраник, попирающий ногой термитник, есть символ экспансии Нового Света белыми конкистадорами. Светлая и темные части термитника обозначают, как бы, его (Андраника) два начала.

Занимательная география.

Когда мы с Замолодчиковым, наконец-то, попали в Антарктиду, на станцию Беллинсгаузен (остров Кинг-Джордж), день нашего прилета совпал с долгожданным ежегодным прибытием научно-исследовательского судна «Академик Федоров». В это время никому поблажки не дают и все кто есть живой на станции с утра до вечера что-то грузят. Жребий всем выпал разный. Мы, например, разгружали вертолет и таскали пиво и мешки с мукой. А часть народа глубокой ночью увезли на китайскую станцию «Великая стена» грузить на баржу бочки с дерьмом, накопившимся за многие годы. Без этого корабль не уходил. Это породило у грузчиков афоризм: «Вот помню, грузил я дерьмо на Южных Шетландских островах...».

Заблудиться на острове Кинг-Джордж (бывший Ватерлоо) совершенно невозможно, а вот застрять можно легко. Из-за удивительного свойства местного грунта гулять там надо с большой опаской. При этом можно, как Наполеон, встретить свое Ватерлоо. Дело в том, что местный грунт очень

На разгрузке вертолета с «Академика Федорова». На переднем плане слева от мешков с мукой присел на корточки отец Софроний, а симметрично ему справа – доктор. В центре и позади всех – начальник РАЭ-53 Вячеслав Леонидович Мартьянов.

мелкий, пылевидный и текучий. Из-за мерзлоты вода из него вниз не уходит, и он постоянно находится в состоянии плывуна. Но поверхность земли при этом выглядит предательски твердой и надежной. На ней растут мхи и торчат камушки. Однако стоит вам на нее наступить, как вы тут же плавно проваливаетесь в жидкую грязь до самой мерзлоты (благо она не дальше метра). В одиночку же из нее не выбраться, потому что с каждым шагом вы увязаете все больше. Я часто потом находил на острове торчащие из земли одиночные сапоги таких бедолаг.

Зато это полностью объясняет обилие непарной обуви на вещевом складе станции.

Неизвестные отцы.

На станции Беллинсгаузен в составе зимовщиков последние годы обязательно есть святые отцы. Это потому, что здесь построен единственный в Антарктиде православный храм. Но по ведомостям Российской Антарктической Экспедиции все они, почему-то, числятся техниками-ремонтниками и вовсю используются как грузчики и разнорабочие, чем-то напоминая гекатонхейров у Стругацких. Такое существование инкогнито как-бы снимало с них часть духовных обязательств и давало им широкие возможности. Наш отец Софроний, например, в черной сутане разгружал вертолет с пивом, играл в ней же в пинг-понг, бильярд, и очень ловко стоял на воротах. А два его коллеги-предшественника под новый год даже плясали в балетных пачках танец маленьких лебедей.

Как собаки.

В начале марта на Кинг-Джордж пришли два океанских лайнера, которые привезли множество американцев. Все они, к нашему удивлению, оказались марафонцами. Поскольку бежать на маленьком, единственно свободном от льда и снега полуострове Файлдс особо некуда, трассу разметили флажками от нашей столовой до уругвайской станции, а потом назад до столовой и уже в другую сторону до китайской станции. Но все равно едва набралось с десяток километров. В результате американский народ бегал по полуострову взад-вперед, как волночки в ванне. Наш аспирант-геолог Абрамов еще с вечера мечтал присоединиться к марафону и готовился, однако не учел, что начало назначено не по местному времени, а по корабельному. В результате вся толпа ушла в туман на час раньше, а бедный Абрамов остался один на пустом берегу. На наше предложение бежать просто так, он с возмущением сказал: «Я хочу бежать официально, как полноправный участник с номером, а не как собака».

Доктор-фарцовщик.

Антарктическим летом на Беллинсгаузен частенько заходят суда с туристами. Однажды после прихода очередного корабля начальник станции Оруп поручил нашему доктору заняться торговлей сувенирами и ушанками. Доктор – здоровенный бородатый мужик – подошел к делу со свойственной русскому народу обстоятельностью. Он разложил товары на одном из

холодильников на камбузе, с комфортом развалился на соседнем диване, и стал курить. Время от времени он сообщал проходящим мимо него по коридору коллегам: «Эх, что-то турист сегодня совсем не идет».

Футбол всех времен, народов и континентов. На станции Беллинсгаузен перед матчем наших зимовщиков с чилийцами. В верхнем ряду слева направо: 5 чилийцев, начальник станции Саша Оруп, из-за него выглядывают святые отцы (техники-ремонтники), гляциолог Булат Мавлюдов, океанолог В.Харитоненков, биолог Д.Карелин, доктор А.Урядников, гидробиолог Д. Тихоненков. Нижний ряд слева направо: 2 чилийца, радист В.Савкин, Давид Абрамович Гиличинский, механик-водитель А.Соловьев и аспирант А.Абрамов. Вскоре этот спортивный зал сгорел, но не по нашей вине.

Ужасы бытия.

Однажды я в плотнейший туман пошел на нашу площадку наблюдений. Не видно было ровным счетом ничего. Тишина. Я заблудился. Вдруг вижу сквозь белую стену тумана начинает выступать что-то черное, и постепенно я понимаю, что на меня идет огромное существо на 4-х ногах, очень похожее на лошадь. Я же, как человек начитанный, твердо знаю, что в Антарктиду в первый и последний раз лошадей завозил Роберт Скотт еще сто лет назад при покорении полюса. А тут на меня из тумана, медленно переступая конечностями, движется огромное неизвестное науке животное. Кошмар!

И только в последний момент, когда я уже представлял себе динозавра, внезапно вылупившегося из яйца на мою голову, этот черный силуэт превратился в двух чилийцев с соседней станции, которые несли длинный ящик.

Антарктический робинзон.

Кого только не заносит на Беллинсгаузен. Однажды в дверь кают-кампании постучался обросший белой гривой и бородой человек и представился бизнесменом из Москвы, которого высадили на необитаемый берег. По его словам он мирно плыл с товарищем на нанятой ими яхте вокруг Антарктиды, как вдруг повздорил с капитаном. Тот и высадил их на нашем острове рядом с русской станцией. Товарищем его оказался маленький, коричневатый индиец, как две капли воды похожий на Пятницу. Оба они поселились у чилийцев, а столовались у нас, и вскоре настолько влились в коллектив, что участвовали во всех праздниках и даже дежурили по кухне.

В кают-кампании станции Беллинсгаузен на объединенном праздновании 23 февраля и 8 марта. Робинзон - крайний справа. Единственная женщина – испанская гляциологиня. На аспиранте Абрамове сидит гляциолог-баск.

Ангелы ада.

Самые распространенные птицы на Беллинсгаузене – это пингвины и поморники. Причем, если пингвинов можно коротко аттестовать как «тупой, и еще тупее», то поморники отличаются, я бы сказал, крайне ехидным умом и со

Дмитрий Геннадьевич и лично им пойманный пингвин. Пингвин понимает, какой чести удостоился и старается выглядеть хорошо.

А мои пингвины повернулись ко мне спиной. Во время съемок никто из животных не пострадал.

скуки издеваются над зимовщиками, как хотят. Мне они напоминали огромных злых ангелов, сброшенных с небес за какие-то грехи. Например, закопаем мы с Замолодчиковым в землю камеры для измерения потоков CO_2 или метана, заткнем их специальными пробочками и уйдем. Опыты эти должны продолжаться иногда сутками. Так эти негодяи выжидали, когда мы уйдем, а потом аккуратно вытаскивали клювами эти пробочки и издевательски клали их рядом, сводя на нет все результаты. Пришлось для защиты накладывать сверху огромные кучи камней. Еще они любили бесшумно зависнуть в воздухе против ветра в полуметре над головой, что очень нервировало. С нашего повара они при этом аккуратно снимали клювом шапочку.

Когда мы возвращались из Антарктиды, через пролив Дрейка нас перевозил старенький двухмоторный канадский «Дуглас». Перед самым взлетом кто-то из наших обнаружил на его фюзеляже табличку с годом выпуска «1943». Стали обсуждать, хорошо ли это. Общее мнение выразил один из научников – если его даже во 2-ю мировую не сбили – значит крепкий самолет. Можно лететь.

Под нами пролив Дрейка.

После возвращения из Антарктиды в Чили мы долго не могли избавиться от двух наваждений: 1) бросать бумагу мимо унитаза, и 2) мерещившихся повсюду пингвинов. Первое было связано с тем, что из-за особенностей местной антарктической канализации туда нельзя было смывать бумагу, иначе она засорялась, и бумагу следовало бросать в специальное ведерко, стоящее рядом, а второе – с невероятным количеством пингвинов, которые постоянно путались у нас там под ногами.

Поучительная история с Давидом Абрамовичем.

Наш друг и коллега доктор геолого-минералогических наук Давид Абрамович Гиличинский однажды в курилке поведал нам такую правдивую историю. По роду своей научной деятельности Давид постоянно ездит по самым холодным уголкам Земного шара и бурит мерзлоту в поисках микробов. На Колыме они однажды пробуравили мерзлоту на 30 метров и уже вытащили оттуда бур, но тут кто-то из бурильщиков так насмешил Давида, что у него от смеха выскочила вставная челюсть и упала прямо в буровой шурф. Чтобы понять весь драматизм ситуации, надо сказать, что есть без нее он совершенно не мог, а вокруг - только дикая тундра и немножко тайги.

Кроме того, вытащить что-то обратно со дна узкого и глубокого шурфа может только очень опытный бурильщик, да и то. Прочий подчиненный Давиду народ воспринял трагедию как-то несерьезно, юмористически, со всякими подначками. Вроде того, что еще, мол, у вас туда может вывалиться, ну и так далее.

Единственный, кто проникся драмой начальника, был его подручный чукча Любомир, который не мог бросить его в беде. Как объяснил нам Давид, у чукчей совершенно ничего нет, поэтому они очень умные. Задумавшись, как помочь начальнику, Любомир изобрел доселе совершенно неизвестный способ доставания чего-либо из глубокого шурфа. Для этого берется мокрая тряпка, привязывается к веревке и опускается вглубь пробуренного в мерзоте отверстия. Надо чтобы она накрыла упавший в шурф предмет, а затем ждать, пока она замерзнет. Затем примерзший к тряпке предмет вытаскивается наружу.

Этот гениальный способ в дальнейшем успешно справлялся со всеми свалившимися туда предметами, но с Давидовой челюстью работать почему-то отказался. Как объяснил нам Давид: «видимо, потому, что эта сволочь оказалась пластмассовой». В конце-концов выбурил ее обратно сам Давид через три дня, когда уже почти умер с голоду. С тех пор он никогда не смеется, когда бурит.

Давид бурит (Беллинсгаузен, 2008).

Вообще говоря, умный человек отличается от других людей только одним: просто он быстрее думает. Обычный человек, в конце концов, скорее всего тоже решит предложенную ему задачу, но только тогда, когда умный ее уже решил. Внутренняя мобилизация может привести к тому, что обычный человек решит задачу так же быстро как умный, но постоянно существовать в таком форсированном режиме он не в состоянии. Глупый тоже может решить задачу, но случайно.

Везение и невезение обычно странным образом уравновешивают друг друга. Почему это так – науке неизвестно. Ярким примером может служить случай, который произошел на моих глазах. Однажды мы с Андраником купили бутылку вина и пошли посидеть на крылатские холмы. По пути мы рассуждали о везении и невезении. Андраник убеждал меня, что все в руце божией, и если уж Господь решил тебя испытывать, то с этим ничего поделать нельзя и не будет тебе везти, хоть ты тресни. Спускаемся по дорожке, а перед нами идут парень с девушкой. Вдруг откуда ни возьмись из-за наших спин вылетает на хорошей скорости расфуфыренная девица на каком-то дорогущем маунт-байке и со всего размаха врезается в эту пару. Велосипед вдребезги, девица валяется в кювете со сломанной ногой и ужасно стонет. Казалось бы – вот он, верх

невезения! Но не тут-то было. Та самая девушка, в которую врезалась байкерша, оказалась (кем бы вы думали?) хирургической медсестрой, да еще с набором первой помощи при переломах в сумочке.

Андраник, правда, сказал, что это свидетельствует лишь о бесконечном милосердии божьем.

Про везение всегда интересно порассуждать. Поскольку научный склад ума подразумевает постоянное стремление к систематизации наблюдаемых явлений, у меня есть на эту тему

прикладная теория вероятности.

Везение – это если вероятность плохого события выше 50%, а оно не произошло, или
если вероятность хорошего события ниже 50%, а оно произошло.

Невезение – это когда происходит плохое событие, вероятность которого ниже 50%, или не происходит хорошее, вероятность которого выше 50%.

Если же вероятность события выше 50%, и оно произошло, или ниже 50%, и оно не произошло, то это ничего не значит.

Национальные особенности.

В 2009 году я впервые поехал в Штаты не по делам, а почти как турист. Наконец можно было спокойно осмотреть все достопримечательности. После конференции в Лос-Анжелосе, мы взяли машину напрокат и за две недели проехали всю Калифорнию, Неваду, Юту и Аризону. Завершили свое путешествие в так называемом «гигантском лесу» («Giant forest»), где растут самые большие деревья в мире – секвойядендроны (это такие кипарисы). У меня всю жизнь хранилась фотография отца, где он в 1971 году со своими коллегами-стажерами из СССР стоят в этом лесу под знаменитым «тоннельным» деревом. Я с детства мечтал там оказаться. Вот мы и решили сняться на том же самом месте.

Первый подход к дереву совершили русские, т.е. мы. Мы долго к нему примеривались, заходили с разных сторон, спорили откуда лучше снимать, пару раз поругались, и тут выяснилось, что заехали мы в тоннель не с той стороны и перед нами уже стоят и ждут своей очереди другие машины.

Пришлось всех пропускать. Следующими за нами приехали итальянцы. Их было очень много. Они приехали с правильной стороны, поставили машину прямо в арку, лазили по ней как мартышки, кричали и снимались во всех мыслимых комбинациях. Продолжалось это долго. Стоило им решить, что пора уезжать, как какой-нибудь Луиджи вспоминал, что во время съемки моргнул, и все начиналось сначала. Следующими, тоже с правильной стороны, приехали немцы. Терпеливо дождавшись когда уедут итальянцы, они абсолютно спокойно установили штатив, выстроились в ряд, сделали снимок и уехали.

Тут только мы смогли, наконец, поставить машину правильно, принять нужные позы, и сделать все что нужно.

Отец (стоит крайним справа) со своими друзьями под «тоннельной» секвойей (1971). Интересно, что они, похоже, тоже заехали не с той стороны.

Под тем же стволом сорок лет спустя. А ствол все как новый...

Снова в Америке.

Когда я уже было решил, что никогда больше не попаду в Америку (в облегчительном, а не сожалетельном смысле), пришлось снова туда поехать. Поехал я на конференцию мерзлотоведов в город Фербэнкс на Аляске. Дело происходило в местном университете. Перед конференцией у нас состоялся симпозиум, на который съехалось множество русских.

Проводил его выходец из Питера, наш очень хороший друг, физик Коля Шикломанов, который уже много лет живет и работает в Америке. Коля со знанием дела и на прекрасном английском вел совещание. Он сразу строго предупредил международную аудиторию, что поскольку Россия только что впервые в своей истории вышла в полуфинал чемпионата Европы по футболу, где играет с Испанией, то завтра, во время утреннего заседания и докладов, он пустит в углу большого экрана, где демонстрируют свои слайды докладчики, «картинку в картинке» футбольного матча в прямом эфире из интернета. А еще предупредил единственного среди нас испанского мерзлотоведа, чтобы он, значит, не очень-то завтра болел за своих, потому что вокруг почти тридцать человек русских.

На следующее утро Коля, в роли председателя, честно выполнил свое обещание. Я бывал на разных конференциях, но такого замечательного заседания не припомню. Шел доклад какого-то канадца. В углу экрана с очередным графиком, бесшумно бегали фигурки футболистов, к которым все уже как-то попривыкли. Наконец, канадец закончил. Дальше события развивались следующим образом:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (благожелательно, на хорошем английском): «Ну что же, мы заслушали очень интересный доклад. У кого есть вопросы? Пожалуйста, прошу вас».

НЕКИЙ АМЕРИКАНЕЦ ИЗ АУДИТОРИИ: «Да, спасибо. Я бы хотел узнать у уважаемого коллеги, с помощью какого метода он получил...»

ПРЕРЫВАЕТСЯ УЖАСНЫМ КРИКОМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ (на русском): «Ну и мудак же этот Павлюченко! Промахнуться с трех метров!!! (спохватившись и снова переходя на английский): «Да, так что вы хотели узнать, коллега?».

* * *

Личный вклад соискателя (подведение итогов).

Если разобраться, нет ничего удивительного в том, что в зрелом возрасте мы лучше помним то, что происходило с нами давным-давно, но плохо помним совсем недавние события. Ведь из отдаленного прошлого почти все забыто, и осталось лишь несколько самых ярких воспоминаний. Недавних же событий слишком много, и поэтому из съеживающегося с возрастом объема временного хранения они сразу начинают вытесняться новыми событиями.

С воспоминаниями обычно получается так. Когда обращаешься к какому-то сюжету, память сперва снимает верхние, самые яркие слои. И лишь после того, как от этих первенцев произошло избавление, на поверхность выступают следующие слои, о которых уже как будто позабылось. И так, при бережном к ним отношении можно погружаться вглубь все дальше и дальше. Это очень похоже на раскопки, где нельзя сразу начать с нижних слоев, а к ним надо постепенно подбираться сверху. Время так спрессовало весь этот материал, что он превратился в единый монолит, в ту самую почву, на которой мы стоим. Не сняв верхнего слоя, не увидишь то, что лежит ниже. Главное, не торопиться, иначе из воспоминаний можно что-нибудь безвозвратно потерять или погубить.

Как безвозвратно погубило нетерпение Шлимана и его глубокие и жадные траншеи сокровища Трои. Но есть другая опасность. Если рыть слишком глубоко, можно оказаться в таких областях подсознания, где многим понятиям и желаниям нет названия на человеческом языке, и нет границы между реальностью и вымыслом, разумом и безумием. Не о том ли предупреждал Толкиен, повествуя о гибели Мории, которую погубили гномы, копавшие слишком глубоко, и тем вызвавшие из глубин огненного демона.

Однажды мой мудрый друг Кля стал рассуждать, что всех людей можно разделить на три категории: людей огня, людей воды и людей ветра. Первые способны быстро воспламениться идеей, но уже никогда не возвращаются на прежнее пепелище, вторые – упорно подтачивают любые препятствия и рано или поздно прокладывают путь к своей цели, третьи – ветрены и непостоянны, и не имея ведущей их идеи, свободно носятся по свету. Я подумал, что я, наверное, – куст. Я расту там, где меня посадили и не испытываю необходимости в переменах. У меня одна и та же работа, я живу в одном и том же городе, люблю одних и тех же людей. Но и мы, кусты, меняемся, только очень медленно.

---

1) В науке никогда не бывает, чтобы какая-нибудь модель на 100% описывала реальность. В моей экологии считается допустимым, если ошибка не превышает 25%. Так что думаю, если то, что я тут написал, хотя бы без этой величины соответствует действительности, я свою задачу выполнил.

2) Посмотрев критически на все что написал, я заметил, что в полном соответствии с законом роста энтропии в самопроизвольных процессах, к концу моего изложения оно, из поначалу стройного и даже, как будто, логичного, все

больше начинает напоминать разрозненные смальты мозаики, никак не складывающиеся в общую картину. Думаю, что это совершенно нормальный хаос и излишне с ним бороться, как безуспешно боролся один из моих героев, бедный профессор Матекин, с народной стихией.

События - кубики жизни – образуются, и медленно оседают на дно сосуда памяти словно в диковинной игре в «тетрис». Сложится ли когда-нибудь эта мозаика? Не знаю. Выиграем ли мы в этой игре? Вряд ли. Знаю только, что это «бесконечная история», где на место одних событий всегда приходят другие, хотя ничего не повторяется и новые события ничем не лучше прежних. Но мы часть этого вечно меняющегося мира. Наверное в этом и есть его главный смысл – в изменении и неповторимости. Мир, в котором не скучно. Таким, наверно, его и задумали.

* * *

Приложения.

Действующие лица и исполнители[24]:

АЛФЕРОВ Александр Львович. Выпускник кафедры высших растений биофака МГУ, забросил основную специальность и всю жизнь служил актером в московских театрах. Снимался в телесериалах, как режиссер поставил несколько чудесных собственных спектаклей в театре Стаса Намина и армянском театре. Саша Алферов умер 29 сентября 2008 года как настоящий актер. Сразу после спектакля в гримерной остановилось его сердце.

АНДРЕЕВ Юрий Анатольевич («Юрик»). После окончания МГПИ имени В.И.Ленина какое-то время учительствовал и был инструктором детской туристической базы в Яхроме. Потом занялся ландшафтным дизайном, основал свою фирму, и по-моему, вполне процветает на этом поприще. Поет и выпускает музыкальные диски с друзьями. Как у почти всех нас, у Юры в жизни получилась не одна семья. Сейчас он уже дедушка.

АРХИПКИН Александр Иванович (Arkhipkin Alexander, «Санек»). Закончил кафедру зоологии беспозвоночных МГУ в 1982. После выпуска довольно долго работал по распределению в Калининграде, в АнлантНИРО (Атлантический НИИ рыбного хозяйства и океанографии). Защитил кандидатскую в институте океанологии им. П.П.Ширшова. Продолжил карьеру старшим научным сотрудником в департаменте рыбных ресурсов на Фолклендских островах (Великобритания), где и работает по сию пору. Автор более 130 публикаций. Является гражданином Великобритании, как, впрочем, и его дети, которые там сейчас учатся. Я был проездом у Саши в Калининграде в 1984. Он никогда не прерывал контактов с нашими, и даже зазывал к себе работать Лешу Буяновского, но там что-то не срослось.

БАБУШКА, Карелина Татьяна Дмитриевна (25 января 1909 - 22 марта 2001). Папина мама, женщина с трудной судьбой и твердым сибирским характером. Вдова директора крупного красноярского завода, который, отказавшись от брони, добровольцем ушел на фронт и погиб под Ленинградом. Одна вывела троих детей в люди, была поразительно терпелива со мной в детстве и позднее. В молодости комсомолкой активно участвовала в раскулачивании, но потом стала самой ярой противницей коммунистов в нашей семье. До 70 лет плавала по Енисею поварихой на корабле от Красноярска до Дудинки. Любила песни, застолья и людей.

БАРДИН Александр Васильевич. Питерский орнитолог, кандидат биологических наук. В свое время писал на мою кандидатскую отзыв от ведущей организации. С Сашей мы были в очень дружеских отношениях. Удивительно приятный человек и талантливый орнитолог. Говорят, его чуть не

[24] Не стоит рассматривать этот раздел как точный источник информации. Люди отличаются от мебели тем, что поразительно быстро перемещаются по Земному шару, и с ними постоянно что-то происходит.

сгубила известная русская болезнь, но потом он выкарабкался. Сейчас издатель и редактор «Русского Орнитологического журнала».

БУТОВСКАЯ (Коломийцева) Марина Львовна. Родилась в городе Черкассы на Украине. Закончила кафедру антропологии МГУ. Входит в мировую элиту антропологии и в 1000 самых известных выпускников московского университета. Доктор исторических наук (в 35 лет), профессор. Автор более 300 статей и доброго десятка книг. Часто выступает по телевидению и радио, поэтому на ее фамилию в интернете открывается больше страниц, чем на кого-либо еще из моих друзей и знакомых. У Марины муж Руслан, дочь Полина, собака Пэгги и кошка Линда.

БУЯНОВСКИЙ Алексей Ильич («Леха»). После окончания МГУ много лет проработал в ТИНРО на Камчатке, потом вернулся с женой в Москву, где как работал, так и работает во ВНИРО. Доктор биологических наук. Двое детей. Сейчас завел новую семью и потихоньку начал путешествовать. Иногда ходит инспектором в рейсы на рыболовных судах в Баренцевом море и Тихом океане, чего страшно не любит, но говорит, что деньги нужны.

ВЛАДЫЧЕНСКИЙ Александр Сергеевич. Профессор, заведует кафедрой общего почвоведения МГУ. Заместитель декана факультета почвоведения. Очень приятный в общении человек. Мы иногда пересекаемся с ним на факультете, благо здание у нас общее.

ВОЛКОВА Ольга Федоровна. Моя вторая (по порядку) жена. Родилась 2 мая 1961 года в Москве. Окончила факультет почвоведения МГУ. Вскоре ушла работать в ИИЕТ (институт истории естествознания и техники), где много и всерьез занималась наукометрией. С этой целью основала собственную фирму, которая арендовала помещения, по совпадению, на факультете моего отца. Потом, к сожалению, ушла из института и забросила науку. Так и не защитилась. А напрасно. За свою жизнь Ольга трижды была замужем, у нее сын от первого брака.

ВОРОНИН Михаил Михайлович. Имея лесотехническое образование Мишка всю жизнь занимался любимым делом лесоустройства, бороздил тайгу со своей лайкой, охотился и ловил рыбу, пока здоровье не кончилось. Жена работает в издательстве, дочь – художница. После смерти отчима, известного академика АН СССР Никиты Николаевича Моисеева (автора знаменитой модели «ядерной зимы») и своей мамы, получил в наследство достаточное количество недвижимости. Поэтому, к счастью, может больше не работать и живет в Абрамцево, на даче.

ВУКВУН Иван Васильевич. Постоянно живет в поселке Лаврентия на Чукотке. Раз в два года отправляется в отпуск со всей семьей на Черное море, где у них дача. Каждый транзитный приезд в Москву многочисленное семейство Вуквунов обитает в гостеприимной квартире Д.Замолодчикова, семья которого на это время выселяется. Мы их очень любим.

ГЕБРУК Андрей Викторович. Выпускник кафедры зоологии беспозвоночных МГУ. Доктор биологических наук, завлабораторией донной фауны океана института океанологии им. П.П.Ширшова. Больше 100 публикаций. Открыл новые виды глубоководных голотурий. Посвятил жизнь

изучению одного из самых потрясающих открытий 20 века – гидротермальным сообществам. Сам неоднократно погружался на обитаемых глубоководных аппаратах на дно океана, чем может похвастать, наверное, немногим больше людей, чем побывало в космосе.

ГИЛИЧИНСКИЙ Давид Абрамович. Доктор геолого-минералогических наук, завлабораторией в институте физико-химических и биологических проблем почвоведения, в Пущино-на-Оке. Входит в 1000 наиболее цитируемых российских ученых. Когда-то в молодости Давид играл в футбол за кишиневскую «Нистру», что и подтвердил блестящей игрой против чилийской сборной на станции Беллинсгаузен в день своего 60-летия. Избурил в поисках микробов мерзлоту по всему миру и полетел бы искать их на Марс, не задумываясь. Вместо этого сам посылал микробов в космос. Всемирно известен, как человек, нашедший самый древний живой организм на Земле (это был микроб во льду Антарктиды). Можно сказать, человек-душа российского сообщества мерзлотоведов. Мы очень любим ездить к Давиду в Пущино, потому что только он умеет чудесным образом сочетать науку с «братанием».

ГИЛЬМАНОВ Тагир Габдулнурович. Доктор наук, эколог, почвовед, математик. В свое время, как отличник учебы, одновременно закончил два факультета МГУ: почвоведения и ВМК (Вычислительной математики и кибернетики). Подавал большие надежды, как один из лидеров отечественного моделирования в экологии. В 1992 выехал с семьей в США. Сейчас профессор в одном из провинциальных университетов США (кажется, штат Юта). Из науки практически ушел, а жаль. Мог бы стать одним из ведущих экологов мира.

ГЛАГОЛЕВ Михаил Владимирович. Миша тоже относится к удивительно постоянным величинам (он, вероятно, как и я, куст). Живет в одной квартире, работает над одной темой (метан), ездит каждый год в одну экспедицию (Западная Сибирь), возится с детьми во дворце пионеров. После расставания с «совершенно неуважаемым» доктором Н.С.Паниковым из института микробиологии, перешел на кафедру физики почв МГУ. Недавно Миша, наконец, с блеском защитил кандидатскую, которую я сам же потом и утверждал в ВАКе. Но ожидалось это событие столько лет, что на защите, выступавший в качестве его научного руководителя д.б.н. А.В.Смагин сказал: «Поскольку я всю жизнь сам консультировался у Михаила Владимировича, то считаю, что сегодня я присутствую на защите МОЕГО научного руководителя».

ГРАБОВСКИЙ Василий Исаакович. Кандидат биологических наук. Как и я, закончил кафедру зоологии позвоночных МГУ, но чуть раньше. Всерьез уезжал в Германию на п.м.ж., но по ряду обстоятельств вернулся. Человек с прирожденным «биологическим» глазом. В молодости подавал большие надежды как талантливый зоолог, но почему-то не стал всерьез делать карьеру в этой науке. Тем не менее, активно участвует в международных программах по изучению птиц, ездит в Голландию, на Таймыр, и на конференции.

ГРИГОРЬЕВ Евгений Михайлович («Григ»). Учился в легендарном первом выпуске биологического класса 57-ой школы. Директор заповедника на Курильских островах.

ДЖЕНКИНС Митч (Mitch Jenkins). Ушел из науки вскоре после женитьбы на своей герл-френд Терри, посвятил себя семейному бизнесу и утратил прошлые связи.

ДЗЕРЖИНСКИЙ Феликс Янович. Профессор кафедры зоологии позвоночных, известный морфолог, один из самых доброжелательных и интересных преподавателей факультета.

ЗАМОЛОДЧИКОВ Дмитрий Геннадьевич («Зам»). Доктор наук, зам.директора Центра по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН и профессор Московского университета. Недавно стал заведующим кафедрой общей экологии МГУ. Является экспертом ООН по климатическим соглашениям. По-прежнему, мастерски играет в бадминтон и любит ездить со мной в разные уголки Земного шара ловить бабочек. Открыл несколько новых видов бабочек, в том числе вид рода Parnassius на Чукотке, который хотел назвать в честь губернатора Абрамовича, но ему это не позволили. Очень гостеприимен. Бывает, что люди назначают встречи в его квартире без его ведома. В личной жизни - три семьи и двое детей. По-моему, сейчас вполне доволен своей жизнью.

ЗЕЛЕНЕВ Владимир Викторович. Окончил факультет почвоведения МГУ. Долгое время работал в институте микробиологии РАН у Н.С. Паникова вместе с М.Глаголевым, потом вынужденно ушел оттуда и нашел себе грант для выполнения Ph.D. в Голландии, Вагенинген. Вскоре там же успешно защитился по моделированию микробных сообществ в почве. Однако его голландскую степень в России пока не признали. Сейчас живет в Москве.

ЗЕЛЕНСКИЙ Геннадий Михайлович. Глава чукотского объединения «Наукан». Живет в поселке Лаврентия. Помогает обеспечивать научную деятельность и контролирует добычу китов на Чукотке. Наш тамошний «ангел-хранитель».

ИВАНКИНА Елена Васильевна. Кандидат биологических наук. Всю жизнь живет и работает на звенигородской биостанции МГУ. Семьи так и не завела, но у Лены множество друзей, а также собак, которые ее очень любят. Представить себе биостанцию без Лены невозможно.

ИВАЩЕНКО Андрей Иванович («Иваныч»), бессменный товарищ по триумвирату, которым мы ездили с ним и Замолодчиковым в арктические экспедиции. У него вторая семья, двое детей. Работает в одной из крупных «зеленых» организаций. Так и не защитился. В последние годы переключился на изучение Антарктиды, прошел весь путь туда на корабле и стал настоящим антарктическим и морским волком.

ИРЕНА ДЮРИШЕВА («Иренка»). Почти всю жизнь прожила в Праге, рядом со своими родителями. Стала окулистом, замужем, у нее двое детей. Когда мы встретились в Праге много лет спустя, выяснилось, что она еще помнит русский, а я совершенно не помню чешского. Наши родители дружили всю жизнь.

КЕРИМОВ Анвар Бурханович, служит примером редкого постоянства в личной жизни и науке. Несмотря на несомненный научный авторитет, абсолютно чужд тщеславия и карьеризма, поэтому последним в своей

возрастной когорте защитил кандидатскую, отказавшись перезащищать ее как докторскую. Мы остаемся друг для друга самыми старыми друзьями, потому что я знаю его с 10-ти лет, а он меня с пяти.

КИШКИНА (сейчас Дугина) Вера Борисовна. Закончила МГУ в 1982 году. Кандидат биологических наук. Работает в НИИ физико-химической биологии им. А.Н. Белозерского МГУ. Половину времени по работе проводит в Женеве. А вот три ее подружки из нашего класса - полностью за границей. Алла Дистолятор уже давно живет в Израиле, и лишь иногда наезжает в Москву. Ольга Марьета – в США, Катя Кропоткина – в Англии. Надеюсь, ничего не перепутал.

КЛЯШТОРИН Алексей Леонидович («Кля»). Почвовед, кандидат наук. Работал в аварийной зоне Чернобыля, потом ряд лет на Сахалине экспертом в проектах нефтедобычи «Сахалин-1» и «Сахалин-2». Завел там себе новую семью, но и старую не бросает. Двое детей. В 2009 г. перебрался в Канаду, где вполне счастлив.

КЛЯШТОРИН Леонид Борисович, доктор биологических наук, известный ихтиолог, специалист по лососевым. Работает главным научным сотрудником во Всесоюзном НИИ Рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО). Отец моего лучшего друга по прежнему активен в науке, крепок, и надеюсь нас не подведет.

КОЗЛОВ Михаил Владимирович. Достаточно известный «лесной» эколог, Ph.D. Занимается влиянием загрязнений на природные сообщества Лапландии. В основном живет и работает в Финляндии, сейчас, по-моему, в отделе экологии университета города Турку. С Мишей мы долгое время переписывались, я ездил к нему в Питер определять насекомых, а он приезжал ко мне в Москву. Но потом как-то разбрелись.

КУЗНЕЦОВ Александр Николаевич («Кузя»). Доктор биологических наук, морфолог. Двое детей и уже дедушка. После изгнания с кафедры числился в зоомузее МГУ, но большую часть времени и сил тратил на передачу «Диалоги о животных», где был научным консультантом. Что делать, не духом единым жив человек. За границу ездит редко и неохотно. Сейчас вернулся в качестве доцента на кафедру зоологии позвоночных, ведет там практикум, но это уже никого не пугает.

ЛАКОСИН Александр Иванович. По-прежнему подполковник и начальник пожарной части в Лаврентия на Чукотке. Проезжая через Москву в отпуск никогда не забывает о нас. Собирался выйти на пенсию и перебраться на материк, поближе к нам.

МАКАРОВ Алексей Николаевич, мой однокурсник. Последние годы работал в институте морфологии человека и в террариуме московского зоопарка. Трагически погиб от рук каких-то негодяев.

МАМА, Карелина Людмила Павловна. Всю жизнь проработала в институте биоорганической химии у Ю.А.Овчинникова. Несколько лет прожила на Кубе. Прекрасно знает испанский. Сейчас на пенсии. Ведет удивительно активный образ жизни (тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!). Воспитывает внука Павлика, который уже вполне взрослый студент. Еще скучает по Полине, моей младшей

сестре, которая недавно переселилась в Штаты со своим мужем Сергеем и дочкой Дашей. Теперь уже не напишешь в анкете, что у меня нет родственников за границей.

МАТЕКИН Петр Владимирович, профессор кафедры зоологии беспозвоночных. Одна из легенд биофака. Умер 6 мая 2010 г. Жаль его, как бы кто ни относился к его причудам. Справедливый и очень неглупый был человек. Без него на факультете чего-то не хватает.

МАУРЕР Андрей Маркович («Рэр»). Работает в институте антропологии МГУ. Был женат на Кате Третьяковой из нашей группы. Недавно защитил кандидатскую и второй раз женился. Пару лет назад ездил с Кузей на поиски древнего человека в Аргентину.

ОВЧИННИКОВ Юрий Анатольевич (1934 - 1988). Рано ушел из жизни. Вице-президент АН СССР. Бесспорно блестящий ученый и выдающийся организатор науки. Основоположник биоорганической химии в СССР. Предвидел главное направление развития биологии на десятилетия. В свое время его институт биоорганической химии был одним из лучших в мире. До конца жизни, несмотря на невероятную занятость, помогал нашей семье во всех ситуациях. Институт биоорганической химии и 10-я школа, которую они с отцом когда-то окончили с золотыми медалями, носят теперь его имя.

О СЕБЕ. Карелин Дмитрий Витальевич («Димок», «Митяй», «Митрий», «Кареш», «Димыч», «Димуля»). Родился 29 мая 1960 года в городе Красноярске. Первые годы там и жил, потом на Кубе, потом в Москве. В 1982-ом окончил кафедру зоологии позвоночных биологического факультета МГУ, и с тех пор никуда с факультета не уходил. Кандидатскую защитил в 1990-ом, докторскую – в 2006-ом. Женился дважды, причем оба раза почему-то на почвоведках. От первого брака есть сын, тоже Дмитрий (1989).

ОТЕЦ, Карелин Виталий Васильевич (11 августа 1935 – 28 марта 1994). Радиохимик, доктор химических наук, профессор химфака МГУ. Многие годы работал на Кубе, в том числе советником ректора гаванского университета. Был замдекана химфака МГУ, деканом подготовительного факультета для иностранных граждан МГУ. Отец был очень артистичной натурой. С огромным успехом играл в студенческом театре. На 3 курсе его пригласил во МХАТ ученик Мейерхольда - режиссер Варпаховский, и перед ним встал выбор между научной и театральной карьерой. Так, известная актриса и выпускница факультета журналистики МГУ, Ия Саввина тоже стояла перед таким выбором, и ушла в театр. А он выбрал науку, о чем никогда не жалел.

ОШЕЛЬ Уолт (Walter Ochel). Профессор университета Сан Диего, известный эколог, специалист по Арктике. Автор более 300 статей. Один из моих учителей. Своих детей нет, но обожает племянника. Когда был помоложе, любил путешествовать на яхте и коллекционировать вино. В 2009 мы встретились с ним в Фейрбенксе и оба очень обрадовались. Он постарел, но по-прежнему активен и окружен молодежью. Всегда отличался высокой толерантностью к иностранцам.

ПАНИКОВ Николай Сергеевич. Доктор наук, микробиолог и модельер, преподает где-то в США. Больше ничем, насколько мне известно, не прославился.

ПАРАМОНОВ Дмитрий Владимирович («Парамон»). Не пошел по научной стезе, хотя и был в свое время победителем всесоюзной школьной биологической олимпиады. Сейчас директор компании по ремонту и отделке помещений. Вполне процветает. Не так давно мы виделись с ним на юбилее Порфирия.

ПАРФЕНОВ Кирилл Геннадьевич («Порфи(ри)й»). На 50-летнем юбилее определил себя просто: «бухгалтер, человек и водолаз». Поскромничал, Кирюха. Биологическое темное прошлое не помешало ему стать частью бухгалтерской элиты страны, экономистом, вице-президентом банка, да еще в фильмах сниматься и под водой быть не последним человеком.

ПОГОСЯН Роман Михайлович («старик Ромуальдыч») – вот уже много лет живет в Австралии. В 1997 я приезжал к нему в Аделаиду. После смерти жены от рака, один воспитывал сына. Был врачом в госпитале королевы Елизаветы в Аделаиде. Сейчас следы его затерялись.

ПРЯЖНИКОВ Александр Анатольевич. Кандидат сельско-хозяйственных наук. Навсегда ушел из науки под давлением жены-балерины, долгое время работал начальником охраны одного из элитных московских клубов, поэтому был знаком не понаслышке со многими сильными мира сего. Что делает сейчас - не знаю.

САВИНЕЦКИЙ Аркадий Борисович («Гунька»). Зоолог, доктор нау*к,* главный научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции РАН, заведующий лабораторией биогеоценологии и исторической экологии, один из немногих в нашей возрастной когорте, кто активно продолжает заниматься наукой. Каждый год со своими людьми ездит в экспедиции в Эфиопию.

СОБОЛЕВ Борис Павлович. Доктор химических наук, заведует лабораторией в институте кристаллографии им.А.В.Шубникова. Как и Д.А.Гиличинский, входит в 1000 наиболее цитируемых ученых России. Увлекается теннисом, фотографией, видеосъемками и путешествиями. Постоянству и силе его увлечений можно только позавидовать.

СОКОЛОВА Галина Анатольевна (7 декабря 1936 – 8 мая 2008). Заслуженный учитель России, соросовский учитель. Создательница биологических классов в московских школах №57 и №520. Моя учительница. За свою жизнь воспитала более 500 учеников для высшей школы, среди них доктора наук и членкоры. Похоронена на Лефортовском (немецком) кладбище. Я люблю приходить к ней каждую весну.

СТИШОВ Михаил Сергеевич. Насколько мне известно, пока еще кандидат биологических наук. Больше 20 лет проработал в заповеднике «Остров Врангеля», прошел там весь путь от лаборанта до замдиректора по науке. Потом переключился на природоохранную деятельность в министерствах и разных фондах, в том числе Всемирном Фонде Дикой Природы. Объездил много стран, написал много статей и книг, поменял много жен. Нет, он определенно не куст. Скорее, огонь.

СТРЕЛКОВ Владимир Иванович. Закончил кафедру зоологии беспозвоночных МГУ. Заведует эколого-физиологическим отделом в Биологическом музее им. К.А.Тимирязева.

СУЛЕЙМАНЯН Андраник Грантович («Андро»). Кандидат психологических наук, доцент. Круглый год читает по нескольку лекций в неделю в Психологическом университете и других местах. Студенты его любят. Внештатный корреспондент еженедельника «Футбол», главный редактор воссозданного им журнала «Всемирный путешественник». Очень любит путешествовать по миру. На данный момент все еще не женат, хотя, по его словам, собирается.

ТЕРТИЦКИЙ Григорий Маркович («Гриня»). Работает старшим научным сотрудником в ин-те географии РАН. Раньше ездил по работе на Шпицберген, теперь на Соловецкие острова. Как был орнитологом, так им и остался. У Гриши двое детей, он уже дедушка. Один из последним из нас сел за руль, но теперь его от него не оторвать. Последнее время увлекся со своей второй женой Ольгой путешествиями по Свету. Ни за что не хочет защищаться.

ФЕДОРОВ Вадим Дмитриевич («В.Д.»). Профессор, заведующий кафедры гидробиологии, потом кафедры общей экологии и гидробиологии, потом снова кафедры гидробиологии МГУ. Помимо основной деятельности хорошо известен как писатель, автор книг и стихов. Недавно похоронил Каспера.

ФИДЕЛЬ Алехандро Кастро Рус (Fidel Alejandro Castro Ruz). Бессменный руководитель Кубы с 1959 года. Личный друг президента Венесуэлы Уго Чавеса. Почти рекордсмен по непрерывному управлению одной страной. Мягко удалился от власти в 2008, передав ее своему младшему брату Раулю.

ХАСТИНГС Стивен («Стив», Stiven J. Hastings). Американский эколог, несколько лет назад наконец защитил Ph.D., работая в Мексике. Автор более 200 статей, сейчас околонаучный функционер. По-моему, так и не женат. Вернулся работать и жить на Аляску.

ХОТИНСКИЙ-СИБИРЯК Иван Никитович («Ваня»). Наш хороший друг и сосед по деревне. Живет в Москве. Сейчас занимается продажей недвижимости. Его отец, Никита Александрович, известный палеогеограф, собственно, первый нашел для всех нас деревню Зарю. Мать Вани была просто красавицей. Сейчас Ваня – сирота. Из родственников у него осталась только сестра в Польше и племянник. Вместо родителей его опекает наш общий друг Камиль Эмильевич Кульбарисов («Кам»). Увлекается русской историей, покупкой земли и женщинами.

ЦЫГАНОВА (по мужу ДАНИЛИНА) Ирина Юрьевна, окончила МГПИ им. В.И.Ленина. Работала в школах и на детской станции туристов. Сейчас переключилась на страховой бизнес. Вдобавок всю жизнь учит детей английскому. Кандидат педагогических наук (2002). Дочь - учитель-географ по образованию, недавно вышла замуж. Муж занимается таким тайным государственным делом, что я не смею даже делать намеков.

ЧУРАЕВ Михаил Юрьевич («Мишаня»). Занимается каким-то таинственным бизнесом, который, судя по всему, приносит ему достаточные дивиденды. Жена – скрипачка, родила ему двоих детей, в которых Миша души

не чает. После победы над «девочкой с деревянными башмачками» Миша, наконец, обрел мир в душе.

ШАДЕНКОВА (по мужу Пакина) Елена Николаевна. Окончила кафедру ихтиологии МГУ. Кандидат биологических наук. Доцент кафедры защиты растений Российского университета Дружбы народов. По-прежнему хороша собой.

ШИЛОВ Игорь Александрович (1921 - 2001). Академик РАН. Прошел войну, всю жизнь отдал экологии и биофаку. В последние годы жизни заведующий кафедрой зоологии позвоночных. Талантливый эколог и лектор, автор многих прекрасных книг и учебников по экологии. Был учителем многих, в том числе Анвара и меня.

ЯНКО Владимир Викторович («Вовик»). Закончил МАИ (Московский авиационный институт). Много лет занимался торговлей мебелью. Женился на бывшей индонезийской кинозвезде и живет теперь на два дома – в Москве и на острове Ява. Двое детей. Одержал трудную победу над зеленым змием и вернулся к семье и людям. Бизнесом теперь практически не занимается, поскольку уже обеспечил себя и семью хорошо и надолго. Свое время тратит на путешествия по земному шару.

Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ об остальных, к сожалению.

Список литературы.

1. Собственные наблюдения и мысли.

2. Рассказы друзей, родственников и знакомых.

3. Фотографии, в основном, мои, а также В.Карелина, Ю.Андреева, К. Парфенова, А.Стенина, Л.Демидова, С.Панюшкина, Б.Соболева, Д.Замолодчикова, А.Владыченского, М.Козлова, Rommel Zulueta, и неизвестных мне авторов.

Благодарности.

Всем спасибо.

Описанные события, скорее всего, имели место в действительности.

Все совпадения случайны, ошибки непреднамеренны, а тем, кого я не упомянул, или упомянул не так, как они того заслуживают, приношу глубочайшие извинения.

При написании книги никто не пострадал.

Все пожелания, жалобы, критику, похвалы и ругательства прошу направлять по адресу: dkarelin@pochta.ru